

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей журнала отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Издание включено в Перечень ВАК РФ
по следующим научным специальностям,
по которым принимаются статьи:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-66481
от 14 июля 2016 г.

Подписка на журнал
«Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология»
осуществляется через подписное
агентство «Урал Пресс».
Подписной индекс — 41011

Адрес редакционной коллегии
614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, 15.
Тел. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru.
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© ПГНИУ, 2026

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор
Александр Юрьевич Внутских (докт. филос. наук, доцент, чл.-кор. РАЕ, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

Заместитель главного редактора
Александра Юрьевна Бергфельд (канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь).

ФИЛОСОФИЯ

Наталья Ириковна Береснева (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Владимир Николаевич Железняк (докт. филос. наук, профессор, профессор кафедры философии и права, Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермь),

Лариса Павловна Кищенко (докт. филос. наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва),

Сергей Владимирович Комаров (докт. филос. наук, доцент, декан философско-социологического факультета, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Лева Асканазович Мусаелян (докт. филос. наук, доцент, профессор кафедры философии, Пермский государственный национальный исследовательский университет Пермь),

Сергей Анатольевич Никольский (докт. филос. наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель сектора философии культуры, Институт философии РАН, Москва),

Сергей Владимирович Орлов (докт. филос. наук, профессор, профессор секции философии кафедры истории и философии, Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, Санкт-Петербург),

Екатерина Сергеевна Черепанова (докт. филос. наук, профессор, профессор кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, директор Института по переподготовке и повышению квалификации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург).

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (докт. психол. наук, профессор, акад. РАО, декан факультета психологии, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва),

Милена Валерьевна Балева (докт. психол. наук, доцент, профессор кафедры общей и клинической психологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Наталья Анатольевна Логинова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Ирина Анатольевна Мироненко (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии личности, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Людмила Александровна Мосунова (докт. психол. наук, профессор, зав. кафедрой издательского дела и редактирования, Вятский государственный гуманитарный университет, Киров),

Александр Октябрьевич Прохоров (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры общей психологии, Казанский государственный педагогический университет, Казань),

Елена Евгеньевна Сапогова (докт. психол. наук, профессор, профессор кафедры психологии образования, Московский педагогический государственный университет, Москва).

СОЦИОЛОГИЯ

Ольга Ивановна Бородкина (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики социальной работы, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург),

Зинаида Петровна Замираева (докт. социол. наук, профессор, зав. кафедрой социальной работы и конфликтологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь),

Евгения Анатольевна Козай (докт. филос. наук, профессор, зав. кафедрой социологии, Курский государственный университет, Курск),

Наталья Александровна Лебедева-Несевра (докт. социол. наук, доцент, профессор кафедры социологии, Пермский государственный национальный исследовательский университет, зав. лабораторией методов анализа социальных рисков, Федеральный научный центр медико-профилактических технологий управления рисками здоровью населения, Пермь),

Елена Леонидовна Омельченко (докт. социол. наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, профессор Департамента социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (филиал), Санкт-Петербург),

Сергей Александрович Судьин (докт. социол. наук, доцент, заведующий кафедрой общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андрей Юрьевич Дудчик (канд. филос. наук, доцент, зам. директора по научной работе НАН Беларуси, Минск, Беларусь),

Александр Алексеевич Строчанов (докт. наук, профессор Департамента криминальной юстиции, истории и глобальных исследований, директор Института русского языка, истории и культуры, университет Северного Вермонта—Линдона, Линдонвилл, Вермонт, США),

Дьердь Сарвари (доктор философии, директор Bardo Consulting Organizational Development Office, Будапешт, Венгрия),

Дэварджио Де Маркис (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Мадрид, Испания),

Стивен Д. МакДауэлл (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, Таллахаси, Флорида, США),

Пол Эйткен (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Голд-Кост, Квинсленд, Австралия).

*Founder: Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State University»*

The scientific journal
has been published
by the Perm State University
since 2010

Subjects of articles of the journal reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:*

- 5.7.1 Ontology and theory of knowledge
- 5.7.2 History of philosophy
- 5.7.7 Social and Political philosophy
- 5.7.8 Philosophical anthropology,
philosophy of culture
- 5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology
- 5.4.1 Theory, methodology and history of sociology
- 5.4.4 Social structure, social institutions and processes
- 5.4.7 Sociology of management

The periodical is registered
in the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media (Roskomnadzor).
The Mass Media Registration Certificate
ПМ № ФС77-66481, July 14, 2016.

Subscription to the journal
«Perm University Herald.
Philosophy. Psychology. Sociology»
is carried out through an agency «Ural Press».
Subscription index — 41011

Address of Editorial Board

Perm State University,
15, Bukirev st., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068.
Tel. +7(342) 2396-305.
E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru,
fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru
Web-site:
<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

© Perm State University, 2026

EDITORIAL STAFF

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnatskikh (Doctor of Philosophy, Corresponding Member of Russian Academy of Natural History, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm).

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm).

PHILOSOPHY

Natalya I. Beresneva (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Culturology and Social and Humanitarian Technologies, Perm State University, Perm),

Vladimir N. Zheleznyak (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Law, Perm National Research Polytechnic University, Perm),

Larisa P. Kiyashchenko (Doctor of Philosophy, Leading Researcher of Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Komarov (Doctor of Philosophy, Dean of the Faculty of Philosophy and Sociology, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Leva A. Musaelyan (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy, Perm State University, Perm),

Sergey A. Nickolsky (Doctor of Philosophy, Chief Researcher - Head of the Department of Philosophy of Culture, Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow),

Sergey V. Orlov (Doctor of Philosophy, Professor of the Section of Philosophy of the Department of History and Philosophy, Saint Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Saint Petersburg),

Ekaterina S. Cherepanova (Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Director of the Institute for Retraining and Advanced Training, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg).

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Doctor of Psychology, Academician of Russian Academy of Education, Professor, Dean of Psychology Faculty, Lomonosov Moscow State University, Moscow),

Milena V. Baleva (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General and Clinical Psychology, Perm State University, Perm),

Natalya A. Loginova (Doctor of Psychology, Professor of the Department of Developmental Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Irina A. Mironenko (Doctor of Psychology, Professor of the of the Department of Personality Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Lyudmila A. Mosunova (Doctor of Psychology, Head of the Department of Publishing and Editing, Vyatka State University of Humanities, Kirov),

Alexander O. Prokhorov (Doctor of Psychology, Professor of the Department of General Psychology, Kazan Federal University, Kazan),

Elena E. Sapogova (Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Educational Psychology, Moscow State Pedagogical University, Moscow).

SOCIOLOGY

Olga I. Borodkina (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Theory and Practice of Social Work, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg),

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Head of the Department of Social Work and Conflictology, Perm State University, Perm),

Evgeniya A. Kogay (Doctor of Philosophy, Head of the Department of Sociology and Political Science, Kursk State University, Kursk),

Natalya A. Lebedeva-Nesevrya (Doctor of Sociology, Professor of the Department of Sociology, Perm State University, Head of Social Risk Analysis Laboratory, Federal Scientific Center for Medical and Preventive Health Risk Management Technologies, Perm),

Elena L. Omelchenko (Doctor of Sociology, Head of the Centre for Youth Studies, Head of the Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg),

Sergey A. Sudjin (Doctor of Sociology, Head of the Department of General Sociology and Social Work, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod).

EDITORIAL BOARD

Andrey Yu. Dudchik (Candidate of Philosophy, Docent, Deputy Director for Science of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus),

Alexandre A. Strokanov (Ph.D., Professor of Department of Criminal Justice, History and Global Studies, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Northern Vermont University – Lyndon, Lyndonville, VT, USA),

Gyorgy Sarvari (Ph.D., Director of Bardo Consulting Organizational Development Office, Budapest, Hungary),

Georgio De Marchis (Ph.D., Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Complutense University of Madrid, Madrid, Spain),

Stefan D. McDowell (Ph.D., H. Phipps Professor of Communication, College of Communication and Information's Associate Dean for Academic Affairs, Florida State University, Tallahassee, FL, USA),

Paul Aitken (Ph.D., Adjunct Professor of the School of Business, Bond University, Gold Coast, QLD, Australia).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

<p>Потенциал нравственного и технологического в современной философии <i>Пырина М.В.</i></p>	5	<p>The potential of the moral and the technological in modern philosophy <i>Maria V. Pyrina</i></p>
<p>Онтология цифровой аскезы: практики деалгоритмизации и восстановления суверенитета сознания в контексте философии Л.Н. Толстого <i>Когай Е.А., Кузнецов А.В. Акапьев В.Л.</i></p>	20	<p>The ontology of digital askēsis: reclaiming the sovereignty of consciousness through practices of undoing algorithms in the light of Tolstoy's philosophy <i>Evgeniya A. Kogay, Andrey V. Kuznetsov, Viktor L. Akapev</i></p>
<p>Техника в преодолении «природных затворов» <i>Погорельская Е.Ю.</i></p>	33	<p>Technology in overcoming “natural barriers” <i>Elena Yu. Pogorelskaia</i></p>
<p>Когнитивное значение эмоций в творческой деятельности <i>Филипенко С.А.</i></p>	45	<p>The cognitive significance of emotions in creative activity <i>Stanislava A. Filipenok</i></p>
<p>Двойственность и дуализм: «Анти-Эдип» в прочтении Ги Лардро, Кристиана Жамбе и Франсуа Ларюэля <i>Сковородко А.Д.</i></p>	53	<p>Duplicity and dualism: Guy Lardreau's, Christian Jambet's, and François Laruelle's readings of “Anti-Oedipus” <i>Alexander D. Skovorodko</i></p>
<p>Вегетативное молчание как форма автокоммуникации <i>Штайн О.А.</i></p>	64	<p>Vegetative silence as a form of autocommunication <i>Oksana A. Shtayn</i></p>
<p>Научное знание как форма репрезентации интерсубъективности <i>Жукова Е.А.</i></p>	76	<p>Scientific knowledge as a form of representation of intersubjectivity <i>Ekaterina A. Zhukova</i></p>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

<p>Поиск и придание смыслов в новой ситуации: роль готовности к неопределенности и прошлого опыта <i>Платонова Я.С., Зиновьева Е.В.</i></p>	85	<p>Meaning-making in a new situation: the role of readiness for uncertainty and past experience <i>Yana S. Platonova, Elena V. Zinovyeva</i></p>
<p>Влияние информационно- коммуникативной среды на формирование негативных установок <i>Усик Д.А.</i></p>	104	<p>The impact of the information and communication environment on the formation of negative attitudes <i>Dmitrii A. Usik</i></p>

Самооценка здоровья и ценность профессионального успеха учителей в условиях переработок: возрастной и гендерный аспекты <i>Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Лангман И.А., Бадулина Ж.В.</i>	119	Teachers' self-assessment of health and the value of professional success in conditions of overwork: the age and gender aspects <i>Lyudmila N. Zakharova, Zaretkhan H.-M. Saralieva, Inna A. Langman, Zhanna V. Badulina</i>
Влияние миграционных процессов на развитие человеческого капитала региона (кейс молодежной миграции в Свердловской области и Пермском крае) <i>Бородкин М.А.</i>	137	The impact of migration processes on the development of human capital in the region (a case study of youth migration in Sverdlovsk oblast and Perm krai) <i>Maxim A. Borodkin</i>
Информация для авторов	153	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК 141.2

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-5-19><https://elibrary.ru/adbopg>

Поступила: 14.04.2025

Принята: 13.09.2025

Опубликована: 02.04.2026

**ПОТЕНЦИАЛ НРАВСТВЕННОГО И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО
В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ*****Пырина Мария Владимировна***

*Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева (Екатеринбург),
Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)*

В исследовании рассматривается взаимное влияние стремительного развития технологий и формирования ценностей и мировоззрение современного человека и общества. Философский подход к изучению соотношения значимости ценностей в информационную эпоху предполагает комплексный взгляд на эволюцию как ценностей, так и техники на протяжении развития человеческой мысли, а также выявление современного состояния этих явлений. Исследования в данной области помогают раскрывать сущность взаимодействия человека и технологий, а также выявлять новые формы ценностных ориентаций, необходимых для успешной адаптации к быстро меняющемуся информационному миру. Осознание человеком, что технический прогресс может оказывать как положительное, так и отрицательное влияние на моральные устои человека, требует проведения междисциплинарных исследований. Философы XX века Ж. Эллюль, М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Э. Тоффлер, Л. Мамфорд, Х. Ортега-и-Гассет, Б. Латур, Э. Агацци и др. выделили проблемы личностного, социально-психологического, нравственного кризиса, подавления волевой и творческой активности человека, способности критического мышления и способности интерпретации контекста событий, а также смены онтологического статуса техники. Исследования в области философии, этики технологий способствовали появлению соответствующих нормативных рамок для обеспечения этичного использования техники в соответствии с нравственными принципами. Только таким образом можно сформировать гармоничное взаимодействие человека и техники (технического устройства), сохраняя ценности и принципы морали в информационном обществе, помогая обществу лучше понять и оценить этические вызовы в современном мире.

Ключевые слова: техника, нравственность, ценность, нравственный смысл, личность, онтологический статус техники.

Для цитирования:

Пырина М.В. Потенциал нравственного и технологического в современной философии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 5–19. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-5-19>.

EDN: ADBOPG

THE POTENTIAL OF THE MORAL AND THE TECHNOLOGICAL IN MODERN PHILOSOPHY

Maria V. Pyrina

*Ural State Law University named after V.F. Yakovlev (Ekaterinburg),
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)*

The study examines the mutual influence of the rapid development of technology and the formation of values in modern society. The intensive use of technology in everyday life has a significant impact on a person's worldview and value orientations. The philosophical approach to studying the correlation of the importance of values in the information age presupposes a comprehensive view of the evolution of both values and technology throughout the development of human thought, as well as the identification of the current state of these phenomena. Research in this field helps not only reveal the essence of human–technology interaction but also identify new forms of value orientations necessary for successful adaptation to the rapidly changing information world. The awareness that technological progress can have both positive and negative effects on human moral principles requires interdisciplinary research. Philosophers of the 20th century J. Ellul, M. Heidegger, G. Marcuse, A. Toffler, L. Mumford, J. Ortega y Gasset, B. Latour, E. Agazzi, and others identified the problems of personal, socio-psychological, moral crisis, suppression of volitional and creative activity of a person, the ability of critical thinking and the ability to interpret the context of events, as well as a change in the ontological status of technology. Studies in the field of philosophy and ethics of technology have contributed to the emergence of appropriate regulatory frameworks aimed at ensuring the ethical use of technology in accordance with moral principles. This is the only way to form a harmonious interaction between man and technology (technical devices), preserving the values and principles of morality in the information society, helping society to better understand and evaluate ethical challenges in the modern world.

Keywords: technology, morality, value, moral sense, personality, ontological status of technology.

To cite:

Pyrina M.V. [The potential of the moral and the technological in modern philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 5–19 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-5-19>, EDN: ADBOPG

Введение: постановка проблемы

Вопрос о взаимосвязи техники, технологий и формирования нравственного значения ценностей, а также их смысла для каждого человека, поднимался не раз как в научных дискуссиях, так и в общественно-политической сфере. Актуальность темы влияния техники и технологий на человека и его мировоззрение, определение того, что ценно, обусловлено несколькими причинами. Одной из них является стремительное развитие технического потенциала как в научной сфере, так и в обыденной жизни. А другой причиной становится сам человек в качестве

активного пользователя технических устройств, повседневная жизнь которого перестала мыслиться без использования гаджетов как посредников для совершения действия или высказывания. Подобное пересечение техники и нравственных ценностей вызывает интерес для философского осмысления с целью обнаружения содержательных значений ценностей, способности человека осмыслить ситуацию, появления новых смыслов и ценностных ориентаций в условиях стремительного технико-технологического прогресса. Философский анализ соотношения значимости ценностей, их нравственного содержания в информационную эпоху

предполагает целостный взгляд на проблему, что подразумевает краткий обзор исследований, фиксирующих изменение в понимании ценности и техники, и анализ их взаимообусловленного развития на протяжении развития человеческой мысли, а также выявление современного состояния данных явлений.

Проблема заключается в том, что человек с большим трудом находит в себе силы использовать моральные нормы и нравственные принципы, а чаще всего не может этого сделать в изменившихся условиях или среде, поскольку требуется коррекция и усилие для того, чтобы сформулировать норму (правило), оценить ситуацию, соотнести свои нравственные убеждения и условия, в которых он действует. Данное обстоятельство формируется из ряда способностей человека как духовных, так и интеллектуальных, а также того контекста, в котором человек действует. В этом смысле изначально стоит обратиться к краткому описанию феномена техники и фиксации морального аспекта, который закладывает человек, взаимодействуя с техникой.

Взаимосвязь нравственного значения ценностей и техники появляется в тот момент, когда использование устройства предполагает наделение нравственным значением действия или операции с устройством, выступающим как средство для достижения результата. Человек обнаруживает нравственный смысл, взаимодействуя с устройством в качестве средства или посредника, и тем самым формирует или устанавливает нравственные смыслы и правила использования устройства для себя и для других, а также нравственные принципы, которые регулируют новые сферы деятельности. Когда появляется новая сфера деятельности или общения, где задействовано техническое устройство, человек должен перенести содержательное значение моральной нормы на вновь образовавшуюся сферу и тем самым актуализировать значение нормы. Философы XIX–XX вв. К. Маркс, Ж. Элюль, М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Э. Агацци, Л. Мамфорд, Х. Ортега-и-Гассет, Ф. Фукуяма, Б. Латур, Э.В. Ильенков, А.П. Назаретян и др. выделили проблемы личностного, социально-психологического, нравственного кризиса, подавления волевой и творческой активности человека, способности критического мышления и способности интерпретации контекста событий. Как отмечают исследователи в разных областях —

психологи, философы и социологи, для того, чтобы произошло наделение действия моральным смыслом, должно сложиться множество факторов и условий.

Приведем краткий обзор изменения в понимании техники, связанного с развитием способностей человека, а также проведем параллель с появлением в философии такого предмета изучения, как духовные ценности. Философы заметили, что взаимосвязь техники и способности человека преобразовывать с ее помощью действительность связана с особенностями мышления и речи человека. Обратим внимание, что «каждому человеческому проекту, каждому типу жизни соответствует своя техника» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 210].

Методологические подходы в исследовании техники

Современные философы Л. Мамфорд, Х. Ортега-и-Гассет полагают, что изменения в представлении людей о благополучии и благоустройстве окружающей среды влияют на развитие и усложнение техники, с помощью которой человек способен создать нечто более избыточное по сравнению с минимальными биологическими потребностями. Подобную избыточность не стоит рассматривать только в контексте дополнительного комфорта жизни, но также и в смысле формирования сложной системы нравственных принципов.

Именно человек, определяя проблему, касающуюся технологий, вводит новые термины для ее обозначения и новые «измерения» использования, уровни правил, норм, теорий и т.д., дополняя ценностными смыслами используемые средства. Техническая способность может вырабатываться «...только в таком существе, где ум послушен воображению (но не техническому, а творящему жизненные проекты)» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 210]. Для появления техники необходима способность воображения, а не просто механически повторяемые действия. Кроме того, благодаря способности наделить правильное и точное действие смыслом само мышление не вырождается в механическую функцию повторения, а благодаря слову передается ценностный смысл значимого для человека действия или его результата. Об этом писал Л.С. Выготский, анализируя развитие речи и мышления человека. Он доказывает, что необходимо не просто повторение или подражание

для появления нового понятия «...понятия — значения слов — развиваются, ... научные понятия также развиваются, а не усваиваются в готовом виде...» [Выготский Л.С., 1934, с. 163]. В этом смысле технические объекты сами по себе не создают морального измерения или значения, человек способен сформировать ценностное значение в процессе своего духовно-нравственного развития, когда формируется самостоятельная способность наделять нравственным смыслом действия или поступки, высказывания об объектах или явлениях.

В рамках философского исследования взаимосвязи техники и нравственного значения ценностей выделим два подхода, отличающихся методологическими основаниями и пониманием того, как формируется взаимосвязь между техникой и нравственными смыслами, а также по-разному определяющих онтологический статус данных феноменов. По мысли М. Хайдеггера, акцент в определении техники необходимо сделать на том, что в первую очередь техника представляет собой способность человеческого мышления изобретать новое, а не просто инструмент. В технике важен не инструментальный процесс изготовления орудия, а способность человека раскрыть или реализовать намеченный план, собрав в единый образ готового изделия все средства и способы деятельности. Например, техника для древнегреческих философов была равной знанию в том смысле, что мастер разбирается, ориентируется и имеет ясное представление о предмете, который создает. В этом смысле сущность техники заключалась в раскрытии истинного знания о вещи, которую производили [Хайдеггер М., 1993а]. С этим тезисом согласен Б. Латур, считавший, что «технологии принадлежат миру людей в ином качестве, чем инструментальность, эффективность или материальность» (перевод наш. — М.П.) [Latour B., 2002, p. 248]. Оба философа показывают, что исследование только практических результатов и оценка их значения в деятельности человека не позволяют обнаружить смысловое значение и не дают интерпретировать технику во взаимосвязи с самой сущностью человека, тем самым становится невозможным показать влияние от использования техники (а не самой техники) на человека и изменение его способностей, личностных качеств.

Однако Б. Латур оспаривает тезис М. Хайдеггера о самой причине отсутствия

контроля человеком над техникой, действующей автономно, не из-за ее господства как формы бытия, а из-за того, что техника обретает онтологический статус посредника. Особенностью технических средств становится то, что они обретают невидимость. Латур полагает, что невидимость техники связана с преобразованием/усовершенствованием ее форм: чем больше усовершенствований произведено, тем менее ясным становится первоначальный замысел созданного устройства. Каждая модификация отдаляет пользователя от первоначального намерения, которое было помыслено при создании технического устройства. «Сама сложность устройств, обусловленная множеством сгибаний и переворотов, слоев и обходных путей, компоновок и переупорядочений, навсегда лишает ясности принцип здравого смысла, под эгидой которого впервые были внедрены технологии» (перевод наш. — М.П.) [Latour B., 2002, p. 251]. Так, телефон для современного человека — это не просто средство связи, но еще средство развлечения, средство, с помощью которого совершаются финансовые операции и т.д. Подобное понимание техники ведет к противоположным позициям в определении онтологического статуса техники, что сказывается на решении вопроса о взаимосвязи с моралью.

Онтологический статус техники, по Б. Латуру, выражается в задаче техники обойти или сократить путь для достижения цели, пройдя его не через два последовательных действия, а вклинивая техническое средство между ними. Например, чтобы сообщить информацию, мы могли ранее написать или позвонить, но теперь мы можем записать голосовое сообщение и отправить его, думая, что это будет быстрее, чем ожидать ответ на другой стороне или набирать текст для сообщения. Итак, именно в этот момент зарождается связь с нравственными ценностями, либо их нивелирование. Б. Латур показывает, что разрастание инноваций делает неясным действия и нравственные принципы, их обуславливающие. Техника предполагает изменения и инновации, но не ставит вопрос: для чего это делается? Так закладывается неопределенность использования техники. Именно в этом обнаруживается принципиальное отличие от взгляда М. Хайдеггера на технику и мораль. В своих работах «Вопрос о технике», «Письмо о гуманизме» философ доказывает, что техника — это определенный

способ раскрытия сущего, через свою деятельность человек осуществляет, раскрывает «нечто до полноты его существа, выводит к этой полноте, *producere* — про-из-вести» [Хайдеггер М., 1993b, с. 192]. Иными словами, человек через свою деятельность раскрывает в своей полноте само сущее. Любое высказывание человека или его действие должно быть осмыслено воплощено в действительности. Так, каждое действие, производящее технику или соприкасающееся с техническим устройством, должно нести в себе смысл заботы, понимаемой как «исходная составляющая человеческого бытия-в-мире» [Хайдеггер М., 1993b, с. 418]. Иначе можно сформулировать мысль таким образом: воспитание нравственных качеств — необходимое условие для использования техники в целях созидания и сохранения благополучия на Земле при ее исследовании. Смысл показывает то, ради чего создано техническое устройство. Главной же задачей человека является забота о сохранении истинного предназначения (в том числе техники).

Можно сказать, что оба мыслителя указывают на функцию морали — сохранения смысла и цели используемого устройства, тогда как техника становится средством, направленным не на сохранение, а на изменение или инновацию. В этом смысле, по утверждению Б. Латура, мораль вступает в конфликт со стремлением технологий к модификации. Для М. Хайдеггера же хоть человек и заброшен в мир объектов, однако не обретаем из-за этого пассивную роль наблюдателя за тем, как технические средства открывают новые миры, тогда как Латур, исходя из своей методологической установки, постулирует, что технические устройства создают новые миры, формируют социальные практики и моральные нормы. Для французского философа человек оказывается перед лицом технологий как посредник, каждый раз привносящий изменения первоначального намерения в достижении определенной цели. Именно в момент использования технологического устройства человек действует не напрямую для достижения цели, а через посредника. Здесь меняется цель за счет ослабления воли человека совершить интеллектуальное усилие помыслить или описать технические действия в нравственных категориях. Технологии создают второстепенные процессы, новые связи, вытесняя основную суть процесса,

тогда как моральные принципы направлены на сохранение истинной сущности и цели.

Вариант компромисса в решении вопроса о взаимосвязи техники и нравственного значения ценностей представлен в работе итальянского философа Э. Агацци «Моральное измерение науки и техники». Он предлагает выделить основные отличительные особенности науки и техники для обнаружения их морального измерения. Прежде всего, сущность науки в открытии истины, тогда как сущность техники — в создании полезного. Далее целью науки является познание, а техники — делание или изготовление, следовательно, функция науки — это приобретение знания, а техники — выполнение процедур по изготовлению продуктов. Автор называет характерными качествами науки объективность и строгость, тогда как техника обладает качествами эффективного действия в соответствии с установленными правилами, необходимыми для достижения практического результата. Наука стремится ответить на вопрос «почему», найти объяснение причин, техника же отвечает на вопрос «как». По мнению Агацци, технология занимает положение между наукой и техникой, поскольку решает для науки познавательные проблемы через проектирование и конструирование, одновременно являясь частью техники в связи с прикладным характером применяемых операций. Ее целью является извлечение прибыли, безразличие к тому, что именно производится, задачей становится использование любой возможности для достижения цели [Агацци Э., 1998]. Интерес представляет его идея о том, что моральные суждения должны относиться именно к технологии, однако они не должны быть практико-ориентированными должностными инструкциями. Данный тезис автор выводит из идеи о том, что технологии помогают достичь цели, но не конституировать их. При этом формулирование и выбор целей является фундаментальной проблемой человеческого существования, совпадающей с проблемой смысла жизни. Так, философ выходит на онтологическую проблематику: размышление о ценностях и целях выводят человека к ответу на вопрос о смысле жизни, о целостности бытия. Э. Агацци полагает, что изменения носят онтологический характер в связи с тем, что происходят комплексные преобразования во всех сферах и на всех уровнях жизнедеятельности человека. Причину он

усматривает в устранении субъекта от ответственности, установления содержательного значения свободы, добра, долга, отказа от недостижимых онтологических целей, ставя перед собой достижимые цели с помощью доступной технологии. Использование технологии позволяет облегчить человеку конкретные операции с объектами, однако обедняются способности человека, а из-за доступности вещей снижается их ценность.

Для оценки справедливого определения взаимосвязи техники и нравственности проследим появление данных феноменов в истории человеческого развития и рассмотрим, воздействует ли техника на нравственность. Также нас будут интересовать вопросы: как воздействует нравственность на использование технического устройства? Как использовать технику для того, чтобы не исказить цели и ценности, а использовать для сохранения и созидания?

Анализ истории техники

Для анализа техники и нравственного значения ценностей будем опираться на основные стадии развития техники. Так, на стадии *первобытной техники* основной чертой технического действия является его соприродность, т.е. действие является продолжением или частью природных актов. Отсюда техническое действие не воспринимается человеком как самостоятельная деятельность и носит неопределенный характер, поскольку выступает результатом случайной комбинации обстоятельств, здесь отсутствует осмысленное целенаправленное действие. Человек «явственно видит: природа, словно по волшебству, поведала ему одну из сокровенных тайн... Все виды первобытной техники изначально окружены чудесным ореолом, являясь в глазах дикаря ровно в той мере техникой, в какой последняя наделена волшебными атрибутами» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 215]. Человек воспринимал технику как нечто волшебное, дар божеств, природы, или чудо, исходя из сформированных на тот момент мышления и способностей.

Перейдем к рассмотрению процесса развития самого мышления. В работах Л. Мамфорда делается попытка осмысления появления техники во взаимосвязи с культурными формами человеческой деятельности. Благодаря культурным формам человеческой деятельности развивается и закрепляется ряд навыков, при-

менение которых подготавливает человека к выполнению более сложных действий и в последствии ведет к появлению техники. По мысли Л. Мамфорда, одним из решающих факторов в процессе формирования техники являлся ритуал. Дело в том, что посредством ритуала запреты, правила и ограничения вырабатывают привычку контролировать свое поведение «строгая дисциплина, присущая ритуалу, и строгие нравственные ограничения, предписываемые табу, оказались чрезвычайно важны для формирования самоконтроля у человека, а потому и способствовали его культурной деятельности во всех областях» [Мамфорд Л., 2001, с. 100]. В этом смысле через дисциплину и повторение человек развивается, сопоставляя свое действие с окружающей средой. Исследователь полагает, что само тело человека выступало своеобразным орудием: «Он может копать, царапать ногтями, колотить кулаками, перекручивать волокна, прядь нити, ткать, завязывать узлы, сооружать укрытия из сучьев и листьев, плести корзины, делать горшки, лепить из глины, очищать плоды, раскалывать ореховую скорлупу, разрывать зубами волокна или нити, размягчать шкуры жеванием, давить босыми ногами виноград» [Мамфорд Л., 2001, с. 138]. С одной стороны, дисциплина, а с другой стороны, подражание и повторение в ритуале позволили человеку обрести контроль над инстинктами и иррациональными началами и позволили достичь определенного порядка в деятельности и получению конкретного результата или продукта. Исследуя взаимосвязь техники и ритуала, Р. Брейдвуд приходит к выводу, что «стандартизация прослеживается в довольно ранней палеолитической культуре в изготовлении орудий. Когда была найдена удобная форма топора, ее воспроизводили снова и снова, не меняя без причины. ... Не будь этой строгой стандартизации, не будь этого упора на магическую точность, первые слова человека могли бы просто испариться, не оставив ни следа, еще задолго до изобретения письменности» (цит. по: [Мамфорд Л., 2001, с. 121]). Повторяемые действия в ритуале помогли достичь самоконтроля, затем укоренившегося в нравственном аспекте дисциплины.

Кроме правил ритуала, закрепление порядка через повторение и подражание происходило и в речи: «Без словесного оформления субъективного опыта и этических норм самосознание

неполно, как неполны и самопознание, и самоконтроль» (цит. по: [Мамфорд Л., 2001, с. 121]). Для данного исторического периода необходимыми качествами развития языка и приспособления к окружающей среде являлись узнавание, способность определять отличительные признаки, различать, способность выделять причины явлений и вещей [Мамфорд Л., 2001], обучение, запоминание, находчивость и любознательность, умение распознавать формы, оценивать абстрактно мыслить, догадываться о причинах вещей¹. Со временем данные способности закрепились за отдельными культурными формами, например в графическом искусстве, строительстве, общественном строе, нравственных нормах и кодифицированном праве, в то время как способность к точности проявилась позже в науке и технике.

На следующем этапе появляется ремесленная техника, с царств Египта, Месопотамии до древнегреческого и древнеримского (доимператорский Рим) общества. Все же техника в этот период не имела первостепенное значение и не являлась условием для обеспечения всех процессов жизнедеятельности человека. Увеличивается разнообразие типов технических действий, изготавливаются орудия производства. Следовательно, природное начало сосуществует в определенной гармонии с техническим, при котором природное начало не вытесняется из самого существа человека. Появляется специализация среди населения — ремесленники, «отлично владеющие своеобразным набором действий, которые при этом не являются общими и естественными для каждого» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 218]. Передача знаний осуществляется через норму и правило, закрепленные в традиции, стремление к инновации отсутствует. Новизна не является самоцелью, а становится вариацией «в рамках одного стиля. И поскольку стили того или иного мастера передаются в виде школ, они всецело отвечают строгому характеру традиции» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 219]. Соответствующие из-

менения в развитии техники связаны с изменениями, произошедшими в мышлении человека. Благодаря опоре на отвлеченный порядок, измерение, счет, систему записей, стандартизацию, точность, использование принципа подобия человек смог осуществить перенос изменившегося способа мышления на «внешние» виды человеческой деятельности, выражающиеся в практической пользе.

На наш взгляд, исследование развития техники и технологии должно включать и рассмотрение социально-культурного развития в соответствующий исторический период. С появлением института царской власти, объединившего в себе многообразные функции различных божеств, произошли социальные изменения. Например, появляется вертикаль власти, транслирующая космический порядок, устанавливающая свод правил и контролирующая исполнение приказов. Вторым необходимым источником для развития техники стало жреческое знание и появление письменности. Указанные факторы позволили создать новый вид техники — мегамашину, включавшую тысячи работников, занятых на возведении храмовых комплексов, каналов и др. Л. Мамфорд указывает, что «для работы машины были необходимы два фактора: надежная организация знаний о вещах как естественных, так и сверхъестественных, — и тщательно разработанный порядок, позволявший отдавать приказы, выполнять их и следовать им. Ответственность за первый фактор лежала на жрецах, без чьей активной помощи сам институт царской власти просто не сложился бы; второе же условие обеспечивали чиновники» [Мамфорд Л., 2001, с. 262]. Профессиональная специализация появляется тогда, когда целью становится предельная точность и совершенство результата. В то же время «у рабочих, воплощавших все эти замыслы, тоже развилось мышление нового порядка — механически обусловленное, исполнявшее каждое задание в строжайшем соответствии с инструкциями, безгранично терпеливое, ограничивавшее реактивность лишь повинованием словам приказа» [Мамфорд Л., 2001, с. 260]. В результате у рабочего не формируется личная инициатива и ответственность, отсутствует интеллектуальное и психологическое поощрение за выполненную работу, а также стремление довести работу до эстетического идеала. Обратим внимание на фигуру Сократа, очень точно сформулировавшего ошибочность

¹ Эдгар Андерсен в работе «Растения, человек и жизнь» показал, что «существует пять естественных источников кофеина: чай, кофе, кола, какао, а также мате и его родственники. Древний человек обнаружил все пять растений и понял, что они снимают усталость. Биохимические исследования не добавили ни одного нового источника к уже известным...» (цит. по: [Мамфорд Л., 2001, с. 182]).

отождествления техники и технической деятельности непосредственно с природными (физическими) началами человека, к примеру, с развитой ловкостью. Техника, будучи совокупностью практических действий, должна быть теоретически осознанна. Созерцательное начало и стремление к умозрительному познанию направляли человека на понимание объектов природы и включения своей жизни и созданных предметов в эту природную реальность.

Таким образом, техника превратилась в самостоятельный феномен, независимый от человеческой природы в ее изначальном проявлении. Подобное отождествление было характерно для предыдущего исторического этапа. Техника и техническая деятельность стали пониматься как интеллектуальная (духовная) способность человека, как нечто сверхприродное, присущее исключительно человеку как некий талант или дар. В этом смысле техника понимается как искусство или знания ремесленника. И именно в связи с этим Сократ требовательно относится к профессионализму и стремлению довести свои знания до совершенства, иными словами, познать истину в своем деле, тем самым проявить духовные и нравственные качества. Так, технический труд стал включать в себя нравственный аспект, стал соотноситься с ценностью знаний и достижением совершенства.

Следующим этапом развития техники историки философии и техники выделяют рубеж 100 г. до н.э. – 1500 г. н.э., когда человек стал осознавать возможность раскрытия с помощью техники безграничного источника своей деятельности. Несмотря на то, что в этот период технический прогресс замедляется, однако, понимая под техникой не только орудия, инструменты, машины и автоматы, обнаруживается совершенствование техники через искусство: архитектурные сооружения, скульптуру, музыку, графическое искусство. В этом смысле Л. Мамфорд выделяет древнегреческое изобретение — водяную мельницу: «...механический перводвигатель в его чистой форме — без применения даже животной силы — стал греческим изобретением; это была первая успешная попытка вытеснить коллективную человеческую машину как источник энергии для производительного труда» [Мамфорд Л., 2001, с. 323]. Иные изобретения, относящиеся к I в. до н.э., были сделаны в стеклодувном деле — стеклянные окна, описанные Сенекой, а также

хирургические приборы. Избыточность техники, о которой речь шла ранее, и заключается в возможности для человека благодаря использованию технических средств освободить свои силы и время «всецело быть самим собой» [Мамфорд Л., 2001].

Далее обратимся к основным чертам техники, характерным для Средних веков. Широкое распространение техника получила при монастырях, где окончательно укоренилось понимание нравственного начала, проявляющегося в труде человека. Физический труд воспринимался не механически, а обязательным условием было чередование разных видов деятельности: возделывание земли, уход за огородом, молитва, чтение или переписывание рукописей, уборка монастырских территорий, ремесленное дело, конструирование или сборка технических устройств, в том числе для обеспечения монастыря водой. В дальнейшем техника и технологии видоизменяются по пути обособления от биологических, физиологических особенностей человека. Развивается техника не как орудие, приспособленное к человеческому телу и пригодное для манипуляций, а как машина-автомат, которая работает автономно от тела человека, изготавливает изделие как бы самостоятельно.

Определив технику как то, что сначала создает проект, образ, способ действия, а затем реализует намеченный проект, как Хайдеггер, так и Ортега-и-Гассет выделяют негативный аспект проблемы развития техники. Он заключается в том, что техника представляет собой пустую форму как некоторую возможность реализации намеченного. Техника сама по себе не способна определять или формировать содержание жизни человека. Б. Латур же полагает, что техника способна создавать новые миры [Латур Б., 2013]. Однако мы не согласимся с этим утверждением, поскольку именно интеллектуальные и творческие способности позволяют человеку каждый раз находить новые способы и области применения техники, а также наделять нравственным смыслом поступки и высказывания. В этой связи время технического прогресса является наиболее бессодержательным, пустым в смысле духовного развития человека. Ставя технику на место человека и заменяя ею роль человека, последний теряет возможность выбора между природным и сверхприродным, теряет возможность надления смыслом своих действий.

Вопрос о смысловой бессодержательности эпохи технического прогресса поднимал Ф. Фукуяма. Он полагал, что развитие технологий XX в. в медицине, генетике заставили исследователей задуматься о социальном эффекте изобретений и научных экспериментов, а вместе с тем поднять вопрос о том, что обуславливает человеческое поведение: природные, генетические или же социальные факторы? Автор приходит к заключению, что если рассматривать генетику человека как причину его поведения и морального выбора, то многие люди «с удовольствием снимут с себя личную ответственность за собственные действия» [Фукуяма Ф., 2004, с. 76]. Однако указывать социальные факторы в качестве причины поступков также не следует, поскольку социально приемлемое поведение сводится к политически корректному поведению, что низводит духовно-нравственный аспект. Дело в том, что критерием биотехнологий становится успешность жизни, а не ответственность за нее. Технология упрощает и сужает цели до технических действий, которые экономически выгодны. Ф. Фукуяма констатирует упрощение самого содержания вопроса о моральном выборе человека в современном обществе. Автор замечает, что перестали рассматриваться нематериальные ценности, такие как достоинство, моральная самостоятельность личности, ранее относящиеся к вопросу морального выбора. Фукуяма предполагает, что причина этого кроется в отсутствии поставленных нравственных целей и задач духовного самосовершенствования в современном обществе, которые были заменены количественными показателями успешности жизни индивида. По мысли философа, сложная и гибкая природа человека находится во взаимодействии с разными природными и технологическими средами. Именно природа человека дает способность приобретать добродетели, которые закрепляются через привычку и совершенствуются, а ценности позволяют совершать коллективные действия. Как писал М. Хайдеггер, техника сливается с природным ландшафтом таким образом, что человек не замечает искусственность техники, не замечает тот зазор, который занимает техника, то «место между» человеком и природой. Это имеет серьезные последствия в восприятии мира человеком, которые будут описаны ниже. Изменив природу человека, сведя ее к технико-

технологической модификации, человек утрачивает способность самостоятельного морального выбора, проявления своей свободы воли. Технологии не просто упрощают использование предметов и зауживают цели развития лишь в рамках технологического прогресса, но не способствуют развитию нравственных качеств, обесценивают сложную кропотливую работу и усердие, присущие мастеру, смещая акцент на выгоду, скорость производства и стоимость товара, а не ценность. Тем самым утрачивается онтологическая целостность личности, которая более не стремится гармонично вписать себя в природную реальность.

Для данного периода основным становится метод анализа: «...новый техницизм разлагает цельный результат — единственно-изначально желанный — на частичные, из которых он рождается в процесс генезиса, и, следовательно, на его “причины” или составляющие» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 228]. Также ему присуща опора на разум как универсальный способ достижения истины: «...истина устанавливается посредством согласования двух независимых инстанций, каждая из которых не позволяет себя подкупить другой. Таковыми являются чистое априорное мышление рациональной механики и чистое созерцание предметов своими глазами — анализ и эксперимент» [Ортега-и-Гассет Х., 1997, с. 230]. Экспериментальные методы естественнонаучного знания и точные математические расчеты позволили сформировать представление об объекте исследования, а также извлекать, перерабатывать, накапливать, распределять, преобразовывать, управлять и контролировать его. Природа теперь предстает как система сил, выраженная в виде информационных данных «об одновременности или взаимоследовании устанавливаемых состояний» [Хайдеггер М., 1993а, с. 231], тогда как техника позволяет раскрыть истину об объекте и управляет собственными процессами производства объектов. «Мощь, скорость, движение, стандартизация, массовое производство, количественное измерение, регламентация, точность, единообразие, астрономическая правильность, контроль, прежде всего контроль, — все эти понятия стали ключевыми паролками современного общества, живущего по законам нового западного стиля» [Мамфорд Л., 2001, с. 381]. Характерными чертами данного этапа

развития техники становятся управление и обеспечение поставки партий продуктов. Техника видоизменяется в поставяющее (продукты/товары) производство. М. Хайдеггер указывает на процесс отдаления человека от природы за счет поставяющего производства. Человек попадает в положение захваченного или окруженного техникой, его как бы окаймляет сфера технического, о чем говорилось выше. В связи с этим складывается впечатление, что человек постепенно уходит на второй план, т.е. становится зависимым от техники. Технология, по мысли Э. Агацци, становится образом жизни, мышления и общения. Итальянский философ показывает за счет чего это происходит. Во-первых, наука стремилась выработать строгие и универсальные методы познания, применимые для всех областей. Так, «сфера морали, вместе с метафизическими концепциями, была передана в ведение внутреннего убеждения, т.е. в область субъективных суждений и мнений, которые не могут получить объективного обоснования» [Агацци Э., 1998, с. 95]. Однако сферы внутреннего или сверх чувственного утратили критерии объективности и достоверности, т.к. средствами науки невозможно было установить их истинность. В сфере морали попытка объяснить и описать понятия добра и зла, долга, достоинства и другие нравственные ценности в итоге была сведена к формулированию технических инструкций, регламентирующих поведение, но лишенных этического содержания, тогда как нормы морали должны быть связаны содержательно с ценностями посредством логического обоснования, а каждый человек должен обладать способностями воспринимать нормы и ценности. Во-вторых, «нравственно предосудительное поведение стали отождествлять с тем, что считается социально девиантным относительно определенных господствующих, но случайных моделей, установленных данным сообществом (и это не могло способствовать укреплению моральной обязательности)» [Агацци Э., 1998, с. 95], тем самым лишив сферу морально значимого абсолютного и священного признака. В-третьих, человек, соизмеряющий свои действия лишь с инструкцией, не вырабатывает навык теоретического осмысления своих поступков и соотнесения их с идеальной моделью или благом как целью, утрачивая онтологическую составляющую.

Отсюда возникает две проблемы. Первая: ложное представление, что человека окружает только то, что он сам произвел или сконструировал, повсюду человек сталкивается с другим и его деятельностью. «Начинает казаться, что человеку предстает теперь повсюду уже только он сам» [Хайдеггер М., 1993а, с. 233]. Вторая проблема заключается в том, что человек, погруженный в поставяющее производство, не может воспринимать иные способы создания объектов или творчества. Первая проблема ведет к потере своего духовного мира: человек не может обнаружить свою сущность, не может обратиться к самому себе, а когда сталкивается со своей сутью, испытывает страх, отвращение и тревогу. Вторая проблема приводит к тому, что произведение заменяется производством, теряя поэтическое в качестве одного из способов познания истины. Производство, как и искусство, воспринимается в связи с техническими средствами. Хайдеггер в своих работах оставляет предостережение об опасности техники не в смысле ее использования, а в том, что «человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины» [Хайдеггер М., 1993а, с. 234]. Решение проблемы взаимодействия человека с техникой ему видится в возвращении способности обнаружить высшее достоинство своего существа и действовать из состояния уважения ко всему живому. Другими словами, необходимо использовать технику для обеспечения и сохранения благополучия на Земле при ее исследовании, поиске истины, развитию творческого начала человека и его способности созидать и сохранять ценности, а не участия в гонке производства услуг и товаров потребления. Возможность позволить себе пользоваться высокотехнологичными устройствами на работе и в быту давно стала ассоциироваться со свободой. Однако истинная свобода человека связана с осознанием своей роли, а именно с осознанием своей ответственности за создание и использование техники.

Обсуждение

По сути, сегодня мы становимся свидетелями, а самое главное — непосредственными участниками преобразования данных категорий. Современный человек не столько стремится гос-

подствовать над природой, «отделиться от органической среды» [Мамфорд Л., 2001, с. 9]. Технологии разрабатываются таким образом, чтобы заменить способности самостоятельного активного действия человека, вытесняя первоначальную цель — раскрытия истины и развития своих способностей через самостоятельную деятельность. Подобная замена приводит к проблеме утраты самостоятельного развития способностей человеком, кроме того, ограничения выстраиваются в пользу обезличенной структуры. Анализ особенностей взаимодействия человека и техники позволил отечественному мыслителю Э.В. Ильенкову заключить, что проблема стала носить социальный характер [Арсеньев А.С. и др., 1966, с. 279]. На предыдущих этапах развития техники проблема «человек – техника» выстраивалась в пределах природного и культурного целого. Увеличение технологического производства привело к появлению у общества ключевой черты, которой становится *изменчивость* всех процессов. Однако изменяется не только количество производимого, но и качество товаров, услуг и, самое важное, качество социальных связей за счет изменения в стратегии управления организациями, изменений в образовательном процессе, изменения в познании, в потреблении продуктов и информации. Философы, психологи, социологи выделяют ключевое понятие в качестве признака для описания современного общества — «временный», в связи с возникновением «адаптивных, быстро меняющихся временных систем...». Окружающая действительность более не является стабильной [Тоффлер Э., 2002, с. 165–166]. Другими яркими чертами современного общества являются высокая изменчивость, которая выражается в ускорении связей, коммуникации, отсутствии привязанности в отношении к вещам, местам, людям; ускорение передачи информации и увеличение потребления информации. Высокая изменчивость содержит в себе опасность вследствие ускорения событийного потока, быстрой передачи информации, новостей, темпа жизни, высокой степени мобильности. Так, в социальной сфере связи между людьми становятся непостоянными — более текучими, что ведет к высокой степени адаптации у человека. Выполнение текущих задач сотрудниками в современных организациях зачастую предполага-

ет совместную работу специалистов разных профессий, имеющих разные навыки и знания, поэтому требуются высокий уровень профессиональной подготовки, творческий подход и коммуникабельность. Развиваются сильные и быстрые связи, которые эффективны на короткий промежуток времени для решения текущей задачи. Обратная сторона этой ситуации заключается в том, что человеку необходимо научиться спокойно и стойко переносить потерю или ослабление контакта с людьми по завершении проекта. Использование технологий и специализированных ИТ-продуктов для выполнения рутинных задач, ускорение темпа жизни, освобождает ресурсы сотрудника (или целой организации) для решения творческих задач, обучения новым навыкам и ответственности за принятое решение.

Философы указывают, что изменения, произошедшие на всех уровнях, приводят к переосмотру человеком внутреннего образа реальности. При быстрой смене событий, новостей, людей, обсуждаемых тем и персонажей сменяются не только сами объекты, но и образы, а также их структура, скорость их формирования и разрушения. «Наши взаимоотношения с образами, являющимися отражением реальности и основой, на которой мы строим свое поведение, становятся все более и более краткосрочными, преходящими» [Тоффлер Э., 2002, с. 178]. Особенность формирования образа в современной действительности заключается в том, что человек конструирует систему образов, используя информацию из сообщений, созданных другим человеком, но не использует свой собственный опыт, личные наблюдения и знания, не проверяет источник и не опирается на факты. Ускорившийся темп смены информации влияет на способность человека оценить информацию, отобрать и проанализировать ее, выделить критерии реального и иллюзорного, реконструировать самостоятельно и применить в своей деятельности без помощи технического устройства. Увеличение потока информации и стремление человека обработать большое количество образов влияет на психическую устойчивость и нервную систему человека. Переизбыток «потребления информации» приводит к нервному и психическому истощению, усталости, тревоге, депрессии. Основным для современного человека становится навык обработки большого

объема информации, а также умение остановиться для принятия самостоятельного разумного выбора при решении поставленной задачи. Отсюда приоритетом является контроль, управление и интерпретация информации.

Благодаря развитию современной науки и техники выработаны принципы стандартизации жизни и критерии совершения выбора. Обстоятельства беспрестанной изменчивости, разнообразия, неограниченности выбора приводят человека в состояние ступора от невозможности совершить конкретный выбор. Э. Тоффлер определял это состояние парализованности от обилия выбора «сверхвыбором». При выборе товара или услуги человек вынужден прибегать к добавлению дополнительных критериев. Иными словами, человек выбирает не сам товар, а миссию компании, образ жизни, стиль, с которым ассоциирует себя и свою собственную жизнь. В способ самоидентификации человека включается образ и стиль жизни, ценности, а также внешние формы проявления. На сегодняшний день одним из ключевых вопросов становится вопрос о системе ценностей и их изменчивости.

Человек, живущий в наши дни, был свидетелем смены нескольких систем ценностей. Однако, по словам Э. Тоффлера, «нет никаких доказательств того, что ценностные системы высокоразвитых технологических обществ могут вернуться к “устойчивому” состоянию» [Тоффлер Э., 2002, с. 330]. Определение системы ценностей и формирование ценностной ориентации связаны с проблемой выбора в связи с необходимостью оценить свое поведение, изучить себя и происходящие события, сосредоточиться на себе, остановившись для принятия решения. В конечном счете осознание человеком ценности жизни, здоровья, ценности своих близких и осознание себя происходит при принятии решения, в момент возможности критически осмыслить себя и свои действия, когда человек способен услышать голос своей совести, выработать ценностные ориентации, определив проблему в нравственных терминах. Техника же предлагает готовые варианты, а свободное время тратится на выбор товаров и услуг, а не на основную задачу духовного развития человека. На наш взгляд, разрушение системы ценностей обусловлено потерей человеком в каждом конкретном случае способности

самостоятельно определить правило или норму поведения, а также потерей в обществе идеала, который соответствует нравственным принципам. Приведем слова Э. Агацци: вместе с исчезновением усердия в получении уникального продукта «...исчезает целый комплекс способностей, умений, навыков, умственных и даже эмоциональных установок, а также связанные с ними человеческие отношения» [Агацци Э., 1998, с. 97].

Ускорение темпа жизни, постоянная обработка информационного потока значительно притупляют критическую оценку действий, способность к рефлексии в момент принятия решения. Подобное противоречие возникает из-за ускорения темпа жизни и отсутствия времени для принятия решения вновь возникшей информации. «Неопровержимо доказано, что разнообразие выбора, стоящего перед личностью одновременно, увеличивает количество информации, которое необходимо проанализировать для принятия решений. Лабораторные тесты над людьми и животными также свидетельствуют, что чем больше выбора, тем меньше время реакции» [Broadbent D.E., 1965, p. 460] (цит. по: [Тоффлер Э., 2002, с. 390]). Отсюда можно сделать вывод о существующей закономерности: если отводить больше времени для принятия решения, больше альтернативных вариантов будет найдено индивидом, будет предложено больше творческих решений.

Исследование, проведенное отечественным ученым А.П. Назаретяном, демонстрирует закономерность между тремя переменными: технологический потенциал, внутренняя устойчивость общества и качество регуляторов поведения. Анализ антропогенных катастроф и кризисов позволил ему выдвинуть гипотезу техногуманитарного баланса — чем быстрее и сложнее развитие технологий, тем серьезней должны быть теоретические и фундаментальные исследования в области этики, морали, нравственных ценностей. Закон техногуманитарного баланса гласит, что чем выше мощь боевых и производственных технологий, тем более совершенные средства культурной регуляции необходимы для сохранения общества [Назаретян А.П., 2008, с. 152]. На каждом этапе развития технологий появляются нормы, регулирующие поведение человека, формируя с помощью морали и культуры волю, критическое мышление, творческий

потенциал человека для устойчивого развития всего общества. С возрастающей сложностью технологий, высоким качеством должны обладать и регуляторные механизмы, упорядочивающие поведение индивида в социуме, играющие системо-сохраняющую роль качества духовной культуры, человеческого сознания и воли [Назаретян А.П., 2014, с. 103]. Подобный вывод можно обнаружить у Латура, утверждавшего, что усиление роли морали как регулятивного механизма, направленного на защиту общества от разработки опасных технологий и экспериментов над геномом человека, может и вовсе сократить и даже остановить развитие научных исследований. Следовательно, необходим баланс между технико-технологическим развитием ради эффективности и выгоды и моральным сдерживанием научных исследований. С точки зрения онтологии рассматриваемая проблема заключается не в изменчивости и не в скорости изменений, а в способности человека сформировать целостный образ происходящего вокруг него. Человек теряет способность удержать собственное Я в онтологической целостности. По утверждению Э. Тоффлера, суть проблемы не в отношении человека и техники и не в поиске научного решения, а в навыке человека осознанно и разумно контролировать процессы, в том числе поток информации [Тоффлер Э., 2002].

Кроме того, исследователи выделяют изменения в способе использования техники. Само по себе использование техники не является причиной неспособности исполнить нормы морали или элементарные правила поведения в обществе. Другое дело, когда в одном техническом устройстве объединены все виды деятельности — от профессиональной до бытовой и досуговой. В результате происходит смешение стилей общения и поведения. Выполняя текущие профессиональные задачи, сотрудник использует гаджет для личных целей, не связанных с трудовыми обязанностями. Указанный феномен получил название киберлафтинг — данный термин характеризует формы поведения сотрудников офиса, использующих гаджеты на рабочем месте для посещения сайтов, не связанных с работой, или проверки личной электронной почты [Lim V.K.G., 2002], а также общение в социальных сетях, онлайн- и офлайн-игры, просмотр видео, загрузка игр, приложений, музыки, совершение покупок в интернете и многое

другое [Сиврикова Н.В., Шевченко А.А., 2022]. Следовательно, средство связи постепенно объединяет в себе весь опыт пользователя. Интересной темой для отдельного онто-гносеологического исследования может стать анализ отсутствия пространственного и временного разграничения для разных сфер. Отсюда быстрая смена внимания с одного объекта на другой, индивид не успевает скорректировать свое поведение и не осознает границы в общении в виртуальном пространстве и в общественных местах. В работах Л. Мамфорда представлена точка зрения о взаимосвязи роста технического прогресса и снижения уровня нравственности. Формирование личности человека происходит в процессе образования связи между конкретным действием или высказыванием и нравственным идеалом. Меняется не только стиль общения; исследователи указывают на возникновение «проблем соматического и эмоционального характера, дефекты формирования когнитивной сферы и поведенческие девиации» [Власова Н.В., 2022, с. 307]. На закрепление навыка применения элементарных правил поведения влияет снижение общения индивида с другими людьми лицом к лицу в реальной жизни. Кроме того, не вырабатывается навык сдержанности, умения восстановить отношения после негативных эмоций от общения, что ведет к одиночеству, замкнутости, непринятия себя и других, конфликтности. Всестороннее развитие личности способствует разрешению данной проблемы. Следовательно, важной задачей становится актуализация и конкретизация правил поведения как в виртуальном пространстве, так и в общественных местах.

Заключение

Таким образом, аксиологическая проблематика остается актуальной в современной действительности как с содержательной точки зрения, так и с методологической, поскольку появление новых сфер человеческой деятельности, динамичное развитие научного знания, накапливающего опыт практической деятельности и огромного массива новой информации, требует своего осмысления и структурирования ценностных смыслов и значений, в том числе определения ключевых терминов, их смыслового содержания, а также выделения ценностно значимых объектов современной действительности, действий и поступков человека.

Список литературы

Агацци Э. Моральное измерение науки и техники / пер. с англ. И. Борисовой; науч. ред. В. Лекторский. М.: Моск. философский фонд, 1998. 344 с.

Арсеньев А.С., Ильенков Э.В., Давыдов В.В. Машина и человек, кибернетика и философия // Ленинская теория отражения и современная наука: Материалы Совещания по современным проблемам материалистической диалектики (7–9 апреля 1965 г.) / отв. ред. Ф.В. Константинов. М.: Наука, 1966. С. 263–284.

Власова Н.В. Взаимосвязь субъективного ощущения одиночества и склонности к интернет-зависимости в подростковом возрасте // Общение в эпоху конвергенции технологий: сб. науч. тр. / отв. ред. Н.Л. Карпова и др. М.: ФГБНУ «ПИ РАО», 2022. С. 306–309. DOI: <http://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-306-309>. EDN: BUOMOV

Вygотский Л.С. Мышление и речь. Психологические исследования / под ред. В. Колбановского. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1934. 326 с.

Латур Б. Наука в действии: следуя за учеными и инженерами внутри общества / пер. с англ. К. Федоровой; науч. ред. С. Миляева. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2013. 414 с.

Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества / пер. с англ. Т. Азаркович, Б. Скуратова. М.: Логос, 2001. 408 с.

Назаретян А.П. Воспитательный потенциал синергетики: гипотеза техно-гуманитарного баланса // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2014. Т. 1, № 2. С. 98–105. EDN: TWCYKR

Назаретян А.П. Культурные предпосылки социальной устойчивости: гипотеза техно-гуманитарного баланса // Диалог культур и партнерство цивилизаций: VIII Международные Лихачевские научные чтения, Санкт-Петербург, 22–23 мая 2008 г. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гуманит. ун-та профсоюзов, 2008. С. 151–152.

Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике / пер. с исп. А.Б. Матвеева // Ортега-и-Гассет Х. Избранные труды. М.: Весь Мир, 1997. С. 164–232.

Сиврикова Н.В., Шевченко А.А. Взаимосвязь киберлафинга и особенностей медиапотребления у подростков // Психология. Психофизиология. 2022. Т. 15, № 1. С. 16–25. EDN: WXXFXR

Тоффлер Э. Шок будущего / пер. с англ. Е.Г. Рудневой и др. М.: АСТ, 2002. 560 с.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ: Люкс, 2004. 352 с.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 221–238.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Библихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.

Broadbent D.E. Information processing in the nervous system // Science. 1965. Vol. 150, iss. 3695. P. 457–462. DOI: <http://doi.org/10.1126/science.150.3695.457>. EDN: IDBGND

Latour B. Morality and technology: the end of the means / transl. by C. Venn // Theory Culture & Society. 2002. Vol. 19, no. 5/6. P. 247–260. DOI: <http://doi.org/10.1177/026327602761899246>

Lim V.K.G. The IT way of loafing on the job: Cyberloafing, neutralizing and organizational justice // Journal of Organizational Behavior. 2002. Vol. 23, iss. 5. P. 675–694. DOI: <https://doi.org/10.1002/job.161>. EDN: DVUCUL

References

Agazzi, E. (1998). *Moral'noe izmerenie nauki i tekhniki* [Right, wrong and science: The ethical dimensions of the techno-scientific enterprise]. Moscow: Moskovskiy filosofskiy fond Publ., 344 p.

Arsen'ev, A.S., Il'enkov, E.V. and Davydov, V.V. (1966). [Machine and man, cybernetics and philosophy]. *Leninskaya teoriya otrazheniya i sovremennaya nauka: Materialy Soveshchaniya po sovremennym problemam materialisticheskoy dialektiki* (7–9 aprelya 1965 g.), отв. ред. F.V. Konstantinov [F.V. Konstantinov (ed.) Lenin's theory of reflection and modern science: Proceedings of the Conference on Contemporary Problems of Materialistic Dialectics (April 7–9, 1965)]. Moscow: Nauka Publ., pp. 263–284.

Broadbent, D.E. (1965). Information processing in the nervous system. *Science*. Vol. 150, iss. 3695, pp. 457–462. DOI: <http://doi.org/10.1126/science.150.3695.457>

Fukuyama, F. (2004). *Nashe postchlovecheskoe buduschee: posledstviya biotekhnologicheskoy revolyutssii* [Our posthuman future consequences of the biotechnology revolution]. Moscow: AST Publ., Lyuks Publ., 352 p.

Heidegger, M. (1993). [Letter on humanism]. *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya*

[Heidegger, M. Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 192–220.

Heidegger, M. (1993). [The question concerning technology]. *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Heidegger, M. Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 221–238.

Latour, B. (2002). Morality and technology: the end of the mean, transl. by C. Venn. *Theory Culture & Society*. Vol. 19, no. 5/6, pp. 247–260. DOI: <http://doi.org/10.1177/026327602761899246>

Latour, B. (2013). *Nauka v deystvii: sleduya za uchenymi i inzhenerami vnutri obschestva* [Science in action: How to follow scientists and engineers through society]. St. Petersburg: European University Publ., 414 p.

Lim, V.K.G. (2002). The IT way of loafing on the job: Cyberloafing, neutralizing and organizational justice. *Journal of Organizational Behavior*. Vol. 23, iss. 5, pp. 675–694. DOI: <https://doi.org/10.1002/job.161>

Mamford, L. (2001). *Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva* [The myth of the machine. Technics and human development]. Moscow: Logos Publ., 408 p.

Nazaretyan, A.P. (2008). [Cultural prerequisites of social sustainability: the hypothesis of the techno-humanitarian balance]. *Dialog kul'tur i partnerstvo tsivilizatsiy: VIII Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya, Sankt-Petersburg, 22–23 maya 2008 g.* [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations: VIII International Likhachev Scientific

Readings, Saint Petersburg, May 22–23, 2008]. St. Petersburg: SPbUHSS Publ., pp. 151–152.

Nazaretyan, A.P. (2014). [The educational potential of synergetics: hypothesis of techno and humanitarian balance]. *Nauchnyy rezul'tat. Seriya: Sotsial'nye i gumanitarnye issledovaniya* [Research Result. Pedagogy and Psychology of Education]. Vol. 1, no. 2, pp. 98–105.

Ortega y Gasset, J. (1997). [Thoughts about technology]. *Ortega-i-Gasset Kh. Izbrannye trudy* [Ortega y Gasset J. Selected Works]. Moscow: Ves' Mir Publ., pp. 164–232.

Sivrikova, N.V. and Shevchenko, A.A. (2022). [Relationship between cyberloafing and media consumption in adolescents]. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya* [Psychology. Psychophysiology]. Vol. 15, no. 1, pp. 16–25.

Toffler, E. (2002). *Shok buduschego* [Future shock]. Moscow: AST Publ., 560 p.

Vlasova, N.V. (2022). [The correlation between the subjective feeling of loneliness and Internet addiction vulnerability in adolescence]. *Obschenie v epokhu konvergensii tekhnologii: Sbornik nauchnykh trudov, otv. red. N.L. Karpova i dr.* [N.L. Karpova et al. (eds.) Communication in the era of technological convergence: Collection of scientific papers]. Moscow: FSC PMR Publ., pp. 306–309. DOI: <http://doi.org/10.24412/cl-36917-2022-306-309>

Vygotsky, L.S. (1934). *Myslenie i rech'*. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Thinking and speech. Psychological research]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 326 p.

Об авторе

Пырина Мария Владимировна

кандидат философских наук

доцент кафедры социально-гуманитарных наук

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, 620066, Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21;

доцент кафедры онтологии и теории познания

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;

e-mail: m.v.pyrina@usla.ru

ResearcherID: AAM-3941-2021

About the author

Maria V. Pyrina

Candidate of Philosophy

Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, 21, Komsomolskaya st., Ekaterinburg, 620066, Russia

Associate Professor of the Department of Ontology and Theory of Knowledge, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;

e-mail: m.v.pyrina@usla.ru

ResearcherID: AAM-3941-2021

УДК 141.319.8
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-20-32>
<https://elibrary.ru/bccrco>

Поступила: 11.11.2025
Принята: 02.02.2026
Опубликована: 02.04.2026

ОНТОЛОГИЯ ЦИФРОВОЙ АСКЕЗЫ: ПРАКТИКИ ДЕАЛГОРИТМИЗАЦИИ И ВОССТАНОВЛЕНИЯ СУВЕРЕНИТЕТА СОЗНАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ Л.Н. ТОЛСТОГО

Когай Евгения Анатольевна,

Курский государственный университет (Курск)

Кузнецов Андрей Владимирович, Акапьев Виктор Львович

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина (Белгород)

Статья представляет философско-антропологическое исследование кризиса смысла в эпоху тотальной цифровизации, осуществляемое через герменевтику литературного и философского наследия Л.Н. Толстого. В качестве методологической основы используется сравнительный анализ, позволяющий выявить структурные аналогии между формами отчуждения, описанными классиком, и патологиями современного информационного общества. Анализируется кризис идентичности в условиях гиперинформационности, который интерпретируется как гиперсимуляция смысла. Авторы утверждают, что архитектура цифровых платформ, основанная на экономике внимания и алгоритмической регуляции, порождает децентрированного субъекта. Его идентичность дробится в множестве симулякров, а когнитивные ресурсы подвергаются эксплуатации, ведущей к информационно-энергетическому отчуждению и утрате суверенитета сознания. Демонстрируется диалектика отчуждения — от интерперсонального (страсть как метафизическая пропасть между Я и Другим) к интраперсональному (драма отношения человека с собственным смысложизненным вакуумом). Эти тексты рассматриваются как комплементарные проекции единой философской проблемы. Анализируется парадокс технологического рабства. Вскрывается диалектика кажущегося господства и реальной зависимости в отношениях человека и искусственного интеллекта, где инструментализация Другого оборачивается самоинструментализацией человека, добровольно встраивающего себя в логику алгоритмической эффективности. Констатируется переход от исторических форм антропологического отчуждения к принципиально новой — датафикации Dasein. Это процесс онтологической редукции, при котором уникальная экзистенция человека подменяется исчислимым Data-образом, а живой поток переживания дробится на дискретные data-points. В результате интерсубъективность, понимаемая в традиции М. Шелера, редуцируется до транзакционного обмена сигналами, лишённого эмоциональной глубины. Авторы полагают, что наследие Толстого можно рассматривать как строгий герменевтический ключ для диагностики современности. Ответом на вызовы цифровой эпохи предлагается не технофобия, но толстовская экзистенциальная аскеза, направленная на утверждение нередуцируемой правды человеческого бытия перед лицом его алгоритмической симуляции.

Ключевые слова: философско-антропологическая деконструкция, герменевтика, неподлинное существование, датафикация, dasein, интерсубъективность, дистрибуция, экзистенциальная аскеза, алгоритмическая рациональность, симуляция человеческого.

Для цитирования:

Когай Е.А., Кузнецов А.В., Акапьев В.Л. Онтология цифровой аскезы: практики деалгоритмизации и восстановления суверенитета сознания в контексте философии Л.Н. Толстого // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 20–32. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-20-32>. EDN: BCCRCO

THE ONTOLOGY OF DIGITAL ASKĒSIS: RECLAIMING THE SOVEREIGNTY OF CONSCIOUSNESS THROUGH PRACTICES OF UNDOING ALGORITHMS IN THE LIGHT OF TOLSTOY'S PHILOSOPHY

Evgeniya A. Kogay,

Kursk State University (Kursk)

Andrey V. Kuznetsov, Viktor L. Akapev

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia (Belgorod)

The article presents a philosophical and anthropological investigation into the crisis of meaning in the era of total digitalization, conducted through a hermeneutic analysis of the literary and philosophical legacy of Leo Tolstoy. The methodological foundation is comparative analysis, which allows for the identification of structural analogies between the forms of alienation described by the classic author and the pathologies of contemporary information society. The paper analyzes the crisis of identity under conditions of hyper-informativity, interpreted as a hypersimulation of meaning. The authors argue that the architecture of digital platforms, based on the attention economy and algorithmic regulation, gives rise to a decentered subject. This subject's identity fragments into a multitude of simulacra, while the subject's cognitive resources are subjected to exploitation, leading to informational-energetic alienation and a loss of sovereignty of consciousness. The dialectic of alienation is demonstrated: from interpersonal (passion as a metaphysical abyss between the "Self" and the "Other") to intrapersonal (the drama of a human's relationship with their own existential vacuum). These texts are considered complementary projections of a single philosophical problem. The study proceeds to analyze the paradox of technological slavery. The paper reveals the dialectic of apparent dominance and real dependence in the relationships between humans and artificial intelligence, where the instrumentalization of the "Other" turns into the self-instrumentalization of the human who voluntarily integrates themselves into the logic of algorithmic efficiency. A transition from historical forms of anthropological alienation to a fundamentally new one – the datafication of Dasein – is stated. This is a process of ontological reduction in which the unique human existence is substituted by a calculable Data-image, and the living stream of experience is fragmented into discrete data-points. As a result, intersubjectivity, understood in the tradition of Max Scheler, is reduced to a transactional exchange of signals, devoid of emotional depth. Tolstoy's legacy is positioned as a rigorous hermeneutic key for diagnosing modernity. The proposed response to the challenges of the digital age is not technophobia, but Tolstoy's form of existential asceticism aimed at affirming the irreducible truth of human existence in the face of its increasingly perfect algorithmic simulation.

Keywords: philosophical and anthropological deconstruction, hermeneutics, inauthentic existence, datafication, Dasein, intersubjectivity, digital alienation, existential asceticism, algorithmic rationality, human simulation.

To cite:

Kogay E.A., Kuznetsov A.V., Akapev V.L. [The ontology of digital askēsis: reclaiming the sovereignty of consciousness through practices of undoing algorithms in the light of Tolstoy's philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologija* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 20–32 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-20-32>, EDN: BCCRCO

Введение

В рамках философско-антропологического анализа современности кризис эпохи тотальной

цифровой гиперинформационности предстает как форма экзистенциального вакуума. Его генезис обусловлен не дефицитом смысла, но, парадоксальным образом, его гиперсимуляци-

ей. Архитектура господствующих информационных систем, фундированная принципами экономики внимания и алгоритмической регуляции, приводит к конституированию принципиально децентрированного субъекта. Его идентичность фрагментируется во множестве цифровых симулякров, а когнитивные и перцептивные ресурсы подвергаются систематической эксплуатации через механизмы перманентной перегрузки. Следствием этого является феномен тотального информационно-энергетического отчуждения и утраты суверенитета сознания, что маркирует антропологическую редукцию человека в условиях цифрового детерминизма. В данном контексте требуется терминологическое уточнение. В современном философском и культурологическом дискурсе, восходящем к концепции Ж. Бодрийера, понятие симулякра прочно связано с логикой симуляции, утраты референта и погружения в гиперреальность. Именно это значение, а не альтернативные концептуализации (как, например, у Ж. Делеза), является операциональным для описания феномена цифровых профилей-двойников, утративших связь с аутентичной самостью и функционирующих как автономные знаки в гиперреальности медийной среды. Данная терминологическая конкретизация не отменяет сути аргументации, но, напротив, усиливает ее, позволяя точно артикулировать природу антропологической трансформации, при которой идентичность субъекта подменяется множеством ее симулятивных и отчужденных репрезентаций. Таким образом, кризис проявляется как фундаментальное расщепление человеческого бытия между аутентичным существованием и его симулятивным цифровым двойником, порождаемым логикой алгоритмических систем.

В качестве формы экзистенциального сопротивления данной системе отчуждения возникает феномен технологической аскезы. Она понимается не как утилитарный «детокс», но как осознанная практика неподчинения, обретающая свою философскую проекцию в учении Л.Н. Толстого о «непротавлении злу насилием» и «сознательном самоограничении». Подобно тому, как толстовское опрощение представляло собой акт непротавления ложным авторитетам цивилизации через отказ от участия в ее отчуждающих ритуалах, современный цифровой аскетизм, будучи практикой радикальной редукции

медийного шума и алгоритмического диктата, выступает формой экзистенциального утверждения. Его цель — рекультивация внутреннего пространства субъективности и обретение онтологического суверенитета перед лицом деперсонализирующих технологических процессов. При этом ключевое отличие заключается в основном векторе сопротивления: если современный аскет ориентирован на преодоление внешнего технологического детерминизма, то толстовский герой — на борьбу с диктатом внутренней неподлинности и «общего шаблона».

Новизна предлагаемого подхода заключается, таким образом, не в тривиальной констатации «губительности цифровой реальности», а в разработке конкретного герменевтического инструментария. В качестве такового предлагаются философско-антропологические категории Л.Н. Толстого, позволяющие осуществить глубокую концептуализацию современных процессов. Речь идет не о проведении поверхностных параллелей, а о демонстрации операциональности толстовских понятий («неподлинность», «опрощение») и отчужденного «общего шаблона» для критического анализа фундаментальных явлений цифровой эпохи — алгоритмической рациональности, перформативной идентичности и тотальной датафикации человеческого существования. Это позволяет перейти от описания симптомов кризиса к его сущностному, философски артикулированному осмыслению.

Комплементарные проекции отчуждения

В «Крейцеровой сонате» Л.Н. Толстой осуществляет вивисекцию человеческой страсти, обнажая ее как деструктивную силу, которая не просто искажает межличностные отношения, а порождает метафизическую пропасть между человеческими «Я» [Толстой Л.Н., 1999а]. Однако, эксплицировав диалектику страсти в ее *интерперсональном* измерении, исследователь сталкивается с необходимостью смещения фокуса с интерперсонального на интраперсональный: если слепая страсть столь катастрофична в пространстве отношения «Я – Другой», то каковы ее последствия для внутренней организации самого субъекта, для его душевного строя и поиска онтологических оснований бытия? Этот вопрос требует перехода от анализа внешних проявлений отчуждения к его *интраперсональным* истокам, что предполагает обращение к тексту, в котором Толстой проводит

тотальную рефлексию собственного духовного кризиса. Таким ключевым текстом, вскрывающим внутренний механизм того же явления — подмены подлинного бытия ложными жизненными ориентирами, — становится «Исповедь» [Толстой Л.Н., 2024], где предметом анализа оказывается уже не драма отношений между людьми, а драма отношения человека с самим собой, с собственным смысложизненным вакуумом. Данный методологический поворот позволяет рассматривать «Крейцерову сонату» и «Исповедь» как комплементарные проекции единой философской проблемы: первая демонстрирует ее социально-антропологическое измерение, вторая — ее экзистенциально-онтологический фундамент. В современном прочтении цифровая дистракция в этой парадигме осмысливается как форма бегства от экзистенциальной тревоги и смысложизненных вопросов, которые Л.Н. Толстой с феноменологической ригористикой поднимает в своих текстах. Здесь ригористичность отражает бескомпромиссную, строгую и дисциплинированную последовательность, с которой Л.Н. Толстой проводит этот анализ, не позволяя себе и читателю уклониться от самых неприглядных и пугающих выводов.

Именно анализ толстовского понимания отчуждения, где технология предстает новой формой бессмысленного страстного опьянения, закрывающего путь к подлинному бытию, позволяет нам перейти к ключевой аллюзии — «Исповеди». Подобно тому, как сам писатель пытался заполнить экзистенциальную пустоту общественной деятельностью, писательством и семейной жизнью, прежде чем признать их недостаточность, современный человек погружается в бесконечный поток диджитальных (цифровых) стимулов, чтобы избежать встречи с главным вопросом: «Есть ли в моей жизни смысл, который не уничтожится неизбежной смертью?». В своей «Исповеди» Л.Н. Толстой с суровой ясностью описывает, как светская суэта — балы, карты, сплетни — служила его современникам мощным щитом от вопросов о смысле жизни и неизбежности смерти. Это было бегство от экзистенциальной тревоги в ритуализированную деятельность, призванную заглушить внутренний голос.

Современность возвела это избегание в абсолют, превратив его в индустрию дистрибуции. Бесконечный скроллинг телеграмм-

каналов, навязчивый стриминг, компьютерные игры — все это функционирует как глобальная и высокоэффективная система анестезии сознания. Она предлагает не временное забытие, как пьянство у Толстого, а перманентный цифровой наркоз, отучающий сам рефлексивный мускул напрягаться.

Парадокс технологического рабства: самоинструментализация человека и утрата субъектности в контексте философии Л.Н. Толстого

Такие технологии, как VR и метавселенные, являются наиболее совершенным способом бегства от экзистенциальной тревоги в наши дни — это уже не просто отвлечение, но конструирование альтернативной реальности, где экзистенциальные вопросы просто не имеют места. Если толстовский герой играл в карты, чтобы не думать, то современный человек надевает шлем, чтобы не существовать в мире, где такая мысль вообще возможна. Цифровая индустрия, таким образом, системно и рентабельно эксплуатирует базовый человеческий страх перед конечностью и бессмысленностью: «Понимание самим человеком изменений и происходящих процессов в обществе и в самом человеке, помещенного в цифровом пространстве, вырабатывает адаптационные механизмы в современном мире и ведет к переосмыслению традиционных моделей поведения и взаимодействия» [Кузнецов А.В. и др., 2025, с. 38].

Если механизмы адаптации к новой реальности являются коллективным ответом человечества на внешние изменения, то в творчестве Толстого мы видим глубоко личностное, экзистенциальное измерение этого процесса. Этот путь от межличностного отчуждения («Крейцера соната») к экзистенциальному бегству («Исповедь») закономерно подводит нас к следующей аллюзии, которая синтезирует оба аспекта в новой, технологической реальности. Ею становится притча «Хозяин и работник». Если в оригинале Толстой исследует отношения помещика Брехунова и его крестьянина Никиты, основанные на инструментальной логике, где человек рассматривается как средство для достижения цели, то в современном контексте эта парадигма проецируется на отношения человека и искусственного интеллекта (ИИ). В нормальной инструментальной логике отношение Брехунова к Никите как к автономному ин-

струменту, функциональному элементу системы, освобождающему хозяина от рутинной мысли. Василий Андреевич знал, что Никита делает все, что нужно, и мог не заботиться [Толстой Л.Н., 1999с].

Кто в этой новой конфигурации становится «хозяином» — тот, кто отдает команды, или тот, кто детерминирует саму возможность выбора? И кто «работник» — алгоритм, исполняющий поручения, или пользователь, чье сознание и потребности теперь опосредуются и формируются цифровой средой? Эта аллюзия позволяет вскрыть диалектику кажущегося господства и реальной зависимости, исследуя, как инструментализация Другого (будь то человек или машина) оборачивается самоинструментализацией человека, добровольно встраивающего себя в логику алгоритмической эффективности.

В притче о господине и работнике Толстой являет нам парадокс антропологической зависимости: создав раба для обслуживания своих нужд, господин сам оказывается в рабской зависимости от его труда, погружаясь в состояние духовной летаргии. Сегодня этот парадокс обретает новое, зловещее измерение в контексте технологического уклада. Стремясь создать искусственный интеллект как совершенный инструмент, человек не замечает, как сам оказывается в униженной зависимости от его прескриптивных решений, т.е. ИИ как «прескриптивная модель, указывает как мы *должны* принимать решение» [Болбаков Р.Г., 2017, с. 8].

Этот процесс можно описать в терминах фундаментального отказа от субъектности: передача алгоритмам функций селекции и принятия решений оборачивается не только операционной эффективностью, но и созданием системной уязвимости. Эта уязвимость проявляется одновременно на двух уровнях: как утрата экзистенциального суверенитета личности и как кризис ее информационной безопасности. Добровольное ограничение критического мышления в пользу алгоритмического детерминизма подрывает саму возможность автономного суждения, превращая пользователя в эпистемически зависимого агента, чья когнитивная и ценностная автономия становится объектом внешнего управления.

Таким образом, подобно толстовскому барину, мы погружаемся в иллюзию комфорта, в новую форму духовной спячки, где за нас думает и решает наше же создание. Парадокс со-

временного «технологического рабства» заключается в том, что оно не навязывается извне цепями, но возникает как неизбежное следствие нашего стремления к абсолютному удобству, делая нас заложниками собственного гения. Л.Н. Толстой же критикует инструментальное отношение к самому человеку, открывая нам в моменте экзистенциального прозрения подлинную человеческую связь, основанную не на полезности, а на со/бытии, когда перед лицом смерти рушатся все социальные роли. Только перед лицом смерти Василий Андреевич понимает, что Никита был не просто орудием его воли, а был его другом, братом, близким человеком [Толстой Л.Н., 1999с].

От антропологического отчуждения к датафикации Dasein

Действительно, аллюзии на произведения Л.Н. Толстого высвечивают различные грани технологического опосредования. Творчество Л.Н. Толстого раскрывается как глубоко пронищательная система диагностики кризисов цифровой эпохи, где его антропологические прозрения служат точным инструментом деконструкции современных форм отчуждения. Обращение к его творчеству в данном контексте оказывается не просто литературным приемом, но мощным критическим инструментом, позволяющим выявить и осмыслить ключевые антропологические риски цифровой среды. Эти аллюзии выполняют несколько важнейших функций: они обнажают природу современных форм отчуждения, помещают их во вневременный исторический контекст извечной борьбы человека за аутентичность и, что наиболее существенно, напоминают нам, что технология — это лишь новая среда, ландшафт, в котором продолжает разворачиваться вечная драма человеческого самоопределения перед лицом смерти, смысла и Другого. А как именно эта «драма» разворачивается в данном конкретном ландшафте? Какие именно «формы отчуждения» здесь проявляются? В этой новой среде «представлен своего рода идеальный тип сознания, озабоченный свободой индивидуума и совершенно не принимающего и не понимающего связи его судьбы с судьбой рода, перспективами человечества как целого» [Кутырев В.А., 2009, с. 44].

Проведенные параллели с текстами Л.Н. Толстого убедительно демонстрируют, что

цифровые технологии по своей сути не создают принципиально новых экзистенциальных проблем, но с беспрецедентной силой радикализируют извечные дилеммы человеческого существования: бегство от свободы в неподлинность, подмену бытия — обладанием, а общения — опосредованным ритуалом. Его творчество, таким образом, становится уникальным ключом к критике технокапитализма (доминирование капитала, основанного на технологиях) как новой, алгоритмической ипостаси «ложной жизни», где роль толстовских «общих шаблонов» и светских условностей исполняют платформенные алгоритмы, а цифровые симулякры — прежние ритуалы иерархического общения.

В этом свете ответом на вызовы цифровой эпохи закономерно видится не технофобия и не тотальный отказ от технологий, но толстовский императив сознательного, этически мотивированного упрощения. Это путь подчинения технологического инструментария фундаментальным вопросам подлинного человеческого бытия, возвращения к себе из цифрового лабиринта отряд через свободный и осознанный акт выбора. Толстой оказывается не только пронизательным диагностом болезней современности, но и провозвестником возможности исхода, предлагая не решение, а направление: обретение внутреннего «света», который не сможет затмить никакой внешний шум.

Таким образом, если толстовский императив направлен на обретение внутреннего «света» человеческой субъективности, способного противостать любому внешнему шуму, то современная цифровая среда, напротив, порождает принципиально иные формы отчуждения. Ключевой среди них становится антропологическое отчуждение и редукция к данным (датафикация), где уникальная экзистенция человека подменяется исчислимым (цифровым) профилем, а живая сложность души — набором поведенческих паттернов.

Антропологическое отчуждение, диагностированное Л.Н. Толстым в отчуждении человека от природы, труда и подлинной intersubjectivity, обретает в современную эпоху новое, радикальное измерение. К историческим формам отчуждения добавляется фундаментальный разрыв между индивидом и его цифровым двойником — Data-образом, конструируемым из ма-

шиночитаемых данных. Данный процесс, известный как датафикация, предполагает тотальную трансляцию человеческой экзистенции в количественные показатели: «Примером изучения цифровых практик является инициатива DiMPO (Digital Research Infrastructure for the Arts and Humanities). Данная инициатива, развивающаяся в рамках панъевропейского проекта DARIAH (Цифровые методы, практики и онтологии), направлена на изучение реальных изменений в исследовательских практиках в условиях “цифрового поворота”» [Володин А.Ю., 2018, с. 23]. При этом эмоции, социальные связи и привычки превращаются в сырье для извлечения прибыли, становясь объектом манипуляции со стороны платформенного капитализма, т.е. той экономической системой, которая дополняет предшествующий капиталистический уклад новой бизнес-моделью — «платформой», которая становится посредником между трудящимися и потребителями. Таким образом, целостный поток переживания, описанный Эдмундом Гуссерлем [Гуссерль Э., 2005], «составляющими которого являются феномены» [Павлова Е.Д., 2007, с. 427], подвергается дроблению на дискретные data-points — наименьшие единицы данных, которые можно обработать или проанализировать, что неминуемо ведет к утрате его экзистенциальной полноты и смысловой насыщенности.

С философско-антропологической точки зрения, данную трансформацию можно интерпретировать как онтологическую редукцию присутствия. Речь идет о присутствии, которое в богословской традиции понимается как способность нести истину не только словами, но самим фактом своего бытия.

Эта редукция находит свое выражение в низведении Dasein Мартина Хайдеггера — бытия, для которого его собственное бытие есть вопрос, — до статуса пассивного и исчислимого «данного». Такое бытие оказывается лишенным своей экзистенциальной вовлеченности, как если бы мы «принадлежали чему-то... случайно и временно» [Хайдеггер М., 2003, с. 501].

Сходным образом фундаментальному изменению подвергаются и intersubjective отношения, занимающие центральное место в философской антропологии Макса Шелера. Он утверждал, что «психологизм должен быть преодолен в философии, но антропологизм не мо-

жет быть преодолен... Самый факт существования человека есть разрыв в природном мире и свидетельствует о том, что природа не может быть самодостаточной и покоится на бытии сверхприродном» (цит. по: [Бердяев Н., 1993, с. 55]). Однако эта онтологическая уникальность человека, раскрывающаяся в глубоком встречном отношении Я и Ты, в современную эпоху нивелируется. Парадоксальным образом это соответствует шелеровскому же прогнозу о «содержательном уравнивании самих метафизических идей» [Шелер М., 1994, с. 127], в рамках которого он, несмотря на всю его радикальность, ожидал «все возрастающей, почти необычайной конвергенции основополагающих воззрений духовных элит» [Шелер М., 1994, с. 128]. Воплощением этого «уравнивания» на уровне повседневности становится опосредование человеческого общения цифровым интерфейсом, где живой диалог редуцируется до обмена сигналами (эмодзи, лайки). Это обедняет коммуникацию, низводя ее до уровня транзакционного взаимодействия, лишённого эмоциональной глубины и взаимного признания, — т.е. того самого смыслообразующего статуса, который изначально составлял суть intersubjectивности.

Это тотальное опосредование жизненного мира технологическими платформами находит свое крайнее выражение в изменении самого восприятия конечности человеческого существования. Экзистенциальное одиночество Ивана Ильича перед лицом не-бытия в современном контексте усугубляется тем, что даже интимный процесс умирания может быть опосредован и отчужден. Трансляция личного опыта болезни и умирания через хэштеги и посты в социальных сетях превращает его в публичный контент, тем самым лишая индивидуальное переживание его экзистенциальной глубины и уникальности. Следовательно, цифровая симуляция не преодолевает, но, напротив, углубляет антропологическое отчуждение, ставя под вопрос саму возможность аутентичного человеческого бытия в условиях его тотальной датафикации.

Если тотальная датафикация ставит под сомнение саму возможность аутентичного бытия здесь-и-сейчас, то закономерным следствием этого становится бегство от конечности — ключевого условия человеческой экзистенции. Это приводит нас к необходимости поставить такие

предельные вопросы, как конечность и симулякры бессмертия в эпоху ИИ, где технология предлагает не разрешение экзистенциальной тревоги, но ее иллюзорное подавление через цифровые суррогаты вечности.

От руссоистского «amour-propre» к цифровому отчуждению

Если предшествующий анализ фокусируется на актуальных, технологически опосредованных формах антропологического кризиса, таких как децентрированный субъект, симулякры идентичности и алгоритмическая гетерономия, то для понимания его экзистенциальных истоков необходимо обратиться к фундаментальной критике самой природы социальности, развитой Жан-Жаком Руссо. Его философская антропология раскрывает генеалогию отчуждения, корнящуюся не столько во внешних институтах, сколько во внутренней трансформации человеческих страстей при переходе к общественному состоянию. Ключевым для этого анализа является понятие «amour-propre» (сравнительное себялюбие, самолюбие), которое Руссо противопоставляет естественному «amour de soi» (себялюбие, любовь к себе). Если amour de soi — это инстинкт самосохранения и заботы о подлинном благополучии, то amour-propre — это искусственная, социально порожденная страсть, основанная на постоянном сравнении себя с другими, зависимости от внешнего мнения и жажде превосходства. Именно amour-propre, по Руссо, является источником отчуждения, тщеславия, вражды и утраты аутентичности. Таким образом, современная цифровая среда, построенная на метриках социального одобрения и конкурентной видимости, предстает как мощнейший в истории механизм культивации amour-propre, что позволяет говорить о цифровом amour-propre как о новой парадигме гетерономии и системного отчуждения самости. В свете философской антропологии позиция Жан-Жака Руссо по вопросу о природе современного кризиса может быть сформулирована следующим тезисом: корень антропологического отчуждения и утраты аутентичности лежит не в самом технологическом прогрессе, а в той социальной и психологической динамике, которую он интенсифицирует, а именно в систематической подмене естественных потребностей (amour de soi) ис-

кусственными, порождаемыми сравнительным себялюбием (*amour-propre*) и ведущими к установлению новой формы гетерономии. Однако из необходимости компенсации своей слабости в объединении с другими Руссо, говоря о человеческом счастье, возвращается к основам общества — интересам личности: «Именно любовь каждого к самому себе становится любовью к другим людям... “Распространим свое самолюбие на другие существа — таким путем мы превратим его в добродетель”» [Руссо Ж.-Ж., 1981, с. 284].

В рамках данного положения Руссо проводит фундаментальное для его антропологии различие. Так, *Amour de soi* (Любовь к себе) — врожденный инстинкт самосохранения и заботы о благополучии, удовлетворяемый подлинными потребностями и не враждебный другим. *Amour-propre* — самолюбие как искусственная страсть, рождающаяся исключительно в обществе и основанная на постоянном сопоставлении себя с другими. Ее источник — не естественная нужда, а зависимость от внешнего мнения и стремление к превосходству. Именно эта страсть, по Руссо, порождает «ненавистные и гневные» чувства — зависть, тщеславие, вражду — и является двигателем социального отчуждения.

Проецируя эту концептуальную схему на реалии цифровой эпохи, можно утверждать, что алгоритмические платформы и экономика внимания становятся совершенным механизмом культивации самолюбия. Они институционализируют «зависимость от мнения» через метрики лайков и подписчиков, а «многочисленность потребностей» — через бесконечную генерацию новых дефицитов и моделей потребления. Таким образом, цифровая среда не просто отвлекает, как светская суэта во времена Руссо, а системно конституирует децентрированного субъекта, чьи желания и самооценка оказываются в радикальной гетерономии от внешних, алгоритмически управляемых сигналов. Выход из этого отчуждения, следуя логике Руссо, лежал бы не в техническом «детоксе», а в радикальной моральной реформе, направленной на распознавание и сокращение искусственных «новых потребностей» и восстановление суверенитета аутентичного «естественного себя» над социально сконструированным самолюбием.

Экзистенциальный шок и технологические анестетики

Если концепция «*amour-propre*» у Руссо объясняет, почему человек в обществе склонен бежать от себя в погоне за внешними подтверждениями, то философия Л.Н. Толстого вскрывает экзистенциальную цену этого бегства, обнажая тот онтологический шок — ужас перед смертью и смыслоутратой, — который настигает индивида, прожившего жизнь в плену «общего шаблона». Толстой доводит логику руссоистской гетерономии до ее экзистенциального предела: если *amour-propre* систематически отвлекает нас от аутентичных потребностей (*amour de soi*), то итогом становится жизнь, в которой не осталось ничего подлинного перед лицом смерти. Таким образом, толстовский экзистенциальный шок предстает как неизбежная расплата за жизнь, управляемую сравнительным себялюбием.

Эта связь позволяет увидеть в современных «технологических анестетиках» не просто новые развлечения, а закономерное и предельное развитие механизмов *amour-propre*. Если во времена Руссо и Толстого для бегства от себя требовалось личное участие в социальных ритуалах, то сегодня алгоритмические платформы, следуя той же логике отвлечения и внешней валидации, автоматизируют и интенсифицируют этот процесс, предлагая мгновенные симулякры осмысленности и блокируя саму возможность переживания толстовского шока, а значит, и импульса к экзистенциальному пробуждению.

Экзистенциальный ужас перед смертью, столь ярко описанный Л.Н. Толстым в «Смерти Ивана Ильича» [Толстой Л.Н., 1999b] и «Исповеди», выступает в его философии центральным катализатором поиска смысла. Этот онтологический шок, обнажающий тщету жизни, прожитой «как все» в погоне за социальными условностями, призван совершить переворот в сознании, заставив индивида обратиться к вопросам подлинного бытия. Однако в цифровую эпоху этот каталитический механизм сталкивается с беспрецедентными вызовами, порождаемыми технологиями, которые предлагают не преодоление экзистенциальной тревоги через внутреннюю работу, а ее систематическое избегание через две основные формы симуляции.

В свете философско-антропологического анализа ключевой характеристикой современного общества выступает феномен тотальной дистрибуции внимания, представляющий собой технологически усиленную и систематизированную реализацию экзистенциальной стратегии избегания. Если в эпоху Л.Н. Толстого уход от «проклятых вопросов» бытия осуществлялся через социально-ритуальные формы (пьянство, азартные игры, светскую суету), то сегодня его материальной основой стали бесконечный скроллинг новостных и социальных лент, иммерсивные видеоигры с их дофаминовыми петлями и непрерывный потоковый контент: «Нестабильная обстановка, снижение доходов, риск из-за искусственного интеллекта, стресс и выгорание провоцируют изменение характера медиапотребления, людям необходим позитивный контент, причем легкий...» [Зорина М.В., 2025, с. 207]. Практическим воплощением этого является архитектура платформ вроде TikTok, где алгоритм, минимизируя паузы для рефлексии, поставляет пользователю непрерывную цепь микрораздражителей, тем самым обеспечивая перманентное отвлечение.

В данной статье проводится, однако, не просто историческое сравнение развлечений, а осуществляется анализ структурного подобия двух модусов отчуждения: социально-ритуального в XIX в. и алгоритмически-платформенного в XXI в. Данный подход является ключевым методологическим тезисом. Речь идет о выявлении единой антропологической константы — бегства от аутентичного существования и рефлексии, которая в разные исторические периоды обретает различные, но функционально изоморфные институциональные и технологические формы. Таким образом, сквозь призму толстовской критики «общего шаблона» и неподлинности просматривается суть современной дистрибуции как нового механизма гетерономии, поддерживающего децентрированного субъекта в состоянии экзистенциальной рассеянности и блокирующего возможность обретения онтологического суверенитета. Этот структурный анализ позволяет преодолеть поверхностное противопоставление эпох и выявить глубинные механизмы антропологического кризиса, связанные с утратой субъектом суверенного контроля над своим вниманием и экзистенциальным выбором.

Данный феномен можно осмыслить как воплощение гегелевской «дурной бесконечности» — не восхождения к Абсолюту, а бесцельного и однородного протяжения, где каждый элемент (пост, видео, клик) эквивалентен другому и не ведет к качественному преобразованию сознания. Таким образом, цифровая дистрибуция функционирует как глобальный анестетик, подавляющий саму возможность возникновения экзистенциального вопроса.

Параллельно с этим развивается и другой, более радикальный проект — симулякр технологического бессмертия, но получить бессмертие «значит убить человека, уничтожить все, что есть в нем ценного, разрушить добро и все его задачи. В этом состоит горькая ирония личного бессмертия» [Ланц Г.Э., 1913]. И если дистрибуция предлагает забыть о смерти, то стратегия технологического бессмертия претендует на ее прямое преодоление через технические средства. Речь идет о создании чат-ботов, обученных на наших цифровых следах — письмах, фотографиях, сообщениях, — которые имитируют личность после биологической смерти пользователя. Проекты вроде «HereAfter AI» (создатель Джеймс Влахос), позволяющие общаться с интерактивными версиями умерших близких с помощью искусственного интеллекта, или проекты по «загрузке сознания» — гипотетическая технология, при которой все, что делает человека человеком (память, сознание, личность, мышление), переносится в цифровую форму и существует в компьютере. Вместе с тем Рэй Курцвейл (технический директор в области машинного обучения и обработки естественного языка в Google) считает, что примерно к 2045 г. будет технически возможно копировать мозг и сознание на цифровую платформу: «...в ближайшем будущем нам удастся подключить компьютеры непосредственно к мозгу. В основе этих достижений лежит принцип, который я называю законом ускорения отдачи. Он гласит, что стоимость продуктов информационных технологий снижается в геометрической прогрессии, поскольку каждое новое открытие делает разработку следующих поколений таких инструментов более простой» [Курцвейл Р., 2025, с. 12]. По его мнению, это позволит достичь бессмертия, и предлагается именно эта форма симуляции преодоления не-бытия.

Практически это выражается в том, что человек, подобно герою британского научно-фантастического телесериала-антологии «Черное зеркало», созданного Чарли Брукером, где идет отсылка к черным дисплеям электронных гаджетов (телефона, компьютера и др.), может оставить после себя цифровую копию, с которой смогут взаимодействовать его потомки: «Контекст рецепции “Черного зеркала” как шоу, которое запойно смотрится фанатами, несмотря на отсутствие у него явной сериальности, связывает его с переживаниями сакрального в мире повседневного потребления» [Хиллс М., 2019, с. 105]. Действительно, если нет сакрального, то не может быть и профанного.

Однако с позиции толстовской антропологии оба этих ответа являются глубинно неподлинными. Они представляют собой не решение экзистенциальной проблемы, а ее тотальное вытеснение или подмену. Дистрибуция, по сути, есть бегство от самого вопроса о смысле на фоне осознания конечности. Цифровое же бессмертие — это попытка дать технологический ответ на вопрос, который по своей природе является этическим и духовным. Толстой настаивал, что принятие смерти есть интенсивная внутренняя работа по переоценке всей жизни, обретению веры и любви, которая одна лишь и придает существованию нравственный вес и полноту. Проект же создания цифрового двойника подменяет эту работу по спасению души техническим дублированием ее внешней оболочки, симуляцией личности без ее экзистенциального ядра.

Следовательно, технологические симулякры бессмертия и тотальной отвлеченности, предлагаемые эпохой ИИ, оборачиваются не преодолением, а углублением экзистенциального отчуждения. Они позволяют человеку проживать жизнь, так и не столкнувшись с ее фундаментальным условием — конечностью, тем самым лишая ее подлинного смысла и трагического достоинства, которые, как учил Л.Н. Толстой, рождаются именно из мужественного приятия не-бытия и совершенной в его свете работы духа.

Таким образом, развитие генеративного ИИ представляет собой не разрешение, но существенную интенсификацию ключевых антропологических вызовов современности. Данный

процесс можно концептуализировать как радикализацию экзистенциального разрыва — фундаментальной диссоциации между человеческой самостью и ее технологическими медиациями. Наиболее остро этот разрыв проявляется в сфере идентичности, обостряя до предела кризис аутентичности. Способность генеративных моделей продуцировать контент (текстовый, визуальный, аудиовизуальный), миметически неотличимый от продуктов человеческой деятельности, ставит под сомнение саму возможность континуитета и целостности «Я».

В данной статье ключевым методологическим принципом является отказ от механической рецептурности и догматического следования учению Л.Н. Толстого. Осуществляется философская трансплантация его идей, направленная на выявление универсального экзистенциального ядра — критики гетерономии и поиска аутентичности. Именно это ядро признается продуктивным для анализа любых систем отчуждения, включая современную технологическую. Таким образом, концепт «технологического аскетизма» рассматривается в статье не как догматическое применение, а как современная интерпретация и развитие толстовского императива сознательного самоограничения.

В свете данного подхода обретают свою специфическую актуальность фундаментальные вызовы цифровой эпохи. Во-первых, возникает онтологический вопрос о гарантиях аутентичности самости в условиях, когда алгоритмические системы демонстрируют способность к симуляции индивидуальных предпочтений и коммуникативных актов, порой превосходя в этом самого субъекта. Данная ситуация требует выработки новой, радикальной формы экзистенциальной аскезы — сознательного отказа от делегирования ядерных элементов идентичности непрозрачным операциям искусственного интеллекта, что становится актом утверждения онтологического суверенитета.

Во-вторых, технологическая архитектура современных нейросетевых систем, характеризуемая статусом «черного ящика» (проблема объяснимого ИИ – ХАИ), порождает феномен технологического догматизма. Непроницаемость процесса принятия алгоритмических решений обуславливает необходимость принятия их результатов на веру, формируя тем самым

новую форму отчуждения разума, структурно сопоставимую с религиозным догматом. В данном контексте толстовская критика институциональной церковности и внешнего авторитета обретает новое звучание, трансформируясь в императив постоянной рационально-нравственной рефлексии, направленной на любой технологический императив, претендующий на безальтернативность.

Наконец, трансформация природы труда под воздействием ИИ актуализирует толстовский идеал непосредственного отношения к миру через физический труд как основу нравственной цельности. Автоматизация не только рутинных, но и креативных функций высвобождает человеческое время, создавая историческую бифуркацию: с одной стороны, это потенциал для возвращения к подлинной экзистенции (творчеству, духовному поиску), а с другой — риск погружения в состояние тотальной дистрибуции внимания, гедонистического потребления и экзистенциального вакуума. Таким образом, философско-антропологическая оптика, унаследованная от Толстого, позволяет не просто констатировать данные вызовы, но и концептуализировать их как новые формы старой борьбы за аутентичное человеческое бытие перед лицом систем, производящих гетерономию и отчуждение.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что философское наследие Л.Н. Толстого предлагает не только историко-культурную аналогию, но и выполняет функцию строгого герменевтического ключа для диагностики антропологического кризиса, индуцированного цифровым укладом. Его категориальный аппарат — «неподлинное существование», «общий шаблон», «внутренний свет» — позволяет концептуализировать системные вызовы, бросающиеся технологической средой: от редукции человека к данным до симуляции бессмертия. Более того, толстовская мысль намечает контуры возможного сопротивления. Это сопротивление мыслится не в регрессивной форме технологического луддизма, противостоящего достижениям инновационных технологий, а в форме сознательного, осмысленного аскетизма, проявляющегося в избирательном использовании технологий, сопряженных с утверждением нереду-

цируемой экзистенциальной правды человеческого бытия, его конечности и свободы, перед лицом его все более совершенной алгоритмической симуляции. В конечном счете, Толстой напоминает, что любой технологический вызов — это в первую очередь вызов экзистенциальный, требующий не технического решения, а морального выбора и духовной ясности.

Список литературы

- Бердяев Н.* О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.
- Болбаков Р.Г.* Информационная когнитология: монография. М.: МАКС Пресс, 2017. 80 с. EDN: ZRZISL
- Володин А.Ю.* Современные цифровые практики историков в контексте датафикации // Естественные научные методы в цифровой гуманитарной среде: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием (г. Пермь, 15–18 мая 2018 г.) / Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2018. С. 23–26. EDN: YQGBNR
- Гуссерль Э.* Избранные работы: пер. с нем. М.: Территория будущего, 2005. 458 с. EDN: RAYVTX
- Зорина М.В.* Особенности потребления контента в эпоху нейросетей и клипового мышления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 7–2(106). С. 207–211. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2025-7-2-207-211>. EDN: NQIZMT
- Кузнецов А.В., Шахов В.В., Зуткин Л.А., Монастырская И.А.* Ключевые экзистенциальные аспекты идентичности человека в информационной среде в контексте сопряжения дискурсов // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2025. Т. 14, № 6А. С. 34–43. EDN: ABFFRY
- Курицевил Р.* Революция разума: на подступах к Сингулярности: как технологии изменят общество и сознание / пер. с англ. А.А. Алексева. М.: Эксмо, Бомбора, 2025. 560 с.
- Кутырев В.А.* Человеческое и иное: борьба миров / Нижегородский гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, Междунар. каф. ЮНЕСКО по философии и этике СПб. науч. центра РАН. СПб.: Алетей, 2009. 262 с. EDN: QWUVBJ
- Ланц Г.Э.* Вопросы и проблемы бессмертия // Логос. М.: Поставщик двора Его Величества скоропечатни А.А. Левенсон, 1913. Кн. 3 и 4. С. 249–267.
- Павлова Е.Д.* Сознание в информационном пространстве. М.: Academia, 2007. 684 с. EDN: QWRDSX

Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / сост. А.Н. Джуринский; под ред. и с предисл. Г.Н. Джибладзе. М.: Педагогика, 1981. Т. 2. 336 с.

Толстой Л.Н. Исповедь. О жизни. М.: АСТ, 2024. 288 с.

Толстой Л.Н. Крейцерова соната // Толстой Л.Н. Повести и рассказы / сост. и комм. С.Г. Бочарова. М.: Слово, 1999. С. 321–390.

Толстой Л.Н. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л.Н. Повести и рассказы / сост. и комм. С.Г. Бочарова. М.: Слово, 1999. С. 245–320.

Толстой Л.Н. Хозяин и работник // Толстой Л.Н. Повести и рассказы / сост. и комм. С.Г. Бочарова. М.: Слово, 1999. С. 391–430.

Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Библихина. Харьков: Фолио, 2003. 512 с.

Хиллс М. «Черное зеркало», имплицитная религия и сакрализация «запойных просмотров» научной фантастики / пер. с англ. Н. Афанасова // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2019. Т. 37, № 3. С. 102–123. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-3-102-123>. EDN: JZIMMK

Шелер М. Человек в эпоху уравнивания // Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А.В. Денежкина и др. М.: Гнозис, 1994. С. 98–128.

References

Berdyayev, N. (1993). *O naznachanii cheloveka* [The destiny of man]. Moscow: Respublika Publ., 383 p.

Bolbakov, R.G. (2017). *Informatsionnaya kognitologiya* [Information cognitive science]. Moscow: MAKSS Press, 80 p.

Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and time]. Kharkov: Folio Publ., 512 p.

Hills, M. (2019). [Black mirror, implicit religion and the sacralisation of bingeing science fiction]. *Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom* [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]. Vol. 37, no. 3, pp. 102–123. DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2019-37-3-102-123>

Husserl, E. (2005). *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow: Territoriya buduschego Publ., 458 p.

Kurzweil, R. (2025). *Revolutsiya razuma: na podstupakh k singulyarnosti: kak tekhnologii izmenyat obshchestvo i soznanie* [The Singularity is nearer: When we merge with AI]. Moscow: Eksmo Publ., Bombora Publ., 560 p.

Kutyrev, V.A. (2009). [The human and the other: the struggle of worlds]. St. Petersburg: Aleteya Publ., 262 p.

Kuznetsov, A.V., Shakhov, V.V., Zutkin, L.A. and Monastyrskaya, I.A. (2025). [Key existential aspects of human identity in the information environment: a discourse convergence perspective]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being]. Vol. 14, no. 6A, pp. 34–43.

Lanz, G.E. (1913). [Issues and problems of immortality]. *Logos*. Moscow: Postavshhik dvora Ego Velichestva skoropechatni A.A. Levenson Publ., book 3–4, pp. 249–267.

Pavlova, E.D. (2007). *Soznanie v informatsionnom prostranstve* [Consciousness in the information space]. Moscow: Academia Publ., 684 p.

Rousseau, J.-J. (1981). *Pedagogicheskie sochineniya: v 2 t.* [Pedagogical works: in 2 vols]. Moscow: Pedagogika Publ., vol. 2, 336 p.

Scheler, M. (1994). [Man in epoche of equalization]. *Scheler M. Izbrannye proizvedeniya* [Scheler M. Selected works]. Moscow: Gnozis Publ., pp. 98–128.

Tolstoy, L.N. (2024). *Ispoved'. O zhizni* [A confession. On life]. Moscow: AST Publ., 288 p.

Tolstoy, L.N. (1999). [Master and workman]. *Tolstoy L.N. Povesti i rasskazy* [Tolstoy L.N. Novellas and short stories]. Moscow: Slovo Publ., pp. 391–430.

Tolstoy, L.N. (1999). [The death of Ivan Ilyich]. *Tolstoy L.N. Povesti i rasskazy* [Tolstoy L.N. Novellas and short stories]. Moscow: Slovo Publ., pp. 245–320.

Tolstoy, L.N. (1999). [The Kreutzer sonata]. *Tolstoy L.N. Povesti i rasskazy* [Tolstoy L.N. Novellas and short stories]. Moscow: Slovo Publ., pp. 321–390.

Volodin, A.Yu. (2018). [Actual digital practices of historians in the context of datafication]. *Estestvennonauchnye metody v tsifrovoy gumanitarnoy srede: materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem (g. Perm', 15–18 maya 2018 g.)* [Natural Science Methods in The Digital Humanitarian Environment: Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation (Perm, May 15–18, 2018)]. Perm: PSU Publ., pp. 23–26.

Zorina, M.V. (2025). [Peculiarities of content consumption in the era of neural networks and clip thinking]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences]. No. 7–2(106), pp. 207–211. DOI: <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2025-7-2-207-211>

Об авторах

Когай Евгения Анатольевна

доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой социологии

Курский государственный университет,
305000, Курск, ул. Радищева, 33;
e-mail: eakogay@mail.ru
ResearcherID: B-4772-2016

Кузнецов Андрей Владимирович

доктор философских наук, доцент,
профессор кафедры информационно-
компьютерных технологий в деятельности
органов внутренних дел

Белгородский юридический институт МВД России
им. И.Д. Путилина,
308024, Белгород, ул. Горького, 71;
e-mail: kuzandr@mail.ru
ResearcherID: E-9933-2014

Акапьев Виктор Львович

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры информационно-компьютерных
технологий в деятельности органов внутренних дел

Белгородский юридический институт МВД России
им. И.Д. Путилина,
308024, Белгород, ул. Горького, 71;
e-mail: akapevv1@yandex.ru

About the authors

Evgeniya A. Kogay

Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Department of Sociology

Kursk State University,
33, Radishchev st., Kursk, 305000, Russia;
e-mail: eakogay@mail.ru
ResearcherID: B-4772-2016

Andrey V. Kuznetsov

Doctor of Philosophy, Docent,
Professor of the Department of Information
and Computer Technologies in the Operations
of Internal Affairs Agencies

Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
71, Gorky st., Belgorod, 308024, Russia;
e-mail: kuzandr@mail.ru
ResearcherID: E-9933-2014

Viktor L. Akapev

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department of Information
and Computer Technologies in the Operations
of Internal Affairs Agencies

Putilin Belgorod Law Institute
of Ministry of the Interior of Russia,
71, Gorky st., Belgorod, 308024, Russia;
e-mail: akapevv1@yandex.ru

УДК 113

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-33-44><https://elibrary.ru/bnxtsb>

Поступила: 02.02.2025

Принята: 12.10.2025

Опубликована: 02.04.2026

ТЕХНИКА В ПРЕОДОЛЕНИИ «ПРИРОДНЫХ ЗАТВОРОВ»

Погорельская Елена Юрьевна

Гуманитарный университет (Екатеринбург)

Данное исследование посвящено исторической реконструкции идеи технического покорения мира. В античности возникает воззрение о незыблемости природы вещей, которое просуществует до Ренессанса, когда вопросы влияния человека на существующий порядок вещей встанут наиболее остро и спровоцируют появление науки современного типа. Эта новая наука, взявшая курс на эксперимент, подвергнет сомнению устоявшиеся представления, в том числе представления о непроходимости природных барьеров. Клеточная теория, выделяя структурной единицей живого клетку, постулирует единство растительного и животного миров. Эволюционная идея, предложенная Ламарком и впоследствии развитая до полномасштабной парадигмы, предполагает трансформацию видового разнообразия планеты. Увлечение дарвинизмом дает толчок проведению исследователями искусственной практики гибридизации и селекции новых сортов растений и пород животных, тем самым подтверждается пластичность живой материи. Возникшая в XX в. теория абиотического происхождения жизни связывает живое и неживое в естественной истории химико-биологических преобразований веществ. Расшифровывание кода ДНК и последующее развитие генной инженерии направлено на поиск генетических основ жизни и создание природоподобных материалов. Модели машинного интеллекта демонстрируют возможность мыслительных актов вне человеческих индивидов и поднимают вопросы об особенностях человеческой природы. На базе русского космизма формируется экзотическая идея бессмертия или технического преодоления порога смерти. Это ведущий научный миф. Все перечисленные концепции и их практические результаты свидетельствуют о направленности научно-технического поиска, в котором содержательный момент истины связан с преодолением природных ограничений и созданием новых природ под человеческий запрос.

Ключевые слова: природные барьеры, живое, неживое, гибридизация, селекция, машинный интеллект, полуживое, бессмертие, освоение времени, техническая цивилизация.

Для цитирования:

Погорельская Е.Ю. Техника в преодолении «природных затворов» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 33–44. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-33-44>. EDN: BNXTSB

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-33-44>

Received: 02.02.2025

Accepted: 12.10.2025

Published: 02.04.2026

TECHNOLOGY IN OVERCOMING “NATURAL BARRIERS”

Elena Yu. Pogorelskaia

Humanitarian University (Yekaterinburg)

This study is devoted to the historical reconstruction of the idea of technical conquest of the world. In antiquity, the view of the inviolability of the nature of things arose, which existed until the Renaissance, when the issues of human influence on the existing order of things became particularly acute and provoked the emergence of modern science. This new science, which set the course for experimenting, has questioned estab-

lished ideas, including the idea of the impassability of natural barriers. Cell theory, viewing cells as the structural unit of the living, postulates the unity of the plant and animal worlds. The evolutionary idea proposed by Lamarck, and subsequently developed into a full-scale paradigm, suggests the transformation of the species diversity on the planet. The fascination with Darwinism gives impetus to researchers to conduct artificial hybridization and develop new plant varieties and animal breeds, thereby confirming the plasticity of living matter. The theory of the abiotic origin of life, which arose in the 20th century, connects the living and the nonliving in the natural history of chemical and biological transformations of substances. Decoding the DNA and the subsequent development of genetic engineering are aimed at finding the genetic basis of life and creating nature-like materials. Machine intelligence models demonstrate the possibility of acts of thought outside of human individuals and raise questions about the human nature and its specific features. On the basis of Russian cosmism, an exotic idea of immortality or technical overcoming of the threshold of death has been formed. All of the listed concepts and their practical results indicate the direction of the scientific and technical search in which the moment of truth is associated with the overcoming of natural limitations and creation of new natures in response to human demand.

Keywords: natural barriers, living, nonliving, hybridization, selection, machine intelligence, semi-living, immortality, mastery of time, technical civilization.

To cite:

Pogorelskaia E.Yu. [Technology in overcoming “natural barriers”]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 33–44 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-33-44>, EDN: BNXTSB

Введение

Современная цивилизация является процессом, ориентированным на научно-технические достижения: любая сфера современной социальной действительности сопряжена с техническими коммуникациями, являющимися результатом творчества ученых и инженеров. Каков скрытый смысл этого мощного исторического движения?

В романе Гете «Фауст» представлена основная научная интенция — раскрыть тайны Вселенной, найти бесконечные рычаги, шестерни, которые отпрут «природные затворы». Научному познанию дается техническая аналогия:

Не смейтесь надо мной деленьем шкал
Естествоиспытателя приборы!

Я, как ключи к замку вас подбирал [Гете И.В., 1997, с. 310], — говорит гетевский Фауст, но ирония в том, что техническая аналогия — совсем не аналогия: техника в научном познании является действенным методом преодоления ограничений, которые ставит природа.

Предпосылки и возможности снятия природных барьеров

Для Античности и Средних веков онтологические статусы вещей и явлений имели принципиальное значение, и потому иерархия в струк-

туре бытия была определяющим фактором, который не подвергался сомнению. Невозможно поставить на одну онтологическую ступень растительное и человеческое, человеческое и ангельское, ангельское и божественное. Онтологический статус предмета коррелирует с его сущностью, способом существования и проявления своего бытия. Несмотря на то, что велись серьезные споры, например, о природе богочеловека, о сущности божественного и земного, о вечном и временном, тем не менее разнообразие природ, соподчиненность сущностей, непроходимые качественные границы, дробящие бытие — все эти положения являлись принципиальными.

Если обратиться к конкретным примерам, то в античной традиции, например, у Аристотеля, выделялись различные души живых существ: растительная, животная, человеческая и собственно душа божественного ума [Аристотель, 1937]. Качественная определенность каждого вида души не позволяет перейти с уровня растения на уровень рыбы или птицы. Растительная душа распространяется на способность живого питаться и расти. Энтелехия животного бытия, целевая причина животной души сосредоточена в особенностях чувствования и движения. Особая природа человеческой души как

ума позволяет предположить ее бессмертие. Ни у какого животного нет никаких шансов, согласно Аристотелю, обрести бессмертную душу. В ходе нашей работы обратить внимание на определенность и заданность живой сущности внутри своего вида является принципиальным. Ни в Античности, ни в Средние века не могла сформироваться теория эволюции, поскольку границы между живыми видами и между живым и неживым рассматривались как непроходимые качественные барьеры.

Средневековая иерархичность бытия, выделение божественного в качестве определяющего существование и сущность любой другой природе, историческая логика появления вещей и их зависимость от божественного волеизъявления дополняет к вопросу о четких границах сущего вопрос о его принципиальной онтологической несамостоятельности. Человек может печалиться о делах своих, но все так или иначе зависит от воли Бога: «А у вас и волосы на голове все сочтены. И так не бойтесь: вы дороже многих малых птиц» [Евангелие от Луки, 2011, с. 114]. Всякое человеческое дело так или иначе соотносимо с божественной благодатью или отхождением от нее. Мир устроен таким образом, что чем дальше от Бога, тем больше греха, а следовательно, ближе к смерти. Границы сущностные, временные, пространственные могут быть преодолены, но это связано с прямым вмешательством божественных сил, которые называют чудом. Можно ходить по воде, но веры для этого обычно у человека недостаточно. Все возможно с Богом, и только божественное дает допуск к бессмертной жизни.

Деистическое мировоззрение, зародившееся в XVI–XVII вв. и во многом приведшее к возникновению науки современного типа, предполагало, что созданный Богом мир впоследствии может существовать без постоянной поддержки божественных энергий. Бог при творении мира вкладывает в его материальное существо неизблемые законы. Единое поле протяженной субстанции, согласно Декарту, пронизано законами природы, общими для материального мира [Chernov L.S., Pogorelskaia E.Iu., 2017, p. 458]. Такое представление стало мировоззренческой предпосылкой для устранения барьеров между любой спецификой материального. Спиноза предпринял еще более радикальный шаг, совместив материальное с мышлением,

что стало основанием для дальнейшего представления о связи материальных процессов с духовной жизнью. И хотя у Спинозы, и впоследствии у Гегеля, духовное начало является первичным в отношении творческого импульса, дающего существование природному разнообразию, тем не менее, сама идея доступа «из духа в материю» приобретает буквальный смысл и обещает успех воплощения любых самых смелых фантазий. Гегель в «Феноменологии духа», показывая поступательное развитие Мирового духа, снимает вопрос барьеров как таковых, постулируя знаменитый принцип тождества разумности и действительности. Философская концепция Гегеля задает единую теоретическую модель западной научно-технической цивилизации.

Дальнейшие наши рассуждения демонстрируют связь философских и естественно-научных идей. Это объясняется тем, что в Новое время из философского знания начинают выделяться естественные науки как форма практической реализации новых философских установок. Методологически философия подготовила почву для рождения естествознания: появляются теоретическая модель эксперимента (Ф. Бэкон, Р. Бойль) и представление о единстве материального мира, описываемого математически/количественно (Р. Декарт, Б. Спиноза, Г. Лейбниц, И. Ньютон). Наука принимает вид практико-реализованной философии.

Работа Жана Батиста Ламарка «Философия зоологии» (1809 г.), первая работа по эволюции, публикуется немногим позже «Феноменологии духа» Г. Гегеля (1807 г.). В работе Ламарка содержится идея нестабильности видов живого. Изменчивость видов связана с процессами адаптации живых организмов к условиям среды, причем особь сохраняет и передает потомству именно благоприятные приобретенные признаки, которые способствуют выживанию. В работе Ламарка, как и в работе Гегеля, проявлена вера в улучшение, в прогресс. Ламарк считал, что органический мир сам по себе стремится совершенствоваться. Поступательное развитие невозможно без преодоления ограничений, т.е. предполагает с необходимостью увеличение степени свободы.

Клеточная теория, предложенная Теодором Шванном и Матиасом Шлейденем в 1837–1839 гг., *устраняет принципиальную разницу*

между растительной и животной клетками: структурно клетки любых живых организмов схожи, что позволило говорить о единстве органического мира и дало основание для развития эволюционных идей, предполагающих возникновение жизни из одного источника. Видовое многообразие является следствием эволюционных механизмов, прежде всего естественного отбора, что описано в работе Чарльза Дарвина «Происхождение видов» (1859 г.). Вид, согласно Дарвину, не является самозамкнутой системой, скорее, вид является временным образованием, способным к трансформации. В работе «Происхождение человека и половой отбор» (1871 г.) Дарвин высказывает идею об отсутствии преград между царством живой природы и человеком.

Работы Ч. Дарвина имели колоссальное влияние на современников, в том числе на российских ученых. И хотя селекционными работами человечество стихийно занималось всегда, но после публикаций Дарвина они стали проводиться целенаправленно: природу можно улучшать, можно создавать/выводить организмы с заданными свойствами. Вид не является инвариантом, живая материя пластична. Например, американский селекционер Лютер Бербанк [Бербанк Л., Холл В., 1955] путем скрещивания растений получает сливу без косточек, айву с ароматом ананаса, сладкий лук, белую ежевику, бесколючковый кактус, а также знамениты сорт картофеля Burbank. Современный вариант этого сорта — Russet Burbank — составляет до 50 % от общего производства картофеля в США и является основным сортом картофеля в мире. «Неограниченные перспективы преобразования растительных форм возникли у Бербанка из того факта, что природа имеет некий потенциал развития, скрытые способности, активизирующиеся в результате целенаправленной деятельности человека — жесткой селекции, скрещивания, гибридизации» [Алексеева В.И., 2007, с. 103]. Бербанком были выращены первые гибриды — персикоминдаль и сливо-абрикос, которых не было в природе. Бербанк искренне считал, что культивирование новых видов растений сродни искусству, прежде всего скульптуре. Селекционные технологии в его рассуждениях подходят к своему истоку *techné*, искусству умелых мастеров,

ориентированных на трансцендентный мир — мир идей и вечных форм.

В России идею гибридизации растений практически развивал Иван Владимирович Мичурин. Исследователь считал, что новые сорта растений «надо воспитывать», т.е. заставлять растения приобретать новые качества. Например, он настаивал, что не стоит значительно удобрять молодые гибридные растения, поскольку они могут «изнежиться» и потерять морозоустойчивость, но когда гибриды начинают плодоносить, удобрения необходимы — это влияет на форму и размер плодов. Мичуриным было создано свыше 300 сортов растений, включая гибриды, произведенные скрещиванием растений разных видов, например, церападус — гибрид степной вишни (мать) и черемухи Маака (отец), растущей на Дальнем Востоке. Идея целенаправленного экспериментального/технического воздействия на органический мир явилась прямым следствием дарвинизма, полагавшего условность видовых границ.

Российским ученым, убежденным в единстве органического и неорганического мира, был Климент Аркадьевич Тимирязев. У зеленого листа, по мнению Тимирязева, *космическая роль*, поскольку он перерабатывает и хранит энергию Солнца. «Пища служит источником силы в нашем организме потому только, что она — не что иное, как консерв солнечных лучей» [Тимирязев К.А., 1962, с. 281]. О том, что все живое на земле связано с энергией Солнца, будет рассуждать А.Л. Чижевский в своем первом научном докладе 1915 г. «Периодическое влияние Солнца на биосферу Земли», сделанным им под влиянием К.Э. Циолковского для Калужского научного общества. Активность солнечной энергии, согласно Чижевскому, дополняется влиянием жизненных циклов Луны и планет, а также космоса в целом, обеспечивая единство природных циклов. Детально изучая природные закономерности, человечество может предвосхищать угрожающие факторы естественного происхождения (наводнения, землетрясения, падение метеоритов и т.д.), и обеспечить себе выживание. Человек предстает космическим существом, среда обитания которого не ограничена территориями Земли: размеры «дома» могут быть расширены космическим человечеством до пределов Вселенной.

Граница между живым и неживым, столь очевидная Аристотелю, в науке XX в. превращается в техническую проблему. Если в основе жизни лежат химические процессы, которые детерминированы физическими состояниями материи, то можно свести сложнейшие биологические соединения до элементарных физико-химических основ, а впоследствии из этих основ собрать/сконструировать/синтезировать живые сущности. Вспоминая работу Рене Декарта «Рассуждение о методе» (1637 г.), обнаруживается универсальное научное правило — разлагать труднопонимаемое на составляющие единицы, которые впоследствии синтетически связываются в исходное целое, но уже осмысленно, со знанием специфики исходных элементов и их связей. Циолковский напрямую указывает, что у живого есть степень, т.е. жесткой границы между живым и неживым, как полагал Аристотель, нет, и *можно быть полуживым*. В статье «Зачем работать» Циолковский пишет: «И в живой и в мертвой материи совершаются одни и те же процессы: механические, физические и химические. Законы их никогда и нигде не нарушаются. Поэтому, раз мы признаем, что какая-нибудь часть вселенной жива (человек, растение и другие существа), то и вся она жива. Только степень этой живости разная» [Циолковский К.Э., 2006, с. 252]. Панпсихизм К.Э. Циолковского, всеобщая чувствительность материи — необходимая гипотеза для объяснения возможности жизни как логического следствия развития материи. Циолковского нельзя назвать материалистом, хотя он сам считал себя таковым, тем не менее предполагая, что естественным началом мира является Первопричина, которая в своих характеристиках очень похожа на Бога. «Я не могу оставить понятие о Первопричине, как о всемогущей и нежно любящей свое творение силе. Благодарность к Первопричине должна еще толкать нас к содействию ее целям, заключающимся в добре» [Циолковский К.Э., 2001, с. 86], — пишет Циолковский в работе «Этика или естественные основы нравственности» (1903 г.). Идея имманентного миру первичного духовного начала позволяет говорить о познаваемости Вселенной и о творческой роли человеческой сознательной деятельности, способной встать над косностью мертвой материи, преобразовав

ее в необходимых аспектах до уровня вечности. Единство материального и духовного миров устраняет его вселенскую расколотость; удвоение, наблюдаемое в дуалистических философиях, например, у Платона и Декарта, и позволяет проводить идеи технического преобразования вещества до уровня совершенства. Техническое естественно «встроено» в человеческое, как духовное естественно встроено в человека. Но просветленность/духовность, как и творческий потенциал, необходимо проявить/запустить индивидуальным решением — в этом смысл человеческой свободы. Человек — естественный преобразователь мира, врожденный хозяйственник и творец, считал К.Э. Циолковский. Человек может и должен преобразовать природу, убрать все барьеры, поставленные мертвой материей, — в этом состоит его космическая роль.

В 1920-х гг. практически одновременно в СССР и Великобритании появилась теория абиотического происхождения жизни. Авторами этой теории были Александр Опарин (в СССР) и Джон Холдейн (в Англии). Особенность теории в том, что жизнь рассматривается как результат химической эволюции, т.е. живое произошло при определенных условиях из неживого: барьер между живым и неживым отсутствует. В 1952 г. вдохновленный этой теорией С. Миллер провел ряд лабораторных экспериментов, целью которых было воспроизвести в искусственных условиях, близких к условиям ранней Земли, синтез органических молекул из простейших неорганических соединений. В дальнейшем развитие биохимии во многом будет направлено на поиск элементарных биокирпичей — материальных основ жизни.

В начале 1950-х гг. появляются работы Алана Тьюринга и Джона фон Неймана, посвященные искусственному моделированию живых процессов. Они заложили теоретические основы искусственной жизни, еще до открытия в 1953 г. Д. Уотсоном и Ф. Криком структуры молекулы ДНК. Так, идея, что живое можно рассматривать как цифровой код, доступный программированию и перепрограммированию, возникает до того, как расшифровываются генетические основы жизни. Нейман пишет: «Я в дальнейшем буду пользоваться в качестве рабочей гипотезы допущением, что нейрон явля-

ется цифровым органом типа “все или ничего” [Тьюринг А., 1960, с. 47], т.е. работа центральной нервной системы высокоорганизованных биологических существ является цифровым командным пунктом, программирующим общее состояние и поведение системы, которыми можно управлять. В представлении Неймана машину можно построить из любых материалов, и чем более совершенна природа исходных элементов, технических атомов, тем совершеннее будет машина. Он предлагает также логическую модель «размножения»/самовоспроизведения автоматов, предвосхищая идею самоорганизации технического мира. Автоматы могут производить, копируя, не только себе подобных, но и, объединяясь, создавать новые интеллектуальные сущности, искусственный интеллект. Способность технологий разрастаться в технологические сети, в «технические сообщества», позволяет говорить о возможности появления коллективного технического разума, действующего по принципу роевого интеллекта биологических популяций, например термитов. Там, где один термит ничего не может, колония термитов построит термитник, в котором будет поддерживаться постоянная температура за счет достраивания новых ходов и тоннелей, регулирующих необходимые для жизни термитов параметры температуры, влажности и т.д. Таким образом, можно говорить о биологической концепции информации: «Информация, наряду с веществом и энергией, носит универсальный характер и является атрибутивным признаком как физических, так и биологических, и социальных систем» [Брянник Н.В., 2021, с. 331].

Возможность такого технического разума (искусственного интеллекта), *стирающего границы между мышлением человека и машины*, заявлена еще в работе 1950 г. Алана Тьюринга «*Может ли машина мыслить?*».

Именно Тьюрингом описывается абстрактная (цифровая) вычислительная машина, которая при определенном устройстве и «воспитании» сможет запустить процессы самообучения и самосовершенствования. В работе Тьюринга приведен возможный спор с некой графиней Лавлейс, жившей в XIX в. и критиковавшей Аналитическую машину Чарльза Бэббиджа за то, что «эта машина не может произвести ничего ново-

го» [Тьюринг А., 1960, с. 27]. Механическая машина Бэббиджа была лучшим вычислительным устройством 1830-х гг., она была механической и работала на основе карт и зубчатых колес. По аргументации Тьюринга, «невозможность произвести машинным интеллектом нового в какое-либо время» вовсе не означает, что «новое» не будет произведено этим же устройством на других носителях: здесь Тьюринг имеет в виду электронные носители, а впоследствии и биологические. Он искренне убежден, что со временем (к концу XX в.) может быть придумана машина, способная к обучению, у которой объем «памяти» (запоминающего устройства) будет стремиться к бесконечности. Возможность мыслить как творческая личность зависит от объемов памяти машины. Большинство умов живущих людей, по мнению Тьюринга, «являются подкритическими», то есть «на одну влетевшую идею они реагируют одной вылетающей» [Тьюринг А., 1960, с. 33], соответственно, и не мыслят творчески. Но существуют и надкритические умы, способные реагировать на «влетевшую» идею веером изобретений. Это зависит от их исходного потенциала, или, если говорить языком Тьюринга, объемов памяти, предоставленной для формирования нового. Тьюринг предлагает нам (в своем 1950 г.) подождать до конца столетия, и мыслящие машины будут реальностью. Современная реальность показала правомерность прогноза А. Тьюринга: искусственный интеллект во многих сферах научной, производственной и бытовой деятельности рассматривается как соучастник социальных коммуникаций, машину принимают в диалог на равных основаниях. Однако «для всей философской традиции суперинтеллектом является Бог» [Григорова Я.В., Комаров С.В., 2024, с. 468], и в этом смысле в диалогах человека всегда будут присутствовать трансцендентные ориентиры.

Программа бессмертия как преодоление времени

Научно-техническое мышление стремится *преодолеть границы, поставленные естественным существованием человека*, чтобы на основе своих знаний и воли преобразовать действительность под собственный запрос. Несмотря на то, что наука позиционирует себя как знание рациональное, обоснованное, тем не менее, за-

старелая мечта о преодолении барьера смерти никуда не делась.

Нам говорят «безумец» и «фантаст»,

Но, выйдя из зависимости грустной,

С годами мозг мыслителя искусный

Мыслителя искусственно создаст [Гете И.В., 1997, с. 569], — предвосхищал ситуацию И. Гете.

Николай Федоров первым решается «посмотреть в глаза» этой давней мечте.

Федоров родился и прожил в XIX в., но при жизни он практически ничего не печатал, его труды будут изданы после его смерти в 1906–1913 гг. В.А. Кожевниковым и Н.П. Петерсоном под общим названием «Философия общего дела». Не удивительно, что в начале XX в., когда мир познакомился с ведущими техническими новациями благодаря изобретениям и Всемирным выставкам, распространившим их, возникает философская концепция технического решения глобальных антропологических проблем.

Внутри философии русского космизма, где Н. Федоров является ведущим представителем, возникают три взаимосвязанные идеи: первая идея, теоретическая, фундаментальная, касается единства органического и неорганического мира — эта идея повлияла на возникновение гипотезы абиотического происхождения жизни, т. е. происхождения живого из неживого. Барьера между живым и неживым нет, раз материя составлена из единых элементарных образований и подчинена единым природным законам. Циолковский по этому поводу пишет: «Мертвая материя обращается в органическую (рождение животного, рост дерева), а живая — в мертвую. И та, и другая состоит из одних и тех же элементов. И в мертвой, и в живой находили одни и те же атомы: кислорода, водорода, азота, углерода, металлов и других простых тел. Эти элементы также превращаются одни в другие, только времени для этого надо много» [Циолковский К.Э., 2006, с. 252]. Вторая идея, техническая, прикладная, заключается в том, что единством органического и неорганического (естественной природой) можно управлять, создавая на базе выявленных закономерностей новые сущности. Третья идея, религиозная, наиболее экзотическая, но логически безупречно выводимая из первых двух, — идея бессмертия. Если возможно из неживого произвести

живое, то почему бы не сделать живое бессмертным?

Радикальным мечтателем, верящим в техническое разрешение проблемы смертности человеческого рода, становится Валериан Муравьев. Работу «Овладение временем» В. Муравьев напечатал небольшим тиражом на собственные деньги, настолько он был убежден в ее необходимости. Главное, что следует завоевать человеку, — это время. Преодоление времени — главная техническая задача. Время Муравьевым постулируется как множественность, оно принципиально дискретно, его дискретность проявлена через конечность существования вещей и процессов. Нет никакой единой длительности, время есть мера существования материального, потому, если найти формулу восстановления материального процесса, возможно воспроизвести его столько раз, сколько потребуется. В этой идее просвечивает онтология техники как копии. *Техническое воскрешение — копирование, повтор.* «Каждый день в ограниченных областях мы овладеваем временем и осуществляем его обращение. Это происходит, например, в каждом научном опыте. Когда я из двух газов получаю воду и затем обратно разлагаю на газы и затем снова создаю, возобновляя этот процесс желаемое количество раз, я повторяю последовательность явления или воскрешаю воду» [Муравьев В., 1924, с. 18].

Овладение временем — главная культурная задача. Культура бессознательно нацелена на преодоление времени, поскольку задача культуры, по Муравьеву, есть полагание ценностей, которые, даясь через десятилетия и века, направлены на сохранение и воспроизведение традиции. Воспроизведение, воскрешение, повтор — сопротивление времени, попытка обуздать время, преодолеть его разрушающую природу. Полное название работы Муравьева — «Овладение временем как основная задача организации труда», и из названия понятно, что труд как организованная деятельность имеет культуротворческую функцию, т.е. направлен на сопротивление хаосу и распаду через полагание вневременных ценностей. Вечность ценностей, по Муравьеву, носит относительный характер, но сама интенция на вечность — верная. Человек должен стать бессмертным, в этом его космическая задача. И привести через личное бессмертие к совершенному состоянию

мир-космос в котором побеждена смерть. Муравьев пишет в 1924 г. текст, который можно рассматривать как манифест современных биотехнологий: «В области естествознания, главным образом биологии, ставятся на очередь все в большей и большей степени вопросы искусственного изменения организмов. Опыты эти являются как бы преддверием к настоящему лабораторному творчеству жизни или, во всяком случае, приближением к нему. Не создавая еще заново жизни, они дают средства ее менять и в некоторых случаях, таким образом, придают ей новую длительность. В особенности важны с этой точки зрения поразительные опыты омоложения. Здесь мы имеем определенную, в ограниченных условиях жизни организма, частичную победу над временем» [Муравьев В., 1924, с. 5]. К идее бессмертия можно относиться по-разному, в том числе очень скептически, но если выйти с уровня досужих рассуждений в область реальной практической жизни, то всякое скептическое суждение перестает быть аргументом, когда речь идет о спасении жизни, о ее продлении. Здесь вспоминается известная евангельская притча о талантах, когда лукавый и ленивый раб вместо того, чтобы увеличить богатство своего господина, побоялся неудачи и «зарыл талант в землю». Талант, как известно, в древнееврейской жизни — мера серебра или золота, что есть реальная денежная мера. Метафора «зарыть талант в землю» предполагает, что человек/раб божий не использовал предоставленные возможности, не воспользовался даром, не поверил в благие намерения господина, поленился. Согласно библейской притче, такой раб был наказан, у него было отобрано все и сам он брошен в темницу. Можно предположить, что темница — это и есть смерть. Дар, то, что дано человечеству даром, по благодати, должно быть использовано во благо, преумножено работой, трудом, и потому страх, скепсис и лень — явное зло. «Ложь — это лежание спящих», — считал Платон, следовательно, не надо лениться, не надо спать. Человек реализуется в деле. Известно, что недеяние при определенных обстоятельствах рассматривается как подлость или преступление: «мог сказать — и не сказал, мог помочь — и не помог, мог спасти — и не спас». «Человек должен стать не только *homo sapiens*, но настоящим властителем природы, *homo creator/om*.

Это ставит вопрос о биологическом совершенствовании человека и о физическом перевоплощении его в более могущественное и устойчивое в смысле жизненности существо. Это вызывает потребность в особом искусстве, — связанном с усовершенствованной антропологией, — в антропотехнике или даже в антропоургии» [Муравьев В., 2015, с. 187]. Столетие назад Валериан Муравьев пишет: «Ведь, чтобы доказать, что время вообще обратимо, я вовсе не должен доказывать, что все время обратимо. Достаточно доказать возможность повторения хотя бы небольшой его части, чтобы сказать, что принципиальная возможность воскрешения есть» [Муравьев В., 2015, с. 193]. Поэтому задача преодоления времени, согласно В. Муравьеву, — техническая.

Символическое дополнение к технической программе бессмертия

В рассуждениях В. Муравьева есть показательная фраза: «В производстве наука действует через посредство техники, философия ставит цели, искусство дает образцы творчества» [Муравьев В., 1924, с. 12]. Ей утверждается единство материальной и духовной культуры, по крайней мере — их связь. Если посмотреть на современные рассуждения, касающиеся характера этой связи, например, в теории STS Бруно Латура, то окажется, что иерархия духовного и материального, столь выраженная в концепциях классических философий, отрицается, аргументом к тому ее идейная нерентабельность. По мнению идеологов, STS сущности любых природ могут быть уравниены и поставлены на единую ступень бытия — так появляется модель плоской технической онтологии, к которой мы добавляем, в качестве необходимого дополнения, ее искривленный характер [Погорельская Е.Ю., 2024, с. 106]. Бруно Латур, формулируя плоскую онтологическую модель, исходит из той же идеи множественности сущностей, что и Валериан Муравьев, однако у Латура проблема времени и смертности человека вообще не ставится, как будто она давно решена или является несущественной, в то время как Муравьев честно пишет, что проблема бессмертия — главная проблема человеческой культуры. И тем не менее технический характер рассуждений как Муравьева, так и Латура позволяет говорить о схожести их импликаций,

касающихся общего устройства мира: мир в своем устройстве прост, сложность управления им в том, что он огромен, бесконечен в многообразии и вариациях связей. Разновременные системы, существующие в мире, однородны, разница между сознательными и несознательными системами в том, что сознательные системы способны противостоять времени [Сафронов В., 2022, с. 137].

Искусство в концепции Муравьева дает необходимые символические образцы творчества, т.е. нового, лучшего, которое философия утверждает в качестве цели, а наука и производство, в качестве продуктивной силы, уже изыскивает способы воплощения образцов в действительность. В этом вневременность искусства, предвосхищающего с позиции идеала движение к вечности. Время представляет собой мнимость. «Время, если рассматривать его как реальность, есть не что иное, как изменение и движение», — пишет Муравьев [Муравьев В., 1924, с. 6]. Это рассуждение очень похоже на то, о чем пишет Аристотель в «Физике»: «Одна часть его была, и ее уже нет, другая — будет, и ее еще нет; из этих частей слагается бесконечное время, и каждый раз выделяемый промежуток времени» [Аристотель, 1981, с. 145], при этом время существует не как самостоятельное бытие, а как выражения свойства движущихся предметов. Мнимость времени в античной и средневековой традициях реальная, т.е. предполагается, что структура бытия имеет иерархию и, как следствие, основное вечное измерение, определяющее все, в том числе и время, а также промежуточное состояние «веки веков». Особенность геоцентрического пространства также предполагает иерархию и выход во вневременное место, что прекрасно описано в работе Павла Флоренского «Мнимости в геометрии» [Флоренский П., 1922]. Интересно, что геоцентрическое пространство, являющееся мировоззренческой парадигмой от античности до Ренессанса, двойное и имеет изнанку — пространственные переходы в вечное и обратно.

Технически ориентированное автоматическое время, начавшееся в XVII в. и запустившее идею управления природными процессами, позволило сформироваться убеждениям в господстве человека над природой. Так же, как бесконечна Вселенная, безграничны возможно-

сти человеческого разума в ее познании и преобразовании.

Получается, что Муравьев, оставляя античное представление о времени как мнимости, устраняет из онтологии иерархичность, видя в автоматизмах природных законов точки доступа во вневременное существование. Вечность проявлена в незыблемости природных законов и в стремлении сознательного человечества установить циклы традиций, заставляющих временное, воспроизводиться. Техническое воскрешение жизни — рациональная схема. Что находится за пределом технологии воскрешения? Что если пойти дальше и посмотреть за прагматичные импликации? Мы явно выходим к мифу, к мечте, затерявшейся в историях и сюжетах.

Попробуем, как предлагает Муравьев, помыслить с позиции творческого образца над тем, что представляет собой бесконечно воспроизводимое время или бессмертие.

* * *

Современное искусство предлагает разнообразные варианты рефлексии по теме бессмертия, остановимся на двух из них, схватывающих проблематичность и туманность перспектив преодоления границы смерти.

Фильм Харольда Рэмиса «День сурка» 1993 г. позволяет представить события, связанные со временными повторениями. Главный герой фильма Фил Коннорс просыпается в 6 утра у себя в квартире 2 февраля. Последующие дни начинаются точно так же и имеют знакомую Филу сюжетную линию событий дня. В течение 2 февраля можно почувствовать себя шарлатаном, окружающих знанием разворачивающихся событий, или богом, стремясь исправить явные ошибки — свои или людей, но Филу Коннорсу, как оказалось, нужно не это, не знание и не воскрешение событий, а временной шаг — попадание в следующие сутки, в 3 февраля. По сути бессмертное существование Фила причиняет ему только страдание. Следует ли из этого, что человеческая временность, а с ней и смертность придает ценность и смысл жизни, или человечество просто не представляет, что такое бессмертие?

Стремление к бессмертию выражено в повести Аркадия и Бориса Стругацких «Пять ложек эликсира». Бессмертие выражено бесконечным

количеством дней главных героев, которые за давностью существования доводят «до максимума» основное качество характера, изначально представленного как личностная склонность. «Когда обыкновенный серенький человек волею судьбы обретает бессмертие, он с неизбежностью превращается через два-три века в мономана. ...Черта характера, превалировавшая в начале жизни, становится со временем единственной» [Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н., 1990, с. 195], ведь развитию подлежит не только хорошее, но и плохое. Усугубление качеств приводит к появлению «гастрономического человека» Павла Петровича, «вкусового пупырышка», обжоры, и эротоманки Натальи Петровны, маркитантки рейтарского обоза. Далеко не все люди с возрастом становятся мудрее и добрее, время само по себе, как лишенность вечности, ведет только к распаду.

Сугубо техническое бессмертие представлено в фильме 2025 г. «Микки 17» режиссера Пон Джун-хо. Обычный человек Микки в силу обстоятельств становится «расходником», т.е. существом, которое после очередной научно-промышленной смерти печатается на принтере, согласно имеющейся информационной матрице, позволяющей создать бесконечный ряд копий подобных Микки. Техническое воскрешение даже с логической точки зрения представляет собой «дурную бесконечность» Г. Гегеля. Онтология копии, свойственная машинному миру, предлагает человечеству новые вариации бытия, новое качество существования, где основным временным модусом становится будущее. В зеркальности технических копий нет осадка, память приобретает формат алгоритма. Сущность начинает размываться вследствие множественности существования. За технологическим процессом умирания, воскрешения, и так по кругу, стоит проблема профанации смерти и упадок жизненных измерений. В скобки убирается память, открывающая дорогу в трансцендентное.

Готов ли человек, пройдя все барьеры и сбросив в небытие персональную память, оставить себе плоское существование? Ничего не было, впереди только будущее.

«Человеческое *вот-бытие* может стать существенным за краткий промежуток объективного времени, и оно так же может остаться несущественным на протяжении семидесяти и более лет» [Хайдеггер М., 2013, с. 243]. Что

должно сложиться за 70 и более лет? Вопрос на первый взгляд риторический, поскольку ценность жизни неоспорима. Здесь наука и технологии стоят на позиции — дать человеку возможность продления жизни, а он найдет сам, что в ней делать.

Заключение

Если проследить развитие научного знания, то получится парадоксальная идея: античная философия, зафиксировав, что природы вещей онтологически стабильны, впоследствии дает основание для развития опровержения этой позиции. Научная революция, начавшаяся в эпоху Ренессанса и продолженная в Новое время, взяв в основание своей методологии эксперимент, проявилась в радикальной проверке, как говорит Декарт, всего, «что вошло в меня, помимо меня, без моего ведома и участия». Все античные и средневековые постулаты подверглись проверке. Радикальные сомнения привели к тому, что, погружаясь детально в протяженную субстанцию материи, обнаружился примечательный факт — природные законы, которыми окутана вся материальность, могут быть не только препятствиями, но и условиями формирования новых природ.

Научно-технические результаты позволили появиться вопросу о возможности вечной жизни на новой, неродной ему почве — в лоне научных утопий. Наличие научных утопий свидетельствует о том, что за прагматикой логик и доказательств находится миф, ядром которого является бессмертие. Сейчас сложно сказать, насколько разумно и правомерно ставить вопросы о бессмертии технически, но историческая направленность развития научно-технической мысли явно обнаруживает свой ход именно в эту сторону.

Список литературы

- Алексеева В.И.* К.Э. Циолковский: философия космизма. М.: Самообразование, 2007. 320 с.
- Аристотель.* О душе / пер. и прим. П.С. Попова; предисл. В.К. Серезникова. М.: Гос. соц.-эконом. изд-во, 1937. 196 с.
- Аристотель.* Сочинения: в 4 т. Т. 3 / пер., вступ. ст. и примеч. И.Д. Рожанский. М., Мысль, 1981. 613 с.
- Бербанк Л., Холл В.* Жатва жизни. М.: Сельхозгиз, 1955. 210 с.

Брянник Н.В. От классики к постнеклассике: этапы развития науки современного типа (Философский анализ классической, неклассической и постнеклассической науки). М.: Академ. проект, 2021. 373 с. EDN: VDYBDA

Гете И.В. Стихотворения. Фауст / пер. с нем. Б. Пастернак. М.: Риполл классик, 1997. 800 с.

Григорова Я.В., Комаров С.В. Анализ проблемы искусственного интеллекта через призму философии И. Канта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2024. Вып. 4. С. 463–470. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-463-470>. EDN: SECXZV

Евангелие от Луки. Харьков: Фолио, 2011. 222 с.

Муравьев В. Всеобщая производительная математика // Гройс Б. Русский космизм: антология / оформл. Н. Мусаева, С. Вишняков. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 336 с.

Муравьев В. Овладение временем как основная задача организации труда. М.: Мосполиграф, 1924. 75 с.

Погорельская Е.Ю. Техническая связь: инварианты, адаптации, прорывы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2024. Т. 40, вып. 1. С. 97–110. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.108>. EDN: GBOIMS

Сафронов В. Положение мертвых. Ревизионистская история «русского космизма». М.: V-A-C Press, 2022. 384 с.

Стругацкий А.Н., Стругацкий Б.Н. Пять ложек эликсира: избранные сценарии. М.: Наука, 1990. 256 с.

Тимирязев К.А. Жизнь растения. М.: Изд-во АН СССР, 1962. 289 с.

Тьюринг А. Может ли машина мыслить? С приложением статьи Дж. фон Неймана «Общая и логическая теория автоматов» / пер. с англ. Ю.А. Данилова. М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1960. 67 с.

Флоренский П. Мнимости в геометрии. Расширение области двухмерных областей геометрии (Опыт нового истолкования мнимостей). М.: Поморье, 1922. 72 с.

Хайдеггер М. Основные понятия метафизики. СПб.: Владимир Даль, 2013. 592 с.

Циолковский К.Э. Зачем работать // Циолковский К.Э. Миражи будущего общественного устройства. М.: Самообразование, 2006. С. 249–254.

Циолковский К.Э. Этика или естественные основы нравственности // Циолковский К.Э. Косми-

ческая философия. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С. 37–95.

Chernov L.S., Pogorelskaia E.Iu. Experiment the Problem of Interference // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2017. Т. 10, № 4. С. 456–466. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0054>. EDN: YLIBEV

References

Alekseeva, V.I. (2007). *K.E. Tsiolkovskiy: filozofiya kosmizma* [Tsiolkovsky: philosophy of cosmism]. Moscow: Samoobrazovanie Publ., 320 p.

Aristotle (1937). *O dushe* [About the soul]. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 196 p.

Aristotle (1981). *Sochineniya: v 4 t.* [Works: in 4 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 3, 613 p.

Bryanik, N.V. (2021). *Ot klassiki k postneklassike: etapy razvitiya nauki sovremennogo tipa (Filozofskiy analiz klassicheskoy, neklassicheskoy i postneklassicheskoy nauki)* [From classics to post-non-classics: Stages of development of modern science (philosophical analysis of classical, non-classical and post-non-classical science)]. Moscow: Akademicheskii projekt Publ., 373 p.

Burbank, L. and Hall, W. (1955). *Zhatva zhizni* [Harvest of life]. Moscow: Sel'khozgis Publ., 210 p.

Chernov, L.S. and Pogorelskaia, E.Iu. (2017). Experiment the problem of interference. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*. Vol. 10, no. 4, pp. 456–466. DOI: <https://doi.org/10.17516/1997-1370-0054>

Evangeliye ot Luki (2011) [The Gospel of Luke]. Kharkov: Folio Publ., 222 p.

Florensky, P. (1922). *Mnimosti v geometrii. Rasshirenije oblasti dvukhmernykh oblastey geometrii (Opyt novogo istolkovaniya mnimostey)* [Imagineries in geometry. Extension of the domain of two-dimensional geometry. (An attempt at a new interpretation of imagineries)]. Moscow: Pomor'e Publ., 72 p.

Goethe, I.V. (1997). *Stikhotvoreniya. Faust* [Poems. Faust]. Moscow: Ripol klassik Publ., 800 p.

Grigirova, Ya.V. and Komarov, S.V. (2024). [Analyzing the problem of artificial intelligence through the prism of Immanuel Kant's philosophy]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. No. 4, pp. 463–470. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2024-4-463-470>

Heidegger, M. (2013). *Osnovnye ponyatiya metafiziki* [Basic concepts of metaphysics]. St. Petersburg: Vladimir Dal' Publ., 592 p.

Murav'ev, V. (1924). *Ovladenie vremenem kak osnovnaya zadacha organizatsii truda* [Time management as the main task of work organization]. Moscow: Internatsional'naya 39-ya tipografiya «Mospoligraf» Publ., 75 p.

Murav'ev, V. (2015). [General productive mathematics]. *Groys B.E. Russkiy kosmizm: antologiya* [Groys B.E. Russian cosmism: The anthology]. Moscow: Ad Marginem Press, 336 p.

Pogorel'skaya, E.Yu. (2024). [Technical communication: Invariants, adaptations, breakthroughs]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya* [Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies]. Vol. 40, no. 1, pp. 97–110. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2024.108>

Safronov, V. (2022). *Polozhenie mertvykh. Revizionistskaya istoriya «russkogo kosmizma»* [The state of the dead: a revisionist history of "Russian cosmism"]. Moscow: V-A-C Press, 384 p.

Strugatskiy, A.N. and Strugatskiy, B.N. (1990). *Pyat' lozhek Eliksira: izbrannye stsenarii* [Five

spoons of elixir: Selected scenarios]. Moscow: Nauka Publ., 256 p.

Timiryazev, K.A. (1962). *Zhizn' rasteniya* [Plant life]. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 289 p.

Tsiolkovsky, K.E. (2001). [Ethics or the natural foundations of morality]. *Tsiolkovskiy K.E. Kosmicheskaya filosofiya* [Tsiolkovsky K.E. Cosmic philosophy]. Moscow: Editorial URSS Publ., pp. 37–95.

Tsiolkovsky, K.E. (2006). [Why work?]. *Tsiolkovskiy K.E. Mirazhi buduschego obschestvennogo ustroystva* [Tsiolkovsky K.E. Mirages of the future social structure]. Moscow: Samoobrazovanie Publ., pp. 249–254.

Turing, A. (1960). *Mozhet li mashina myslit'? S prilozheniem stat'i Dzh. fon Neymana «Obschaya i logicheskaya teoriya avtomatov»* [Can a machine think? With an appendix of J. von Neumann's article "The general and logical theory of automata"]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo fiziko-matematicheskoy literatury, 67 p.

Об авторе

Погорельская Елена Юрьевна,

кандидат философских наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма

Гуманитарный университет,
620041, Екатеринбург, ул. Железнодорожников, 3;
e-mail: schreibigus@mail.ru
ResearcherID: NCV-5576-2025

About the author

Elena Yu. Pogorelskaia

Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Social and Cultural Service and Tourism

Humanitarian University,
3, Zheleznodorozhnikov st., Ekaterinburg, 620041, Russia;
e-mail: schreibigus@mail.ru
ResearcherID: NCV-5576-2025

УДК 130.122

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-45-52><https://elibrary.ru/dhoxnh>

Поступила: 01.08.2025

Принята: 23.09.2025

Опубликована: 02.04.2026

КОГНИТИВНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ЭМОЦИЙ В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Филипенко Станислава Андреевна

Институт философии РАН (Москва)

В ходе анализа когнитивной роли эмоций, проводимого в парадигме телесно-ориентированной эпистемологии, деятельностного подхода и подхода 4E Cognition, показано, что они являются важными факторами познавательной деятельности. Человеческие чувства, выступая критериями отбора, определяют, что субъектом воспринимается как лично значимое, а что — как второстепенное и не заслуживающее внимания. С помощью них могут обнаруживаться новые смысловые связи между разнородными явлениями окружающей действительности. Эмоции участвуют в формировании личностных смыслов, которые не просто конструируются как языковые структуры, а *переживаются* в субъективном опыте и, таким образом, обладают феноменальным характером. Эмоции укоренены в телесности, и сенсомоторный опыт с аффективной сферой как его неотъемлемым аспектом организует сознание и систему личностного знания, лежит в основе доконцептуального самосознания. Телесная схема содержит в себе глубинный пласт неявного знания, компоненты которого выступают имплицитными предпосылками личностного познания. Ее наличие является непременным условием взаимодействия с окружающей средой, направленного на удовлетворение потребностей и желаний данного индивида. Как следствие, этот процесс регулируется аффективной сферой, имеющей интенциональную природу в силу ее нацеленности на объект желания. Эмоциональность оказывается одной из ключевых характеристик творческой личности, влияя на познавательный процесс на разных этапах. Подлинное творчество предполагает поглощенность человека стоящей перед ним проблемой. Компьютерное творчество, эмоционально выхолощенное ввиду наличия у искусственного интеллекта иной материальной основы по сравнению с естественным разумом, не может считаться полноценным.

Ключевые слова: личностное знание, творчество, эмоции, смысл, телесно-ориентированная эпистемология, сенсомоторный опыт, доконцептуальное самосознание, телесная схема, телесный образ, подход 4E Cognition, деятельностный подход, искусственный интеллект.

Для цитирования:

Филипенко С.А. Когнитивное значение эмоций в творческой деятельности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 45–52. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-45-52>.

EDN: DHOXNH

THE COGNITIVE SIGNIFICANCE OF EMOTIONS IN CREATIVE ACTIVITY

Stanislava A. Filipenok

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (Moscow)

The author explores the cognitive role of emotions in the paradigm of embodied cognition, the activity-based approach, and 4E Cognition. The analysis demonstrates that emotions are important factors in cognitive activity. Acting as selection criteria, human feelings determine what a subject perceives as personally significant and what he considers to be secondary and not worthy of attention. They give us an opportunity to discover new meaningful connections between disparate phenomena of the surrounding reality. Emotions take part in the formation of personal meanings, which are not simply constructed like linguistic structures but are *lived through* in subjective experience and thus have a phenomenal character. Emotions are rooted in corporality, and sensorimotor experience with the affective sphere as its integral aspect organizes consciousness and the personal knowledge system, underlies pre-conceptual self-consciousness. The body schema contains a deep layer of tacit knowledge, the components of which serve as implicit preconditions for personal cognition. The body schema is an essential condition for interaction with the environment, aimed at the satisfaction of individual needs and desires. This process is regulated by the affective sphere, which is intentional due to its focus on the object of desire. Emotionality as one of the crucial characteristics of a creative personality influences the cognitive process at different stages. True creativity presupposes human preoccupation with the problem. Computer creativity, devoid of emotions, cannot be considered complete.

Keywords: personal knowledge, creativity, emotions, meaning, embodied cognition, sensorimotor experience, pre-conceptual self-consciousness, body schema, body image, 4E Cognition, activity-based approach, artificial intelligence.

To cite:

Filipenok S.A. [The cognitive significance of emotions in creative activity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 45–52 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-45-52>, EDN: DHOXNH

Эмоции в структуре личностного знания

В рамках господствующей в наше время телесно-ориентированной эпистемологии особое значение приобретает исследование когнитивной роли эмоций в познании. Если в парадигме классической рациональности в теории познания эмоции могли пониматься просто как субъективный фактор, препятствующий объективному постижению истины, то в контексте постнеклассической рациональности эмоции выступают неотъемлемым компонентом структуры личностного знания, задающим направление познавательного процесса и определяющим содержание индивидуального сознания. Они

структурируют интерпретативные схемы взаимодействия с окружающей действительностью и обеспечивают укорененность сознания в доконцептуальном телесном опыте. Как следствие, человеческие чувства и переживания играют важную роль не только в создании и восприятии художественного произведения, но и в научном познании.

Об эвристической функции интеллектуальной страстности ученого писал М. Полани в своем основополагающем труде «Личностное знание. На пути к посткритической философии» [Polanyi M., 2005; Полани М., 1985]. Эмоциональная поглощенность проблемой позволяет преодолеть логический разрыв между стоящей

задачей и ее решением, что лежит в основе подлинного творчества. Одними из ключевых понятий, используемых М. Полани при описании им процесса личностного познания, были самоотдача (commitment) и вживание (indwelling). Пожалуй, они наиболее точно характеризуют индивидуальное творчество. Подлинное творчество предполагает полную самоотдачу, когда человек погружается в проблемную ситуацию, сливается с объектом творчества. Объект познания, ситуация творческого поиска становится неотделимой частью личностного опыта, посредством которой субъект осознает себя в мире. Как следствие, познающий субъект не просто отстраненно фиксирует поступающие извне данные, а «вживается», эмоционально вовлекается в происходящее. Ранее нами было показано, что интеллектуальная страстность ученого понижает познавательный процесс на всех этапах [Филипенко С.А., 2013, с. 96]. Эмоции задают направление научного поиска, побуждая ученого взяться за решение той или иной проблемы и выступая критерием отбора того, чему он будет уделять внимание в своем исследовании. В индивидуальном творчестве они выполняют функцию оценки, позволяя субъекту определить значение конкретных условий его деятельности и получаемого им результата: «Важно подчеркнуть, что эмоции как оценочный аспект мышления связаны не только с предпосылками и отношением к итогам творческого поиска, но регулируют весь процесс, все его ключевые промежуточные решения и сам инсайт. Не случайно в прагматических подходах к современному бизнес-образованию специально говорят о “втором интеллекте” — эмоциональном и учат, что эмоции не менее важны при принятии решений, чем рациональные доводы» [Семенов С.Н., 2023, с. 239]. Благодаря эмоциональной вовлеченности субъекта в когнитивный акт, знание имеет ценностный аспект и переживается во внутреннем опыте как нечто важное именно для данного индивида.

Таким образом, можно утверждать, что эмоциональность является одной из основных характеристик творческой личности, homo creator. Творческая деятельность инженера также не может осуществляться без его эмоциональной поглощенности процессом технической разработки. Порождаемое субъектом новое социально значимое знание может рассматриваться как

продукт тех когнитивных процессов, которые происходят в его сознании. Можно утверждать, что в основе индивидуального творчества лежит формирование новых смысловых структур в сознании. Эти структуры возникают в результате взаимодействия различных элементов целостного личностного опыта в уникальной познавательной ситуации. В процессе смыслопорождения участвуют не только рациональные когнитивные способности, но и внерациональные аспекты нашего опыта. Огромную роль в данном процессе играют эмоции, которые позволяют устанавливать оригинальные, субъективно значимые связи между явлениями действительности, не подчиняющиеся общепринятой логике. Эмоции структурируют личностный опыт человека, вычленив из него то, что индивиду представляется наиболее существенным и что ложится в основу его картины мира и используемых им концептуальных схем.

Неотъемлемой составляющей порождаемого человеческим сознанием смыслового гештальта является неявное знание, включающее в себя имплицитные компоненты субъективного опыта, воспринимаемые на периферии сознания. Существовая в структурах феноменального опыта, личностный смысл является не просто компонентом языковых конструкций. Современный американский исследователь У. Галик отметил, что, в отличие от лингвистических теорий значения и смысла, господствовавших в англо-американской философии в первой половине XX в., в концепции М. Полани смысл предстает как явление психической реальности. Личность *переживает* смысл в собственном сознании. М. Полани полагал, что Ч. Моррис, Б.Ф. Скиннер и У.В.О. Куайн в своих лингвистических концепциях исходят из непреодолимого желания избежать какого бы то ни было упоминания о наличии в смысловых структурах неявного компонента, который непременно имеет психическую природу. М. Полани же в своих построениях воссоединяет философский и психологический аспекты исследования смысла и демонстрирует, что попытки во имя объективного доказательства из объяснительной модели исключить познающего субъекта и его ментальный опыт являются следствием упрощенного понимания когнитивных процессов и оказываются безуспешными [Gulick W.B., 1999]. Личностный смысл, являющийся первичным про-

дуктом индивидуального творчества, дан в феноменальном опыте в качестве непосредственно доступного субъекту переживания. Таким образом, познание и творчество, в основе которых лежит формирование новых смысловых структур в реальности человеческой субъективности, имеют экзистенциальное измерение. Любой творческий когнитивный акт является экзистенциальным событием в жизни уникальной личности, всем своим телом и разумом поглощенным происходящим. Повышенный интерес к роли личности ученого и отношений в сообществе в исследовательской деятельности сообщает философии науки новую содержательную перспективу, и ее уже начинают именовать «экзистенциальной философией науки» [Касавин И.Т., Порус В.Н., 2023, с. 10]. Представляется очевидным, что изучение эмоциональной сферы личностного опыта ученого, являющейся неотъемлемым фактором научного познания, оказывается важнейшим направлением актуальной в наши дни экзистенциальной философии науки.

Эмоциональность творческой личности как воплощение телесного опыта

В рамках телесно-ориентированной эпистемологии и современных когнитивных наук эмоциональность понимается как сущностная характеристика телесно-воплощенного разума. Подобные представления об эмоциональной сфере человеческого опыта согласуются с основными принципами актуального в наши дни подхода, получившего название 4E Cognition, что «расшифровывается как понимание познания и сознания в качестве Embodied (телесно-воплощенного), Embedded (вписанного в среду), Enacted (связанного с действием) и Extended (расширенного — это относится к человеку и к использованию им в познавательной деятельности разнообразных искусственных предметов)» [Лекторский В.А., 2021, с. 10]. Представляется очевидным, что эмоции, аффекты определяют осознаваемые интенциональные телесные реакции на явления окружающей действительности, которые каким-либо образом соотносятся с нашими интересами, целями, желаниями и т.д. Современный профессор философии из Бостона Мишель Майес, ссылаясь на работы нейрофеноменолога Ш. Галлахера и отстаивая так называемый Основной Тезис Воплощенности сознания

(Essential Embodiment Thesis, EE), утверждает, что сознание изначально структурируется телесностью, телесной схемой [Maiese M., 2011, p. 17]. Эта схема понимается как система сенсомоторных функций (моторики, навыков, движений и т.п.), которые не представлены в явной форме в сознании. Телесный опыт формирует нашу *сенсомоторную субъективность*, которая проявляется во всех формах сознания. Можно сказать, что сенсомоторный опыт является основой нашего доконцептуального самосознания.

Вслед за Ш. Галлахером М. Майес проводит различие между телесной схемой (body schema) и телесным образом (body image). Телесный образ оказывается эксплицитной и практически значимой ментальной моделью, в которой находят выражение представления индивида о самом себе и собственном теле, о восприятии его окружающими людьми и о совершаемых им осознанных движениях. В отличие от телесного образа, который является продуктом рефлексии, телесная схема, включающая в себя проприоцептивную и кинестетическую информацию о положении и движении тела в пространстве, предполагает имплицитное, дорефлективное самосознание. Большую часть времени наше собственное тело не осознается нами в качестве интенционального объекта, не попадает в фокус внимания. Тем не менее, мы воспринимаем его неявным, дорефлективным образом в непосредственно данных нам ощущениях. Если Ш. Галлахер полагал, что формирующие телесную схему процессы в нашем организме находятся на субперсональном уровне за пределами сознания, М. Майес в противовес ему утверждает, что дорефлективная сенсомоторная субъективность существует в единстве с примитивной формой сознания. Субъект в своем восприятии и активных действиях может иметь доступ к информации о совершаемых им и планируемых движениях, состояниях организма и внутренних органов. Более того, М. Майес вместе с профессором философии из Университета Колорадо (Баулдер) отстаивают Тезис глубокого сознания (the Deep Consciousness Thesis): наделенное сознанием существо, наподобие нас, пребывая в том или ином ментальном состоянии, с необходимостью в тот же самый момент осознает это состояние [Hanna R., Maiese M., 2009]. По мнению исследователей, даже в таких состояниях, как сон со сновидени-

ями и без них, автоматизмы, транс, рефлекторные реакции и т.д., индивид лишен полноценного сознания, однако и в них он обладает определенным субъективным опытом [Maiese M., 2011, p. 20–23]. В современной литературе можно встретить концепции, в которых подобные состояния рассматриваются как измененные состояния сознания [Тарт Ч., 2003].

Развивая идеи М. Майеса, можно предположить, что телесная схема и содержащийся в ней сенсомоторный опыт организует базовый уровень неявного знания, участвующего в формировании личностного знания. Телесная схема включает в себя имплицитные сведения о нашем организме, которые осознаются нами на периферии сознания и лежат в основе осознания нами себя в пространстве как обладающих внутренней целостностью телесно-воплощенных существ, способных к самостоятельным действиям. Особое значение в структуре сенсомоторного опыта занимают автоматизмы, возникновение которых является неперенным условием выработки навыков. Природе навыков и их роли в личностном познании М. Полани посвятил отдельную главу в упомянутой ранее книге «Личностное знание» [Polanyi M., 2005, p. 51–69].

Понятию телесной схемы близко понятие образной схемы, впервые введенное основоположниками когнитивной лингвистики Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [Lakoff J., 1978; Johnson M., 1978]. По аналогии с телесными схемами, их основная функция заключается в том, чтобы «схватывать и структурировать контуры сенсомоторного опыта, сводя воедино информацию различных форм чувственного восприятия» [Смирнова Н.М., 2024а, с. 25]. Современный отечественный исследователь в области теории познания Н.М. Смирнова отметила, что эмоции представляют собой особый вид чувственного опыта, трудно сопоставимый с пространственным отношением [Смирнова Н.М., 2024б, с. 162–165]. Как следствие, они не могут быть структурированы с помощью образных схем, что порождает проблему их концептуализации. Незаменимым средством выражения эмоций становятся метафоры, составляющие основу естественного языка.

Анализ понятий телесной схемы и сенсомоторного опыта был проведен столь подробно, поскольку, как показывают современные ис-

следования в области нейрофеноменологии, эмоции представляют собой одно из основных проявлений телесной воплощенности нашего сознания. Как отмечает М. Майес, осознание нами своего тела как воспринимающего окружающую действительность и осуществляющего в ней свою деятельность также имеет аффективную природу. Живой организм подвергается влиянию со стороны окружающей среды и в то же время стремится оказывать на нее воздействие в соответствии с собственными желаниями и потребностями. Таким образом, сенсомоторная субъективность связана не только со способностью к восприятию и совершению целенаправленных действий, но и с эмоциями и аффектами [Maiese M., 2011, p. 25]. М. Майес полагает, что сущностной характеристикой любого аффекта является наличие осознаваемого желания, или сознательно переживаемой потребности в чем-то [Maiese M., 2011, p. 52]. Возможно, этот тезис кажется не совсем очевидным и требующим обоснования. Однако, рассматривая желание как условие эмоции, М. Майес пытается подчеркнуть его интенциональный характер, направленность на объект желания и невозможность редуцировать ее исключительно к биологическим процессам. Интенциональность эмоции телесно воплощена. В основе любого чувства лежит репрезентация объекта, в отношении которого оно возникла.

Эмоции — ввиду своей интенциональности — неразрывно связаны с активностью субъекта, его взаимодействием с объектом интереса и реализацией своих собственных целей, задач и желаний. Как следствие, представления о неотъемлемой роли аффективной сферы человеческой психики в когнитивных процессах согласуются с идеями энактивизма и ключевыми принципами актуального в наши дни деятельностного подхода, подчеркивающими активную позицию познающего субъекта. Переживания как мотивирующая сила побуждают творческую личность к совершению действий, направленных на удовлетворение ее познавательного интереса и достижение жизненных целей. Эмоции являются условием целеполагания, лежащего в основе любого творческого когнитивного акта. Кроме того, поскольку они определяют, что в окружающей реальности соответствует внутренним потребностям и интересам индивида, в них находят выражение из-

бирательность восприятия зрелой творческой личности. Эмоции можно рассматривать как «достаточно жесткие личностные фильтры», которые вырабатывает творческий ум и которые «отгораживают» его от мира и тем самым дают ему возможность быть более плодотворным» [Бескова И.А. и др., 2011, с. 66]. Развитая эмоциональная сфера, порождающая широкий спектр возможных реакций на стимулы внешнего мира, является признаком сложноорганизованного сознания, способного к подлинно творческой, прорывной деятельности. В качестве критерия отбора эмоции определяют работу памяти, структурируя воспоминания в рамках целостной жизненной истории. Человеческие чувства являются неотъемлемым компонентом интеллекта, поэтому в современной научной и научно-популярной литературе часто можно встретить понятие эмоционального интеллекта (см., напр. [Гоулман Д., 2021]). Таким образом, эмоции выполняют регулирующую функцию, на доконцептуальном уровне придавая интенциональный характер нашей когнитивной деятельности.

Заключение

Проведенный в данной статье анализ может рассматриваться как введение в исследование проблемы когнитивной роли эмоций в творчестве и познании. В общих чертах обозначено проблемное поле, которое имеет множество важных аспектов (роль эмоций в самосознании, эстетическом восприятии, моральной оценке, формировании интересубъективного опыта социального взаимодействия и т.д.). Аффективная сфера человеческой психики регулирует взаимодействие людей с окружающей действительностью, определяет их восприятие и поведение в ней. Истоки эмоциональности творческой личности коренятся в ее сенсомоторном опыте, лежащем в основе дорефлективного самосознания. Эмоциональные переживания, связанные с нашей активностью во внешнем мире, формируют неявное знание и выступают имплицитными предпосылками совершаемой субъектом деятельности. Описанные характеристики человеческой субъективности позволяют выявить специфику когнитивных процессов, осуществляемых естественным интеллектом. Компьютерное творчество не может считаться полноценным ввиду отсутствия у искус-

ственного интеллекта эмоциональной сферы и феноменального опыта в том виде, в каком они существуют у человека. Искусственный интеллект имеет материальную основу, отличную от живого организма. Соответственно, он лишен сложного и многогранного телесного опыта, а вместе с ним и той сферы неявного знания, которая складывается у человека на доконцептуальном уровне сознания и находит выражение в телесной схеме и сенсомоторном опыте. Возможно, технические устройства на нынешнем этапе своего развития могут успешно имитировать человеческие эмоции. Однако вызывает сомнение то, что они способны к подлинному *переживанию* чувств как проявлению их погруженности в окружающую физическую и социокультурную реальность. Поскольку искусственный интеллект не обладает аффективностью как интенциональной побудительной силой, его активность не носит целенаправленного и избирательного характера. Вероятно, современные нейросети располагают значительными ресурсами для создания нового продукта, но все же их творческий потенциал существенным образом ограничен по сравнению с человеческим, который формируется на разных уровнях человеческой субъективности.

Выражение признательности

В статье представлены результаты исследований по мега-теме «Познавательная деятельность человека в перспективе эпистемологии, логики и когнитивных исследований», выполненных в рамках гос. задания (2025–2027 гг.) Института философии РАН.

Acknowledgements

This article presents the results of studies on the mega topic «Human cognitive activity from the perspective of epistemology, logic, and cognitive research» carried out as part of the state assignment (2025–2027) undertaken by the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Список литературы

- Бескова И.А., Князева Е.Н., Бескова Д.А. Природа и образы телесности. М.: Прогресс-Традиция, 2011. 456 с. EDN: RAYTNV
- Гоулман Д. Эмоциональный интеллект. Почему он может значить больше, чем IQ / пер. с англ. А.П. Исаевой. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021. 544 с.

Касавин И.Т., Порус В.Н. Философия науки: экзистенциальный поворот // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60, № 4. С. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202360452>. EDN: IQJCVO

Лекторский В.А. Философия перед лицом когнитивных исследований // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-5-17>. EDN: NUSWBV

Полани М. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М.: Прогресс, 1985. 344 с.

Семенов С.Н. Идеализированный предмет творчества // Философия творчества. Ежегодник. Вып. 9: Философско-методологический анализ творческих процессов / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2023. С. 221–248.

Смирнова Н.М. Воображение и творчество: когнитивные функции образных схем // Философия творчества. Ежегодник. Вып. 10: Философско-методологический анализ творческих процессов / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2024. С. 20–27.

Смирнова Н.М. Что дает нам история ментального развития для понимания роли воображения в формировании концептуального мышления? // Философия творчества. Ежегодник. Вып. 10: Философско-методологический анализ творческих процессов / под ред. Н.М. Смирновой, И.А. Бесковой. М.: Голос, 2024. С. 124–168.

Тарт Ч. Измененные состояния сознания / пер. с англ. Е. Филиной, Г. Закарян. М.: Эксмо, 2003. 288 с. EDN: QXGGUD

Филипенко С.А. Концепция личностного знания М. Полани в свете актуальных философских проблем: новые эпистемологические подходы // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2013. № 5(133). С. 92–98. EDN: QBJLGL

Gulick W.B. The Meaningful and the Real in Polanyian Perspective // *Polanyiana*. 1999. Vol. 8, № 1–2. URL: <https://www.kfki.hu/~cheminfo/polanyi/9912/gulick.html> (accessed: 24.07.2025).

Hanna R., Maiese M. *Embodied Minds in Action*. Oxford: Oxford University Press, 2009. 418 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199230310.001.0001>

Johnson M. *The Body in Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason*. Chicago: The University of Chicago press, 1978. 340 p.

Lakoff J. *Women, Fire and Dangerous Things: What Our Categories Reveal About the Mind*. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 178 p.

Maiese M. *Embodiment, Emotion, and Cognition*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. 260 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230297715>

Polanyi M. *Personal Knowledge. Towards a Post-Critical Philosophy*. London, UK: Routledge, 2005. 493 p.

References

Beskova, I.A., Knyazeva, E.N. and Beskova, D.A. (2011). *Priroda i obrazi telesnosti* [The nature and images of corporeality]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 456 p.

Filipenok, S.A. (2013). [M. Polanyi's concept of personal knowledge in modern philosophical problems: New epistemological approaches]. *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin]. No. 5(133), pp. 92–98.

Goleman, D. (2021). *Emotsional'nyy intellekt. Pochemu on mozhet znachit' bol'she, chem IQ* [Emotional intelligence. Why it can matter more than IQ]. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber Publ., 544 p.

Gulick, W.B. (1999). The meaningful and the real in Polanyian perspective. *Polanyiana*. Vol. 8, no. 1–2. Available at: <https://www.kfki.hu/~cheminfo/polanyi/9912/gulick.html> (accessed 24.07.2025).

Hanna, R. and Maiese, M. (2009). *Embodied minds in action*. Oxford: Oxford University Press, 418 p. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780199230310.001.0001>

Johnson, M. (1978). *The body in mind: the bodily basis of meaning, imagination and reason*. Chicago: The University of Chicago Press, 340 p.

Kasavin, I.T. and Porus, V.N. (2023). [Philosophy of science: an existential turn]. *Epistemologiya i filosofiya nauki* [Epistemology & Philosophy of Science]. Vol. 60, no. 4, pp. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.5840/eps202360452>

Lakoff, J. (1978). *Women, fire and dangerous things: what our categories reveal about the mind*. Chicago: The University of Chicago Press, 178 p.

Lektorskiy, V.A. (2021). [Philosophy facing cognitive studies]. *Voprosy Filosofii*. No. 10, pp. 5–17. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-5-17>

Maiese, M. (2011). *Embodiment, emotion, and cognition*. Basingstoke: Palgrave Macmillan Publ., 260 p. DOI: <https://doi.org/10.1057/9780230297715>

Polanyi, M. (1985). *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoy filosofii* [Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy]. Moscow: Progress Publ., 344 p.

Polanyi, M. (2005). *Personal knowledge. Towards a post-critical philosophy*. London, UK: Routledge Publ., 493 p.

Semenov, S.N. (2023). [Idealized object of creativity]. *Filosofiya tvorchestva. Ezhegodnik. Vyp. 9: Filosofsko-metodologicheskii analiz tvorcheskikh*

protsestov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of creativity: Yearbook. Iss. 9: Philosophical and methodological analysis of creativity processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 221–248.

Smirnova, N.M. (2024). [Imagination and creativity: Cognitive functions of image schemas]. *Filosofiya tvorchestva. Ezhegodnik. Vyp. 10: Filosofsko-metodologicheskij analiz tvorcheskikh protsestov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of creativity: Yearbook. Iss. 10: Philosophical and methodological analysis of creativity processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 20–27.

Smirnova, N.M. (2024). [What history of mental development gives us for further understanding the role of imagination in conceptual thinking formation?]. *Filosofiya tvorchestva. Ezhegodnik. Vyp. 10: Filosofsko-metodologicheskij analiz tvorcheskikh protsestov, pod red. N.M. Smirnovoy, I.A. Beskovoy* [N.M. Smirnova, I.A. Beskova (eds.) Philosophy of creativity: Yearbook. Iss. 10: Philosophical and methodological analysis of creativity processes]. Moscow: Golos Publ., pp. 124–168.

Tart, Ch. (2003). *Izmenennyye sostoyaniya soznaniya* [Altered states of consciousness]. Moscow: Eksmo Publ., 288 p.

Об авторе

Филипенко Станислава Андреевна

кандидат философских наук,
научный сотрудник

Институт философии РАН,
109240, Москва, ул. Гончарная, 12/1;
e-mail: Stanafil@mail.ru
ResearcherID: U-8952-2018

About the author

Stanislava A. Filipenok

Candidate of Philosophy, Researcher

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences,
12/1, Goncharnaya st., Moscow, 109240, Russia;
e-mail: Stanafil@mail.ru
ResearcherID: U-8952-2018

УДК 1(091):141.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-53-63><https://elibrary.ru/gmtrzj>

Поступила: 31.05.2025

Принята: 12.09.2025

Опубликована: 02.04.2026

ДВОЙСТВЕННОСТЬ И ДУАЛИЗМ: «АНТИ-ЭДИП» В ПРОЧТЕНИИ ГИ ЛАРДРО, КРИСТИАНА ЖАМБЕ И ФРАНСУА ЛАРЮЭЛЯ

Сковородко Александр Денисович

Саратовская государственная юридическая академия (Саратов),

Саратовский национальный исследовательский государственный университет

им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)

Статья исследует историю нескольких прочтений работы «Анти-Эдип» Жюлья Делёза и Феликса Гваттари, предложенных представителями французского ангажизма (Г. Лардро, К. Жамбе) и Ф. Ларюэлем, которого данная работа вдохновляет на разработку проекта т.н. ницшеанской политики. Несмотря на то, что в написанных по случаю этой книги трудах Лардро, Жамбе и Ларюэля звучат прямые высказывания против некоторых центральных тезисов «Анти-Эдипа» о природе желания и детерминируемой им политики, в настоящей статье было решено обратить внимание не столько на разницу в тезисах о данных материях, сколько на невозможность свести «ангажизм» и «ницшеанскую политику» к набору позиций и философских утверждений (становящихся политическими якобы от одного только высказывания на тему власти и утверждениями — в силу простой декларации). Для этого решено осветить судьбу понятий «дуализм» и «двойственность» в этих теориях, обнаруживающих себя в той точке, когда неоднозначность и недостаточность полагаемых демаркаций и терминологических разделений между молекулярным и молярным, шизофреническим и параноическим (Делёз, Гваттари), Восстанием и Господством (Лардро, Жамбе, Ларюэль), разрабатываемых для плюрализации философской мысли и восстания против заложенных в ней авторитарных и догматичных тенденций, приводит мышление к необходимости самому пройти через двойственность, подвергнувшись испытанию собственным объектом. Как не любое провозглашение множественности в силах породить эту последнюю, считает Делёз, так и не всякая мысль о бунте против необходимости является действительно сопротивляющейся, иногда даже, наоборот, покорной в своих самых громких тезисах.

Ключевые слова: ангажизм, бессознательное, Делёз, власть, Лакан, французское ницшеанство.

Для цитирования:

Сковородко А.Д. Двойственность и дуализм: «Анти-Эдип» в прочтении Ги Лардро, Кристиана Жамбе И Франсуа Ларюэля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 53–63.
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-53-63>. EDN: GMTRZJ

DUPLICITY AND DUALISM: GUY LARDREAU'S, CHRISTIAN JAMBET'S, AND FRANÇOIS LARUELLE'S READINGS OF "ANTI-OEDIPUS"

Alexander D. Skovorodko

Saratov State Law Academy (Saratov),

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky (Saratov)

The article explores the history of several readings of Gilles Deleuze and Félix Guattari's *Anti-Oedipus* as proposed by representatives of French "angelism" (Guy Lardreau, Christian Jambet) and by François Laruelle, whom the work inspired to develop the "Nietzschean politics" project. Although the writings of Lardreau, Jambet, and Laruelle on this book contain direct objections to some of *Anti-Oedipus*'s central theses concerning the nature of desire and the politics it determines, this article chooses to focus not so much on the differences in these positions as on the impossibility of reducing "angelism" and "Nietzschean politics" to a set of stances and philosophical propositions (which supposedly become political merely by addressing the topic of power and become affirming as if by mere declaration). The article examines the fate of the concepts of "dualism" and "duality" in these theories, which reveal themselves at the point where the ambiguity and insufficiency of assumed demarcations and terminological distinctions — between the molecular and the molar, the schizophrenic and the paranoid (Deleuze, Guattari), Revolt and Mastery (Lardreau, Jambet, Laruelle), these developed to pluralize philosophical thought and rebel against its inherent authoritarian tendencies — force the thought itself to pass through duality, undergoing a trial by its own object. According to Deleuze, just as not every proclamation of multiplicity is capable of generating it, not every thought of rebellion against necessity is truly resistant — sometimes, on the contrary, it turns out to be submissive in its loudest theses.

Keywords: angelism, the unconscious, Deleuze, power, Lacan, French Nietzscheanism.

To cite:

Skovorodko A.D. [Duplicity and dualism: Guy Lardreau's, Christian Jambet's, and François Laruelle's readings of "Anti-Oedipus"]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 53–63 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-53-63>. EDN: GMTRZJ

Введение

В статье рассматривается малоизученный на данный момент срез дискуссии, которая сложилась вокруг труда Ж. Делёза и Ф. Гваттари «Анти-Эдип» в 70-е гг. прошлого столетия. По сравнению с, например, более известной критической оценкой данной книги у А. Бадью, вклад, который вносят в ее обсуждение такие фигуры, как Ги Лардро, Кристиан Жамбе, представители «французского ангелизма» [Jambet С., Lardreau G., 1976, 1978], и Франсуа Ларюэль, тогда еще только делающий первые наброски к своему проекту «не-философии», пока еще слабо исследован. В первой половине статьи, ори-

ентируясь на хронологическую последовательность, в которой выходили их комментарии на работу Делёза и Гваттари, мы пробуем определить причину пристального интереса к ней со стороны французского ангелизма. Во второй части перейдем к ларюэлевской оценке как «Анти-Эдипа» (на самом деле, как и в случае с «Ангелом», касающейся более широкого интеллектуального феномена, обозначаемого здесь в качестве «либидинальной экономики»), так и книги «Ангел» Лардро и Жамбе. Путеводной нитью, с помощью которой можно было бы сопоставить эти два прочтения, решено выбрать темы, одинаково важные для всех сторон: желание и власть. Вместе с тем, хотя данное исследование

предполагает экспликацию и сопоставление тезисов, относящихся к этим предметам и нередко конфликтующих на уровне содержания высказывания, представим «ангелизм» и ранние проекты Ларюэля не столько как систему или теорию, выносящую суждения на некоторую тему (что, скорее, служит только отправным пунктом) или выдвигающую анализ “актуальной ситуации” или “современного положения дел” (пространное описание эпохи), сколько как критический и глубоко затронутый собственным объектом (проживающий его) метод.

Книгу «Ангел» можно определить как текст переходного этапа, где ранний волюнтаризм Ги Лардро и вера в возможность преобразования мира путем революционного восстания народных масс вступают в напряжение с усиливающимся разочарованием в эффективности революционной борьбы; поводом к этому становится сворачивание революционных процессов в Китае и упадок протестного движения во Франции после мая 1968-го. Так, из-под его пера в соавторстве с Кристианом Жамбе выходит «Онтология революции»: имя для диалогии, куда входят книги «Ангел» и «Мир». Начинается «Ангел» — ни много ни мало — с утверждений о том, что такое *реальное*. С позиции, которая отчасти опирается на положения лакановского психоанализа и на лакановское понятие *дискурса*, реальное не содержит в себе ничего естественного: «природы не существует», а «реальное есть только дискурс» (перевод наш. — А.С.) [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 18], определенный порядок или структура, держащаяся на властном установлении. Подчеркивание последнего должно напомнить о том, что, как отмечает сам Лакан в XVII семинаре, такая структура не укладывается в фактические акты тех или иных высказываний, дискурс может обходиться и без слов, не сводится к речи [Лакан Ж., 2008, с. 9]. Дискурс есть «социальное взаимодействие, основанное на языке» [Лакан Ж., 2011, с. 24] — и этот аспект (впрочем, не исчерпывающий данное понятие ни для Лакана, ни, как мы хотели бы показать, для Лардро и Жамбе), думается, принципиален для «Ангела», определяющего такой дискурс как *дискурс Господина*. Дискурс совершенно герметичен, задан в качестве аксиомы и потому обладает предельной внутренней связностью и, в этом отношении, по-своему истинен [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 19]. Если дискурс есть по-

рядок социального взаимодействия, а реальное — это и есть дискурс, тогда «реальное есть чистое подавление, оно является реальным только благодаря власти» (перевод наш. — А.С.) [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 49].

Насколько вообразима альтернатива подобному дискурсу и такому реальному, сплавленному в «Ангеле» с властью и подчинением? Это одновременно вопрос и о смысле самой этой альтернативности, того, какую модальность приобретает различие между дискурсом Господина, сплавом дискурса, реального и власти, и «дискурсом Восстания», «другой историей» без господина. Здесь, как замечает Ф. Ларюэль, «Ангел» попадает (возможно, правда, вполне намеренно) в сети различных паралогизмов [Laruelle F., 1977a, р. 19–20], которые задают стиль его вопрошания: если дискурс *по определению* связан с социальным упорядочиванием, то как может существовать *собственный* «дискурс Бунтаря», а не Господина? Иными словами, если дискурсивность имеет отношение к власти и господству, то как возможен не господский дискурс? И хотя Лардро и Жамбе говорят, что нужно различать объемы понятий «дискурс» и «дискурс Господина» (не обязательно, чтобы дискурс и власть целиком совпадали), чтобы оставить место для альтернативы этому последнему [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 35], ответить на вопрос, что позволяет им это сделать, получится не сразу.

Лардро и Жамбе планируют свой труд в качестве ответа на вышедшие несколько ранее «Анти-Эдип» Ж. Делёза и Ф. Гваттари и «Либидинальную экономику» Ж.-Ф. Лиотара и сложившейся вокруг этих работ интеллектуальной конъюнктуре — то, что авторы называют «дискурсом сексуального освобождения» [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 30]. Прежде чем ближе рассмотреть эту полемику, стоит еще уточнить, что Лардро и Жамбе берут из Лакана относительно понятия дискурса и желания. В «Римской речи» тот развивает идею Леви-Стросса о причастности языковых структур к социальным законам регуляции брачных союзов: «Изначальным Законом является, следовательно, тот, который, регулируя брачные союзы, ставит над царством природы... царство культуры» [Лакан Ж., 2024, с. 154]. Лакан будет, правда, уточнять, что мы не имеем здесь дело с культуралистской концепцией. Скорее, задача заключается в том, чтобы на

«другой сцене» (фрейдовское *eine anderne Schauplatz*), в бессознательном, обнаружить такие эффекты, которые дают о себе знать на уровне человеческого языка. Как и с понятием дискурса, язык здесь, скорее, выражает сам закон бессознательных структур.

Но, пишут Лардро и Жамбе уже об Анти-Эдипе, «что еще, кроме возвращения нас к Естественному Состоянию, может означать тезис, будто роль социальной машины заключается не в циркуляции [желания], но в записи (*l'inscription*), коде, мете (*la marque*)? Что бы еще это могло означать, как не то, что существует какая-то циркуляция, предшествующая любой записи, и что запись совершается после того, как получает свою маркировку изначальная, свободная циркуляция, природный ток?» (перевод наш. — А.С.) [Jambet C., Lardreau G., 1976, p. 30].

Справедливости ради, еще в самом начале «Анти-Эдипа», в котором желание определяется через производство (тезис, который будет раскрыт далее), такая оппозиция, как «человек — природа» или «*techne – physis*», из которой мог бы возникнуть тот самый «натурализм», устраняется: «Не существует также и различия человек-природа: человеческая сущность природы и природная сущность человека отождествляются в природе как производстве или промышленности, то есть также в родовой жизни человека» [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 17]. Желание как производство не есть природа *сама по себе*, которая предшествовала бы учету или записи или, переводя на лаканистскую терминологию Лардро и Жамбе, означающему и дискурсу. «Производство как процесс выходит за границы всех идеальных категорий и образует цикл, который соотносится с желанием как имманентным принципом» [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 17]. Оно, следовательно, не может быть *ни первым, ни вторым* по отношению к человеческому социусу и к *techne*, ибо те сами составляют его *часть*, укоренены в лоне самого производства.

Казалось бы, данные тезисы, а также изначальный отказ от самой оппозиции *techne* и *physis* не оставляют места для «натурализма». Здесь требуется уточнить, где именно авторами «Ангела» обнаружен минимальный зазор между циркуляцией либидо и налагаемыми на него ограничениями господского дискурса. Учет производства, как говорилось ранее, составляет

часть или укоренен в самом этом последнем под разными формами: «Производство непосредственно является потреблением и учетом, учет и потребление напрямую определяют производство, но определяют его в лоне самого производства» [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 16]. Желательное или машинное производство объемлет оппозицию естественного и искусственного. Полнее это положение раскрывает себя в важном для Лардро и Жамбе тезисе «Анти-Эдипа», согласно которому в политике «необходимо будет различать бессознательное либидинальное инвестирование группы или желания и предсознательное инвестирование класса или интереса» [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 541]. В случае с последним речь идет о реакционном или революционном общественном кодировании потоков желания и подчинении желательного производства достижению отдельных политических целей общественным синтезам. В это же время, «либидинальное инвестирование относится не к режиму общественных синтезов, а к степени развития сил и энергий, от которых эти синтезы *зависят*. Оно относится не к выборкам, отделениям и остаткам, производимым этими синтезами, а к природе потоков и кодов, которые их *обулавливают*» (курсив наш. — А.С.) [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 544]. Всегда имеющееся общественное инвестирование потоков желания может быть «шизофреническим», связанным с высвобождением потоков, и «параноическим», исчерпывающим желательное производство функцией поддержания имеющегося общественного порядка, кодированием потоков или их аксиоматизацией [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 577]. В последнем случае желательное производство подчиняется производству общественному, с которым, тем не менее, они составляют одно целое [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 186]. Подлинно революционный или реакционный характер предсознательного интереса определяет именно либидинальное бессознательное инвестирование, или то, что Делёз и Гваттари, продолжая и одновременно несколько поправляя В. Райха, называют *либидинальной экономией*. Так, являющееся по своим декларируемым интересам революционным, политическое движение может не являться революционным по содержанию, если говорить о его бессознательном (которому соответствует шизофреническое или параноическое общественное ин-

вестирование либидо). Поэтому ответом на важный для Лардро и Жамбе вопрос, почему революция приводит к новым формам реакции, становится детерминирующая эти движения работа либидо, из которой протекают все смыслы и цели, «а не наоборот» [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 544].

Подытожим, что у Делёза встречается дуализм «двух желаний» или двух его режимов, молярного или шизофренического и молекулярного или параноического, один из которых является революционным, другой — реакционным и сдерживающим по отношению к первому [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 231]. Это напоминает собственный дуализм «Ангела», как признают сами его авторы, ведь в дискуссии по поводу природы желания французский ангелизм занимает сторону Лакана только для того, чтобы тотчас ему изменить своим требованием «другой истории» и «другого желания», в которых Лаканом им отказано, ибо желание пронизано дискурсивностью (= властью). В «дискурсе» же Восстания желание вообще не связано с сексуальностью, которая неизбежно проходит через закон в дискурсе Господина (из этого утверждения и происходит название книги, поскольку вопрос о поле Ангела просто неуместен). Однако мыслимость такого смещения поставлена под вопрос или, лучше сказать, проблематизирована самими авторами. Если реальное это только дискурс в том плане, что оно состоит из отношений власти, то что существенно меняется при замене одного дискурса на другой? Не должно ли тогда иметься какое-то «другое “реальное”» [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 77], «другая история»? Лардро и Жамбе нужно, чтобы дискурс Восстания не был просто беспомощным отрицанием (*Verneinung* Фрейда, *la dénégation* у Лакана) господского дискурса, лишней раз подтверждая его власть, но порывал с ним как-то еще [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 214].

Полемический тон «Ангела» стоило бы связать даже не с разногласием двух доктрин желания и власти (его и либидинальных экономистов), которые по-разному подходили к своему объекту как к некоторой *уже* содержащейся в мире реальности или по-разному бы отвечали, возможно ли Восстание в мире как в некоторой тотальности всех возможностей. Дискурс Восстания — это не мировоззрение. Ведь это *Господский дискурс* предпочитает говорить о мире

или реальности, допускающей одни событийные возможности и исключаяющей другие. Восстание не обнаружимо в феноменальной реальности, которая его вынашивала бы в себе и впоследствии разрешала (впрочем, как выясняется впоследствии, строго в ограниченных дозах, в виде скромных революционных перестановок) [Jambet С., Lardreau G., 1978, р. 184–185]. Бессмысленным будет и поиск его онтологических оснований (и даром, заметят сами авторы, что книга «Ангел» входит в так называемую «Онтологию революции»). Можно только — на манер негативной теологии — описывать, *чем Ангел и Восстание не должны быть* или чем они не являются [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 36], параллельно систематически отслеживая то в (прежде всего — собственной) мысли, что изменяет *идею* Восстания [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 48], отслеживая его подобию (*semblants*), которые пытаются свети его всего лишь к еще одному, просто относительно другому миру (и в чем данный термин, Восстание, предпочтительнее по сравнению с революцией). До описания Восстания как некой уже данной реальности или феномена «Ангелу», стало быть, нет дела: Восстание — это даже не столько предмет веры или ставки (дожидающаяся нас утопия), сколько сама вера, гнозис или идея как имманентный критерий, *уже* заручившись которым бунтующая душа оказывается в «другой истории» и «другом дискурсе», *производя* эти последние (здесь Лардро и Жамбе опираются на исследования «творческого воображения» у востоковеда Анри Корбена, изучающего исламскую философию и мистику). «Потому, — пишут авторы в книге “Мир”, — это реальное, Ангел, является реальным только для души, которая выдвигает его — перед лицом господского реального — в качестве собственной и самостоятельной (*autopome*) исторической задачи. Но для этой души не может идти и речи о том, чтобы поверять валидность своего видения, сличая его с реальным — это исключается душой, она борется с этим, ее единственная задача — этому препятствовать. Откровение Ангела восстающей душе и откровение этой души о существовании Ангела уже является разворачиванием истории, ее событий: видение имеет эффект реального» (перевод наш. — А.С.) [Jambet С., Lardreau, G., 1978, р. 185–186].

В этом плане, не пытаясь обосновать существование свободы (только по-кантовски утверждая, что она *должна быть*), «Ангел» и «Мир» точно так же отказываются объяснять происхождение зла, дискурса Господина. Пытаясь объяснить то, и другое, вписать зло в реальность, сделав его либо результатом свободного действия, либо продиктованным необходимостью, философия всегда оправдывала существующий порядок вещей [Jambet С., Lardreau G., 1978, р. 26–28]. Зло же для человека нефилософствующего лишено смысла, с ним невозможно примириться, его быть *не должно*. Но «есть плохой способ избежать этики — занимать ее место, не давая возникнуть брешу [которую она удерживает], занимаясь притворством. Этика мятежа противопоставляет себя любому классическому дискурсу высшего блага, а также любым моралистским или имморалистским притязаниям, так как она устраивает, оберегает, сохраняет некое пустое место, дает наступить некоей иной истории» (перевод наш. — А.С.) [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 47]. Либидинальная экономия (уже) *свободна* как обернуться против властного контроля, так и поддержать его, поскольку она представляет собой «либидинальную реальность» [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 217], неукротимую настолько, что та оказывается способной стать своей противоположностью: подчинением и необходимостью. Это провозглашение амбивалентности желания, по-философски объясняющее и признающее существование зла в мире, Жамбе называет «отказом от трагического» [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 231]. Если в «Анти-Эдипе» Лардро и Жамбе все же находят нечто от этой проблемы (в конце книги мы встречаем близкий ангелизму отказ, на манер Канта, сводить свободу революционного полюса желания к феноменальной реальности или естественной данности [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 594–595]; об остальных точках пересечения говорилось выше), то настоящий «отказ от трагического» они приписывают Лиотару, автору «Либидинальной экономии» (следует здесь также упомянуть фигуру де садовского либертена, освободительный смысл которой ангелизм отрицает по той же причине [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 184–213]). «Для Лиотара чудо уже свершилось» (перевод наш. — А.С.) [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 214], ибо господство и подчинение, пишет тот, *желанны*,

а от читателя «Либидинальной экономии» требуется всего лишь, говорится в назидательном тоне, «суметь понять это» [Лиотар Ж.-Ф., 2018, с. 27–28]. Это «ницшеанское “утверждение” на фашистский лад... “желать все, что есть”: действительное, если оно не разумно, то, по крайней мере, желаемо» (перевод наш. — А.С.) [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 220]. Несомненно, либидо способно отклониться в сторону фашизма и страсти к подчинению, когда свобода и необходимость становятся одним, но здесь либидинальный экономист довольствуется констатациями: просто таково мое желание, такие дела, *c'est comme ça*.

Ф. Ларюэль: Ницше читает «Анти-Эдип» и «Ангела»

В работе Ларюэля от 1977 года «Ницше против Хайдеггера» можно встретить высказывания как насчет ангелизма (вышедшую годом ранее книгу «Ангел» Ларюэль упоминает не раз), так и либидинальной экономии. Сам же Ларюэль в этом тексте говорит о «ницшеанской политике». Прежде всего, он намеревается отстоять последнюю против ее превратных трактовок: будь то ее фашистские или иные фальсификации, но также и попытки, напротив, встать на защиту тех ее положений, которые компрометируют философию Ницше: доброжелателям не хватает сил и мужества объяснить необходимость, позитивный и подрывной смысл самих этих фальсификаций [Laruelle F., 1977b, р. 141–142].

Излишней аффирмативности, можно напомнить, «Ангел» предлагает остерегаться. В одной из его сносок лиотаровская интерпретация ключевого понятия Ницше «Der Wille zur Macht» действительно определяется как «нацистская» [Jambet С., Lardreau G., 1976, р. 225]. Для Ларюэля же ницшеанское понятие «*воли к мощи*» (*volonté de puissance*), которую он по ряду причин — их предстоит выяснить — отличает от «*воли к власти*» (*volonté de pouvoir*), является своего рода средством вывести на чистую воду своего интерпретатора. Текст Ницше — это зеркало, в котором мы видим прежде всего самих себя. Так, вслед за Хайдеггером, считает Ларюэль, ангелизм определяет эту волю именно как *волю к власти*, средство технического доминирования [Laruelle F., 1977b, р. 45]. Но это, скорее, объясняет стиль дуалистского мышления присущий ему способ постановки вопросов:

«[Здесь то утверждается], что желание целиком принадлежит Господину, то говорится, что еще возымеет место такое желание, которое будет ускользать от Господина; то всякий дискурс принадлежит господину, то утверждается, что еще возымеет место автономный дискурс Бунтаря; то дискурс и желание смешиваются, то их разводят» (перевод наш. — А.С.) [Laruelle F., 1977b, p. 20]. Поэтому, после того как определить дискурс и реальное как власть, «Ангел» оказывается заперт в созданные им же паралогизмы, вынужденный мыслить дискурс всегда уже с господской позиции, тщетно занимаясь его *Verneinung* [Laruelle F., 1977a, p. 234].

Каждый раз дуализм Бунтаря преследуется Господином-монистом и находит в нем свое примирение. Причем вполне по-гегелевски. Здесь стоит обратить внимание на многозначность использования Ларюэлем слова *le terme* в ряде мест «Ницше против Хайдеггера»: одновременно в значении *термина* и *границы*, *опосредующей* отношения между сторонами (терминами). Отсюда Ларюэль различает прямое (*sans médiation/immediate*) и опосредованное (*médiatisée*) противоречие (одновременно подразумевая различие между прямой политикой и политикой, делегированной кому-то третьему, представителю) [Laruelle F., 1977b, p. 13, 17–20]. Первый тип противоречия он обозначает в качестве отношения *двойственности*, *duplicité* (между Господином и Восстанием), он будет разобран в качестве элемента собственной ларюэлевской программы ближе к концу статьи. Второй же, выражающий отношение *дуальности*, *dualité*, представляется Ларюэлю проблемным: противопоставляя Восстание Господству, можно либо искать какой-то другой, не-господский дискурс, либо (столь же безрезультатно) противопоставлять Восстание *всякой дискурсивности вообще*. Однако, поскольку реальное изначально было целиком политизировано, и поскольку власть и дискурс всегда уже рассматривались как господские, с позиций господина, везде мы имеем дело с чисто негативным и реактивным пониманием Восстания, лишённого собственного содержания и являющегося лишь отрицанием, *Verneinung* власти и господства: «Дуализм это всегда реакция, пассивное бегство от Господина, философия тех, кто не смог или не сумел стать Господами» (перевод наш. — А.С.) [Laruelle F., 1977b, p. 19].

Здесь мы хотели бы сделать некоторые промежуточные выводы. Тогда как «Ангел» сводит «природу» к дискурсу, понятому как власть (и, вслед за Хайдеггером, делает то же самое с волей к мощи — сводит ее к *techné* воли к власти), «Анти-Эдип» говорит о «желающем производстве, предшествующем расколу на *physis* и *technè*» (перевод наш. — А.С.) [Laruelle F., 1977b, p. 45]. Утверждение желающего производства в качестве предшествующего самому расколу на природу и технику обходит вниманием связанное с властью историческое измерение бессознательного, особым образом детерминирующее его в свой черед. Ларюэль тоже обозначает его в качестве натурализма, говорящего о желании как о «физической энергии» [Laruelle F., 1977b, p. 45–46]. На данной развилке ницшеанская «воля к мощи» может мыслиться либо как некое грубое естественное желание, либо как страсть к техническому доминированию, что, замечает Ларюэль, суть одно и то же [Laruelle F., 1977b, p. 45]. Чтобы помыслить возможность «ницшеанской политики» или политики Восстания (этот термин Ларюэль, как в «Ангеле», пишет с большой буквы), нужно пройти между двумя крайностями. «Ангел» уравнивает бессознательное и порядок дискурса, повторяя лаканистский тезис о его структурированности языком; либидинальная экономия видит во власти свое собственное отражение, предлагая чисто внешнее политическое приложение собственных понятий [Laruelle F., 1977b, p. 39]. Должно же иметься такое единство либидо и власти, где не только само «*либидо становится полностью политическим*» (перевод наш. — А.С.) [Laruelle F., 1977b, p. 105], но и где оно одновременно продолжает быть «детерминирующей-детерминированной материей политики» (перевод наш. — А.С.) [Laruelle F., 1977b, p. 105]. Если либидо — это материя, детерминирующая отношения власти, то политика должна быть осмыслена как сама материальность материи, конкретная историческая реальность или существование бессознательного.

Для Ларюэля чтение «Анти-Эдипа» связано с одним более общим вопросом. Якоб Ванхейст обращает внимание, как делезовская инклюзивная дизъюнкция, применяемая здесь по принципу дополнительности или комплементарности Нильса Бора [Laruelle F., 1977a, p. 97], отличается от ларюэлевского применения инклюзивной

дизъюнкции — как отношения двойственности (а не дуальности или дуализма) между либидо и властью. «Комплементарность это инклюзивная дизъюнкция, где два противоположных объекта или более, тем не менее, объединены отношением дополнения [друг к другу]» (перевод наш. — А.С.) [Vangeest J., 2020]. Различие между объектами или терминами может оставаться дизъюнктивным, тем не менее, это различие «утверждает термины дизъюнкции, утверждает их посредством их удаления друг от друга, не ограничивая один термин другим и не исключая один из другого» [Делёз Ж., Гваттари Ф., 2007, с. 125]. Однако такой тип дизъюнкции охватывает то, что различено (Ванхейст отдельно прослеживает спинозистские импликации такого решения, хотя и частично оспаривает подобную трактовку Делёза, как и существование у него «натурализма»), предлагает «взгляд сверху», закон *соединения* терминов, и дуализм, как с «Ангелом», оборачивается господским монизмом, в котором уживаются дизъюнкции молярного и молекулярного, параноического и шизофренического, господства и восстания. Радикализуя принцип комплементарности заимствуемым у Деррида принципом *восполнения* (*supplément*) — немного позже перейдем к этой замене, — Ларюэль пробует усилить саму делёзовскую инклюзивную дизъюнкцию (скорее, развивая делёзовскую мысль, нежели перечеркивая ее), направив ее на окончательную ликвидацию монизма.

Рассмотрим «спор о натурализме» либидинальной экономики как происходящий из более фундаментального вопроса о смысле инклюзивной дизъюнкции. Если Восстание и Господство зависят от колебаний интенсивностей либидо и его экономики как их едином истоке (детерминация политики бессознательным), то, вместе с тем, между ними пока еще нет *прямого* непосредственного (законом, формой) противоречия или двойственности, и две истории, Господства и Восстания, постулируются как бы со стороны, внешним образом, под формой некоего закона: дискурсивной или либидинальной реальности. Ведь, в конце концов, на уровне содержания философского высказывания наблюдаемы самые разные терминологические противопоставления, дуалистские пары непримиримых между собой понятий: молекулярное — молярное, Восстание — Господство и т.д. Правда, достаточно ли для философа, как замечает сам Делёз, *провоз-*

глашать многое, чтобы эти слова имели хоть какой-нибудь вес [Deleuze G., 1977, p. 23]? Или, возможно, прежде чем поставить ту или иную проблему морали, философ может озадачиться вопросом, как сама эта проблема могла бы быть поставлена *морально* [Jambet C., Lardreau G., 1978, p. 18]. *Постулировать* дуализм мало. Он сам должен быть *произведен*, не просто заявлен, но взят как опорная точка или принцип мышления, который действительно бы отправлялся от него, а не от монизма, и *одновременно* проблематизирован *в самом акте своего теоретического полагания* (почему Ларюэлю ближе термин двойственность: но, как и с Восстанием, достаточно ли ввести новый термин?) Поэтому имеет смысл обратить внимание не только на тезисное содержание ларюэлевской теоретической программы, но и на то, что «теория как утвердительное влечение больше не противопоставляется не-теории или аффекту, она прожигает себя как аффект» (перевод наш. — А.С.) [Laruelle F., 1977a, p. 248]. Вместо внешнего приложения проблемы бессознательного к политике имеется противоречивое единство власти (*rouvoir*) и либидо, политическая реальность самого бессознательного, но также — *противоречивое единство либидо и власти, с одной стороны, и их теории — с другой*. Однако, опять же, это единство не голословно. «Ницшеанская политика» предполагает философскую, теоретическую и *в том же смысле* необходимую политическую проблематизацию и самокритику собственных тезисов как *(все еще) дуалистских*. В теории бессознательного последнее, “само по себе”, и тети-ческая форма, в которую будет облечена *его* теория, не предполагают две внешние друг другу реальности: объект теории с одной стороны, а с другой — всего только эксплицирующий этот объект анализ. Напротив, первое имманентно второму. Происходит *«слияние (в последней инстанции) либидо и его теории»* (перевод наш. — А.С.) [Laruelle F., 1977a, p. 21], когда тезисы о либидо, власти и языке должны сами, вместе с теорией, куда они вписаны, сделаться влечением. Ларюэль заинтересован в аффекте, через который проверяется его практика письма [Laruelle F., 1977a, p. 254]. Аффект здесь выражает определенное отношение к самой философской теории. Так, терминологические противопоставления, введения дуализмов или утверждение свободного потока желания как некоей реально-

сти бывают политичны только на словах и слабы на уровне акта: они подходят к своему объекту внешне и как к всего лишь описываемой ими реальности, но не дают последней затронуть саму мысль о них до основания. Можно еще сказать, что такой подход и выражает Господский и реактивный *взгляды* на политику как делегированное и как на представление, которые он созерцают извне, сводя активные силы Восстания к сфере значения, к терминам и обозначаемым ими противоположностям и дуальностям на единой сцене. Речь о том, чтобы привести теорию либидо и либидо теории к их проблематическому и всегда неравновесному, ассиметричному единству, а так саму теорию — к ее границам и упадку (*déclin*) в качестве философского *взгляда* на политику, всего лишь некоей политической картины мира.

Таким образом, выбор между двойственностью и дуализмом оказывается заряженным определенным аффектом сопротивления господским тенденциям внутри самого дуализма. Во-первых, двойственность или прямое противоречие перекладывается на саму инклюзивную дизъюнкцию между Восстанием и Господством, активными и реактивными силами как агентами ницшеанской политики. Отсюда выводится определение силы «как влечения и власти» [Laruelle F., 1977b, p. 13]. Ницшеанская политика имеет дело с «“противоречивым” единством власти и либидо *под (sous) властью*» (перевод наш. — А.С.) [Laruelle F., 1977b, p. 40], где «под» (*sous*) можно трактовать как обозначение восполнения уже по отношению к самой паре «*physis – techne*»: либидо не есть некая сырая естественная энергия; как производительная сила оно одновременно находится ниже и выше уровня отношений власти, будучи их детерминирующей (производящей), но и детерминируемой ими в свой черед (отношения власти — это сама материальность материи или ее реальность) материальной причиной. Во-вторых, здесь раскрывается значение очерченной выше дискуссии для понимания самой теории ницшеанской политики как влечения. Активные восстающие силы — бессознательное в его молекулярном режиме — являются а-означающими (термин Делёза и Гваттари), они ответственны как за производство, так и за последующую критику и деструкцию языка *как* системы значений и инструмента власти (*pouvoir*), а следовательно —

на деструкцию и ослабление теоретических претензий дуализма опосредовать противоречие между силами некоей формой или законом (будь то либидо или дискурс); реактивные силы предполагают молярное функционирование либидо и стремятся свести деятельность активных сил *только* к значению, к позиции означающего или означаемого, и ограничивая его в качестве средства политического (и) философского доминирования [Laruelle F., 1977b, p. 218]. «Воля к мощи», о которой немного говорилось ранее, играет двойственную роль в отношении между силами, определяя их критический потенциал. Она предполагает одновременно творческое изобретение (*invention*), но в то же время интервенцию (*in(ter)vention*) активных сил в уже было замкнувшуюся на себя и построенную ими систему или теоретический корпус [Jeremy R.S., Vangeest J., 2021]. У активных сил достаточно энергии, чтобы не только дать место означающему и господской дискурсивности (на чем останавливается сила реактивная), а также основанной на них *теории* ницшеанской политики, но и делать всегда еще один дополнительный и необратимый шаг, становясь безразличными или суверенными к означиванию, а-означающими. Ницшеанская политика, будучи сотканной из бесчисленного множества таких восполнений, обретает свой собственный объект: анти-власть и анти-означающее как нулевую степень власти и означивания (обобщая: господской дискурсивности): «Воля к мощи, в таком случае, больше не означает волю к власти (*volonté de pouvoir*)... но энную мощь власти, всякая формой которой включает в себя нулевую степень или анти-власть. Когда еще удавалось лучше раскритиковать и разоблачить с помощью этой стратегемы или этой стратегии волю к насилию, на которой держится западная мысль, политическая или иная?» (перевод наш. — А.С.) [Laruelle F., 1977b, p. 61–62].

Заключение

Хотя на протяжении данного текста не раз различались дуализм Делёза и ангелизм и двойственность ницшеанской политики, акцент на различиях или приставках сделан здесь больше для того, чтобы выделить общие корни. Якоб Ванхейст и Джереми Смит в отношении Делёза и Ларюэля подчеркивают, что для обоих мысль — это *вмешательство и изобретение*.

Нечто похожее мы замечаем в ангелизме и ницшеанской политике, к которым можно применить слова Жюль Греле: «Теоризм (théorisme) означает всего лишь любовь (к) теории, иначе говоря, любовь восстания, радикальной борьбы против вечного врага: Необходимости» [Grelet G., 1988, p. 182], даже переодетой в свободу или безразличие либидинальных потоков и воли к власти. Восстание и свобода не являются отдаленным будущим, некоей утопией, но становятся отправной методической и критической точкой для философской мысли. Последняя, в конечном счете, неотличима от своего предмета и образует с ним на гностический манер, но одновременно предельно проблематичным образом, не теорию восстания, а теорию-восстание, выражающую любовный интерес теории к восстанию *в том же смысле* (ибо кого люблю, тех обличаю и наказываю), в котором последнее сопротивляется заложенным в ней тенденциям к господству, философскому и иному.

Список литературы

- Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
- Лакан Ж. Семинары. Книга XX: Еще (1972–1973) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2011. 176 с.
- Лакан Ж. Семинары. Книга XVII: Изнанка психоанализа (1969–1970) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос, 2008. 272 с.
- Лакан Ж. Написанное: в 2 т. Т. 1. М.: Ad Marginem, 2024. 496 с.
- Лиотар Ж.-Ф. Либидинальная экономика. М.: Изд-во Ин-та Гайдара; СПб.: Ф-т свободных искусств и наук СПбГУ, 2018. 472 с.
- Deleuze G. Dialogues. New York: Columbia University Press, 1977. 157 p.
- Grelet G. Un bréviaire de non-religion. Du théorisme, gnose rigoureuse comme antidote au nihilisme // *Discipline hérétique*. Paris: Kimé, 1998. P. 182–216.
- Jambet C., Lardreau G. L'Ange. Paris: Grasset, 1976. 236 p.
- Jambet C., Lardreau G. Le Monde. Paris: Grasset, 1978. 281 p.
- Jeremy R.S., Vangeest J. Aleatory Gnosis: In(ter)vention and Quantagonism // *Philo-Fictions: La Revue des non-philosophies*. 2021. Vol. 5. P. 102–120.
- Laruelle, F. Le déclin de l'écriture. Paris: Aubier-Montaigne, 1977. 285 p.
- Laruelle F. Nietzsche contre Heidegger. Payot: Paris, 1977. 252 p.
- Vangeest J. Nietzschean Problematics // *Electronic Thesis and Dissertation Repository*, 2020. № 7295. URL: <https://ir.lib.uwo.ca/etd/7295> (accessed: 31.05.2025).

References

- Deleuze, G. (1977). *Dialogues*. New York: Columbia University Press Publ., 157 p.
- Deleuze, G. and Guattari, F. (2007). *Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 672 p.
- Grelet, G. (1998). [A breviary of non-religion: Theorism, rigorous gnosis as an antidote to nihilism]. *Discipline hérétique* [Heretical discipline]. Paris: Kimé Publ., pp. 182–216.
- Jambet, C. and Lardreau, G. (1976). *L'Ange* [The Angel]. Paris: Grasset Publ., 236 p.
- Jambet, C. and Lardreau, G. (1978). *Le Monde* [The world]. Paris: Grasset Publ., 281 p.
- Jeremy, R.S., Vangeest, J. (2021). Aleatory gnosis: In(ter)vention and quantagonism. *Philo-Fictions: La Revue des non-philosophies* [Philo-Fictions: The Review of non-philosophies]. Vol. 5, pp. 102–120.
- Lacan, J. (2008). *Seminary. Kniga XVII: Iznanka psikoanaliza (1969–1970)* [Seminar. Book XVII: The other side of psychoanalysis (1969–1970)]. Moscow: Gnosis Publ., Logos Publ., 272 p.
- Lacan, J. (2011). *Seminary. Kniga XX: Esche (1972–1973)* [Seminar. Book XX: Encore (1972–1973)]. Moscow: Gnosis Publ., Logos Publ., 176 p.
- Lacan, J. (2024). *Napisannoe: v 2 t.* [Writings: in 2 vols]. Moscow: Ad Marginem Press Publ., vol. 1, 496 p.
- Laruelle, F. (1977). *Le déclin de l'écriture* [The decline of writing]. Paris: Aubier-Montaigne Publ., 285 p.
- Laruelle, F. (1977). *Nietzsche contre Heidegger* [Nietzsche against Heidegger]. Paris: Payot Publ., 252 p.
- Lyotard, J.-F. (2018). *Libidinal'naya ekonomika* [Libidinal economy]. Moscow: Institut Gaidara Publ., St. Petersburg: Faculty of Liberal Arts and Sciences SPBU Publ., 472 p.
- Vangeest, J. (2020). Nietzschean problematics. *Electronic Thesis and Dissertation Repository*. No. 7295. Available at: <https://ir.lib.uwo.ca/etd/7295> (accessed 31.05.2025).

Об авторе

Сквородко Александр Денисович

аспирант кафедры теоретической
и социальной философии

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет,
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83;

преподаватель кафедры философии

Саратовская государственная
юридическая академия,
410056, Саратов, ул. Н.Г. Чернышевского, 104/3;

e-mail: skovorodko11182000@mail.ru

ResearcherID: JNT-0922-2023

About the author

Alexander D. Skovorodko

Postgraduate Student

Saratov National Research State University
named after N.G. Chernyshevsky,
83, Astrahanskaya st., Saratov, 410012, Russia;

Lecturer of the Department of Philosophy

Saratov State Law Academy,
104/3, N.G. Chernyshevsky st., Saratov, 410056,
Russia;

e-mail: skovorodko11182000@mail.ru

ResearcherID: JNT-0922-2023

УДК 101(075.8)

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-64-75><https://elibrary.ru/htlycf>

Поступила: 20.03.2025

Принята: 26.08.2025

Опубликована: 02.04.2026

ВЕГЕТАТИВНОЕ МОЛЧАНИЕ КАК ФОРМА АВТОКОММУНИКАЦИИ

Штайн Оксана Александровна

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Статья посвящена исследованию феномена вегетативного молчания как формы автокоммуникации, которая противопоставляется социальной коммуникации человека. Автор анализирует философские, литературные и культурные аспекты взаимодействия человека с природой, акцентируя внимание на проблеме антропоцентризма и необходимости перехода к экологическому пакту, основанному на равноправном диалоге с природой. В статье рассматриваются взгляды таких мыслителей, как Мишель Серр, Майкл Мардер, Людвиг Витгенштейн, Мартин Хайдеггер и др., а также приводятся примеры из литературы и искусства, иллюстрирующие различные формы взаимодействия человека с растительным миром. Особое внимание уделяется роли молчания как способа выражения природы, которое не требует слов, но передает информацию через химические реакции, позы и взаимодействия. Автор подчеркивает, что вегетативное молчание не только онтологически обуславливает природу, но и предлагает новый взгляд на коммуникацию, где природа становится равноправным субъектом диалога. В статье также исследуется историческое развитие представлений о природе, начиная с античных времен и заканчивая современными экологическими концепциями. Автор показывает, как антропоцентрическая парадигма, доминирующая в западной философии и культуре, привела к тому, что природа воспринимается как ресурс, а не как равноправный партнер. Это требует переосмысления наших отношений с окружающим миром и поиска новых форм коммуникации, которые бы учитывали интересы не только человека, но и природы. В качестве примера автор приводит работы Мишеля Серра, который предлагает отказаться от термина «окружающая среда» в пользу более равноправного взаимодействия с природой. Особое внимание в статье уделяется роли молчания в коммуникации. Автор показывает, что вегетативное молчание является не просто отсутствием звука, а особым способом выражения, который требует нового подхода к пониманию взаимодействия человека и природы. Молчание природы не является отсутствием коммуникации, а представляет собой особый способ выражения, который требует нового подхода к пониманию взаимодействия человека и природы. В заключение автор подчеркивает необходимость перехода к экологическому пакту, который предполагает равноправное взаимодействие человека и природы, и призывает философов активно участвовать в разработке экологических концепций.

Ключевые слова: вегетативное молчание, автокоммуникация, экологический пакт, антропоцентризм, природа, философия, социальная коммуникация, растительное мышление.

Для цитирования:

Штайн О.А. Вегетативное молчание как форма автокоммуникации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 64–75. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-64-75>. EDN: HTLYCF

VEGETATIVE SILENCE AS A FORM OF AUTOCOMMUNICATION

Oksana A. Shtayn

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

The article explores the phenomenon of vegetative silence as a form of autocommunication, which is contrasted with human social communication. The author analyzes philosophical, literary, and cultural aspects of human interaction with nature, focusing on the problem of anthropocentrism and the need for transition to an ecological pact based on equal dialogue with nature. The article examines the views of thinkers such as Michel Serres, Michael Marder, Ludwig Wittgenstein, Martin Heidegger, and others, as well as cites examples from literature and art that illustrate various forms of human interaction with the plant world. Special attention is paid to the role of silence as a means of expression of nature that does not require words but conveys information through chemical reactions, postures, and interactions. The author emphasizes that vegetative silence not only ontologically conditions nature but also offers a new perspective on communication where nature becomes an equal party to the dialogue. The article also explores the historical development of ideas about nature, from ancient times to modern ecological concepts. The author shows how the anthropocentric paradigm, dominant in Western philosophy and culture, has led to nature being perceived as a resource rather than an equal partner. This requires rethinking of our relationship with the environment and a search for new forms of communication that would take into account the interests of not only humans but also nature. As an example, the author cites the works of Michel Serres, who proposes abandoning the term ‘environment’ in favor of a more equitable interaction with nature. Special attention is paid to the role of silence in communication. The author demonstrates that vegetative silence is not merely the absence of sounds but a unique form of expression that requires a new approach to understanding the interaction between humans and nature. The silence of nature is not a lack of communication but a special way of expressing itself, which requires a new approach to understanding the interaction between humans and nature. In conclusion, the paper emphasizes the need for transition to an ecological pact that implies equal interaction between humans and nature, the author calls on philosophers to actively participate in the development of ecological concepts.

Keywords: vegetative silence, autocommunication, ecological pact, anthropocentrism, nature, philosophy, social communication, plant thinking.

To cite:

Shtayn O.A. [Vegetative silence as a form of autocommunication]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 64–75 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-64-75>. EDN: HTLYCF

Наверное, из всего сущего, какое есть, всего труднее нам осмыслить живое существо, потому что, с одной стороны, оно неким образом наш ближайший родственник, а с другой стороны, оно все-таки отделено целой пропастью от нашего экзистирующего существа.
[Хайдеггер М., 1993b, с. 199].

Введение

В современном мире, где экологические проблемы становятся все более острыми, вопрос

взаимодействия человека с природой приобретает особую значимость. Антропоцентризм как установка модерна (XVII–XX вв.) трансформировал отношение к природе, что особенно заметно у Бэкона и Декарта, так что природа стала рассматриваться как ресурс, а не как равноправный партнер. Однако в античности (стоики) и современной экологической философии (Серр, Мортон) природа рассматривается иначе. Это требует переосмысления наших отно-

шений с окружающим миром и поиска новых форм коммуникации, которые бы учитывали интересы не только человека, но и природы.

Целью данной работы является исследование феномена вегетативного молчания как формы автокоммуникации, которая противопоставляется социальной коммуникации человека. Автор стремится показать, что молчание природы не является отсутствием коммуникации, а представляет собой особый способ выражения, который требует нового подхода к пониманию взаимодействия человека и природы.

В основе данной работы лежит феноменологический подход, поскольку он позволяет исследовать вегетативное молчание не как отсутствие коммуникации, а как особый модус бытия природы. Феноменология (М. Хайдеггер, В. Бибихин) акцентирует внимание на способах явленности мира, что критически важно для анализа неантропоморфных форм выражения. Если традиционные теории коммуникации фокусируются на языковых и знаковых системах, то феноменология раскрывает, как природа «говорит» через собственное присутствие — будь то рост растений, их реакции на среду или химические сигналы. Этот подход позволяет избежать редукции молчания к пассивности, показав его как активное, но иное по отношению к человеческому логосу, измерение.

Для деконструкции антропоцентрических установок применяется критический анализ концепций М. Серра и М. Мардера. Серр, предлагая «договор с природой», разоблачает иллюзию человеческого превосходства, а Мардер, развивая идею «растительной демократии», переносит фокус на политическую субъектность растений. Этот метод дополняется экологической герменевтикой — интерпретацией «языка» природы через ее материальные проявления (например, изменения экосистем как «высказывания»). Такое сочетание методов помогает преодолеть бинарность субъекта и объекта, показывая, что молчание природы — не недостаток, а альтернативная форма коммуникации.

Междисциплинарность (философия, экология, литературоведение) здесь не случайна: если философский анализ выявляет онтологические основания вегетативного молчания, то экология предоставляет эмпирические данные о невербальных взаимодействиях в природе, а

литературные примеры (Толстой, Паустовский) демонстрируют, как антропоморфизм и поэтизация раскрывают границы человеческого понимания «голоса» природы. Таким образом, методология работы строится на пересечении описания, критики и интерпретации, что позволяет предложить новый взгляд на коммуникацию за пределами антропоцентризма.

В качестве ответа на экологические кризисы исследуется роль молчания как формы коммуникации, которая не требует слов, но передает информацию через другие каналы. Автор показывает, что вегетативное молчание является не просто отсутствием звука, а особым способом выражения, который требует нового подхода к пониманию взаимодействия человека и природы.

Вегетативное молчание понимается в работе не как пассивное отсутствие речи, а как особая форма бытия, выражающаяся через витальные процессы — рост растений, их химическую сигнализацию, реакцию на среду. В отличие от человеческой коммуникации, основанной на дискурсе, оно представляет собой имманентный способ существования природы, где «высказыванием» становится само жизненное проявление. «Социальная коммуникация» трактуется шире антропоцентрической модели: в соответствии с достижениями АСТ (акторно-сетевой теории), она включает взаимодействие с нечеловеческими акторами (растениями, животными, стихиями), что требует пересмотра традиционных представлений о субъектности. «Антропоцентризм» рассматривается не как универсальная черта западной философии, а как специфика модерна (хайдеггеровская критика «постава», мортоновская деконструкция «природы»), где человек становится единственным мероопределяющим центром.

Концепт «договора с природой / экологического пакта» (М. Серр), предполагающий равноправный договор человека и природы, сознательно противопоставляется «экологии без природы» (Т. Мортон) [Мортон Т., 2019], отвергающей сам термин «природа» как антропоцентрическую конструкцию. Это противопоставление раскрывает напряжение между попыткой включить природу в этический дискурс (Серр) и радикальной критикой его оснований (Мортон). Аналогично, «молчание» у

Витгенштейна (предел говоримого, граница языка) отличается от хайдеггеровского «молчания» как способа явленности бытия: если первое маркирует невозможность выражения, то второе — фундаментальный способ присутствия. Такое терминологическое размежевание позволяет избежать эклектики и выстроить последовательную аргументацию.

От «окружающей среды» к «договору с природой»

Мишель Серр начинает свою книгу «Договор с природой» с обращения к высказываниям и ведением жизнеписания Франциска Ассизского, который разговаривал с животными, пел с птицами, называл цветы и плоды братьями и сестрами. В историко-философском ключе он привлек в качестве примера Лукреция с поэмой «О природе вещей», Лафонтена с басней «Юпитер и Мызик». Все эти активные контексты потребовались для того, чтобы постепенно вывести из обихода выражение «окружающая среда» [Серр М., 2022, с. 11], потому что этот термин, как и некогда геоцентризм, неверно истолковывает расположение природных сил, выдвигая человека в качестве центральной единицы мироздания. «Мир, будь он живой или неживой, не образует собой, как мы это высокомерно себе представляем, окружность, в центре которой находимся мы с вами, полагая себя неким стержнем, полюсом притяжения или штабом командования» [Серр М., 2022, с. 12].

Природа, согласно Серру, может и должна стать нашим равноправным партнером, производящим ценные значения в коммуникации, и равнозначным участником действий. У человека и природы разные типы коммуникации, точнее, в природе нет коммуникации, которую мы именуем социальной, но мы включаем в эту коммуникацию природу в качестве потерпевшего, страдательного, замолкшего от страданий, принимая на себя ответственность за ее участь на основании абсолютного безмолвия. Вегетативное молчание социально акоммуникативно, но коммуникативно в ином измерении явленного страдания, наподобие стигматов святого Франциска.

Мишель Серр указывает на безмолвие как на прямую ущербность. В этом проявляется наше снисходительное отношение к природе как к *environnement* — «окружающей среде», от лат.

vertere — кружиться, вращаться. Этот термин не возвращает нас к природе, но вращает ее вокруг нас. В круге вращения (головокружения) человек совмещает ипостаси субъекта и объекта: все вращается вокруг него, и он сам начинает испытывать головокружение от силы своей научной и технической мысли.

Антропоцентризм — это психологический геоцентризм, когда каждый человек чувствует себя не только Солнцем, но и королем-Солнцем. Можно вспомнить расхожую ложную этимологию «*homo*»: человеческое «*humus*» не только о человеке, но и о земле. «*Humilis*», «*humī*», «*humus*» — «земля». Хочется понищеански добавить: «Человеческое, слишком человеческое», т.е. берущее от земли силу силой. Человечеству необходимо культурно дорасти до уровня, хоть и условного, «подписания договора» с природой, предполагающего наличие двух равных сторон. Этот договор не связан временем и предварительной раздачей статусов, и поэтому не может быть страдательным ни для одной из сторон.

Право на молчание

Растительное молчание не только онтологически обуславливает природу, но и дает права человеку распоряжаться своими возможностями молчать и говорить, писать или не писать (как Франциск) по своему усмотрению. Исследовать растительное молчание значит развивать революционное мышление, которое выводит новый класс растений, незамеченный и угнетаемый, на исторически-правовую арену, отменяя прежние структуры несправедливого угнетения бэконовского характера под лозунгом «Бери и пользуй». М. Хайдеггер вводит ключевое понятие «поставы» (*Gestell*), раскрывающее суть новоевропейского отношения к природе как к «ресурсу», подлежащему расчету и эксплуатации. Его критика направлена на преодоление инструментального мышления, где природа лишается собственного бытия, становясь лишь сырьем для человеческих проектов. Альтернативу Хайдеггер видит в «языке вещей» — способе, каким сущее являет себя вне антропоморфных интерпретаций.

Грядет новая смена парадигмы: от геоцентризма к гелиоцентризму-антропоцентризму и, наконец, к экологическому пакту. В качестве примера Серр приводит «Экологический пакт»

Франции, акцентируя внимание на формате «пакт», что подразумевает использование военной терминологии. Можно сказать, что война с природой на истребление началась с промышленной революции. Пакт — это всегда грань и граница между фантазией о мире и реальностью «худого» мира, где грань схождения оказывается виртуальным пересечением растительных потенциалов. Слово и молчание исследователя как реализация свободы должны превратить аристотелевскую потенцию в энергию.

В Калифорнии с 1970-х гг. развивается так называемое «deer ecology» — природоохранное движение. Это общественное, экономическое, но не политическое движение, потому что человечество продолжает жить с представлением о том, что политика не касается тех, кто не имеет голоса, кто экзистует в молчании. Реализация человеком свободы подразумевает вектор свободных решений, где природа человека и природа вообще обретает решительность — иначе реализация расстается с *res*, вещью, имуществом, становится неимущей и грабительской, грабит природу. А где *res*, там и *res publica*, общее дело, т.е. то имущество, которое сводит частные интересы в общее экзистирование интереса (*inter-est*, нахождения между). Медийность, среда, экзистует, и растения тоже становятся активны.

Природа — новый субъект права, договор с ней должен выйти на равноправный диалог. «Отныне люди возвращаются в мир, мирское — во всемирное» [Серр М., 2022, с. 84]. Возвращение означает, что «к исключительно общественному договору следует добавить договор с природой о совместном проживании и взаимодействии, благодаря которому наше отношение к вещам от господства и владения перешло бы к восхищенному вниманию взаимности, созерцанию и уважению» [Серр М., 2022, с. 85].

Язык природы

На каком языке говорит с нами природа? «Мы не говорим на языке этого мира или знакомы всего лишь с некоторыми из его версий: языком анимизма, религии, математики» [Серр М., 2022, с. 87]. Земля говорит с нами на языке сил, связей и взаимодействий.

Земля говорит на языке исполняемого шаманом «танца грома» или «танца травы»: «Люди первобытного мира находятся в гармонии с

двумя равно естественными для них мирами: миром повседневной реальности и миром духов, окружающих их в повседневной реальности», — почти вторит О.М. Фрейденберг [Серр М., 2022, с. 63]. Шаманы архаических племен оборачивались в растения, животных, вступая в разговор с духами. Поймав его, оседлав его и даже улетев с ним в другой мир, они обретали знание, извещая или просто вещая соплеменникам на другом языке, языке природы. Шаман — оборотень. В «Мифах народов мира» оборотничество определяется как «магическая перемена облика персонажа. Преимущественно — временное превращение с последующим возвратом к первоначальному виду» [Неклюдов С.Ю., 1982, с. 234]. Исследователь первобытной культуры Дарья Пашинина различает феномены «оборотничества» и «оборачивания» [Пашинина Д., 1999]. Оборачивание происходит с потерей человеческой сущности, чему в пример персонажи Финист — ясный сокол, Волк Всеславьевич. Оборачивание — это экзистенциальная тревога, драма и потеря. Оборотничество не подразумевает смены сущности: фараонки — полурыбы-полудевы, nereиды, что помогли найти золотое руно, сирены, нинге с лицом девушки и телом рыбы. Леви-Стросс приводил пример маску человека-степи, что надевал шаман. В любом случае, и оборачивание, и оборотничество — это «язык аминизма, религии и математики», о котором писал М. Серр. Недаром свою книгу Жан-Ив Кусто назвал «В мире безмолвия» [Кусто Ж.-И., 1957]. Его море — это мир безмолвия, а звук — это окликание, море уже окликнуло, приманило и потому безмолвствует, как безмолвствуют сирены, приманившие рыбаков и путешественников. Как говорит строка из стихотворения Элитиса в переводе А.В. Маркова, «И это тоже разболтало море» (из сборника Элитиса «Древо света и четырнадцатая красота», сообщено переводчиком).

Человек не в силах вместить свое присутствие только в языковую систему. Он может отсутствовать от самого себя, он всегда не в себе, его всегда больше, он переполняется собой. Он *res publica* в потенции и язык для всего бытия в своей энергии.

Как говорил В.В. Библихин, «люди могут отсутствовать, потому что заранее уже есть присутствие, от которого они отсутствуют, которое они упускают» [Библихин В.В., 1995, с. 30]. Раз-

ница в языке в том, что, когда люди умолкают, их молчание истолковывается Другими ошибочно. «Присутствие — мое, но не так, как пальто мое, а так, как имя мое. Чужое присутствие касается меня, принадлежит мне немногим меньше, чем мое собственное» [Бибихин В.В., 1995, с. 30]. Мы постоянно завоевываем себя и Других, и язык как наша энергия постоянно оспаривает полномочия этого завоевания. Только истинная энергия разольется в пакте с растительным и животным миром.

В.В. Бибихин, как мы скажем ниже, интерпретирует молчание природы как «успех» бытия — способ, каким сущее присутствует в мире, не нуждаясь в репрезентации через язык. Для Бибихина лес или растение уже «успели» быть собой до всякой человеческой интерпретации, что делает их молчание не недостатком, а полнотой. М. Мардер, напротив, политизирует эту онтологию, утверждая, что растения как политические субъекты требуют не только признания их бытия, но и включения в этико-правовое поле [Мардер М., 2024]. Если Бибихин акцентирует невозможность «перевода» вегетативного молчания на человеческий язык, то Мардер настаивает на необходимости такого перевода — пусть и через радикальный пересмотр самих понятий политики и права. Это противоречие отражает ключевую дилемму экологической философии, начиная с Мортон: как мыслить природу вне антропоцентризма, не лишая ее при этом голоса.

При-сут-ствие как при сути бытия

Что такое присутствие? Это синоним бытия как сингулярности или единичности. Неоплатоник Ямвлих определял единицу (монаду) как «начало числа»: «Единица — начало числа, существующее до всякого полагания, включая божественное» [Ямвлих Халкидский, 1988, с. 395]. Растения присутствуют в монолитном, без двойного дна, молчании, их мир един, как единица, цел. Людвиг Витгенштейн в «Логико-философском трактате» определил мир как «все то, что имеет место» [Витгенштейн Л., 1958, с. 116], его известная фраза «О чем нельзя говорить, о том следует молчать» взывает к интерпретации молчания как цельного монолитного бытия.

Природа безмолвствует. Это не просто шум ветра или «Буря мглою небо кроет, вихри

снежные крутя, то как зверь она завоет, то заплачет как дитя». Она иссушается или впадает в буйное невесеннее цветение. Скрипят сосны в бору или вздыхает река под тяжестью мазутных пятен, которые перекрывают кислород. Можно вспомнить, что у Лейбница чем выше располагается монада, тем она чувствительнее, восприимчивее, — собственно, из учений Лейбница и Спинозы, перевода «его на немецкий язык для поэтов, переложивших это в метафоры для сентиментальных бюргеров» [Ружмон Д. де, 2025, с. 239], и произошли романтические представления о воле и языке природы, отраженные в школьных стихах о природе наших поэтов. Только Тютчев понимает природу как уже взявшую слово, уже заявившую свое первенство в *res publica* фантазии, тогда как Лейбниц говорит о верховной монаде как ничего не заявляющей, а просто творящей мир и потому обрекающей себя на предельную медийную чувствительность, на сверхстрадание. Монада информирует обо всем, но информируя, она оформляет себя как восприимчивую. Тогда растение — это единица такой информации, оно чувствует, но не говорит.

Райский сад чувствует, что Адам ведет себя правильно или неправильно, но не говорит. Речь у сада появляется, когда появляются ценности — камни японских садов, драгоценные камни Апокалипсиса Иоанна Богослова, Камушки от Серебряного Копытца в Сказах Бажова. Иначе говоря, когда появляется манифестация чего-то, за что можно бороться, происходит эмансипация, не позволяющая кому-либо заявить, что он уже занял свое место в *res publica* и никому его не отдаст.

Мишель Серр говорит об ответственности философов за не/составлении экологического пакта. Майкл Мардер, автор «Растительного мышления. Философии вегетативной жизни», выступает не только за онтологическое обоснование, но и за политическую эмансипацию мира растений. Он называет возможное политическое пространство «растительной демократией», где никто не заявляет себя «царем горы» и нет «игры в кальмара».

Вопросы о растительном мире объединяют этику и онтологию. Философская мысль отстранилась от проблематизации вегетативной жизни, которая находится в зоне ответственности ботаников, биологов и медиков. Вегетатив-

ная жизнь не прибегает к вокализации. Растения выражают себя через химические реакции, позы. Язык растений существует в гиперматериалистической традиции (это «язык вещей» Хайдеггера или «язык как таковой» Бенямина), и эта традиция чутка к пространственным отношениям между одушевленными и неодушевленными сущими.

Растения лишены голоса и не могут обращаться к другому и к себе. Социальной коммуникации и автокоммуникации у них нет. Понж в «Фауне и флоре» [Ponge F., 1994] говорит, что они без голоса, но издают звуки в сочетании со стихиями: завывание ветра, нагнетание тумана или крик об экологической помощи розового снега. Растения ничего не скрывают. Раз нет социальной коммуникации в традиционном понимании этого термина, то нет социального уличения. «Безмолвие растений оказывает непреодолимое сопротивление механизмом субъективной самоидеализации, позволяющим субъекту присутствовать перед самим собой в тесной связи слышания-себя-говорящим. Несовпадение растения с собой — эффект его молчания» [Мардер М., 2024, с. 94].

Молчание может представлять метод аскезы (Орден траппистов) или вид духовной практики (упосата у буддистов). Социальное безмолвие — это всегда ответ или раздумья перед ответом. К. Ясперс писал: «Тот, у кого есть окончательные ответы, может больше не говорить с другим, прерывая подлинную коммуникацию ради того, во что он верит» (цит. по: [Сонтаг С., 2025, с. 23]). Согласно Ясперсу, автокоммуникация и есть подлинная коммуникация, ответственная не во взятии на себя ответственности, но в каждом, даже беглом ответе.

Вегетативное безмолвие также подлинно и завершено. Молчание и речь человека это социальное кривляние, вечное заигрывание с собой и другими: «О себе, — писал Витгенштейн, — нельзя не писать более правдиво, чем пишешь. Вот разница между писанием о себе и о том, что внешне. О себе ты пишешь с высоты собственного положения. Ты стоишь не на подпорках и не на перекладине лесенки, а упираешься в землю босыми ногами» [Витгенштейн Л., 2010, с. 62]. Земля, в которую упираются босые ноги, не кривит и не обманывает, ей не знаком механизм социальной и автокоммуникации. «Нет ничего труднее, чем обманыв-

ать себя», — продолжает Витгенштейн [Витгенштейн Л., 2010, с. 63]. Человек все время находится на пределе экзистенциальных состояний, вопросов и борьбы с собой. «Нельзя говорить правду, если не победил себя. Нельзя говорить правду, потому что ты еще недостаточно умен» [Витгенштейн Л., 2010, с. 65]. Растения не располагаются в диалектическом отношении к себе, они совпадают с собой в витальном трафарете, в матрице начального замысла. «Место, в которое мне нужно попасть, — то, в котором я уже нахожусь» [Витгенштейн Л., 2010, с. 31].

Человеческая неспособность общаться с растениями посредством голоса приводит к тому, что человек объективирует растения, начиная говорить за них, часто ошибочно выполняя функции, которые он сам себе делегирует от лица растений, как бы глядя им в лицо, но говоря за них.

Взятый на себя голос — это уже проявление власти, или, как говорит Мардер, «власти, не дарованный им (людям. — *О.Ш.*) теми, кого они берутся представить» [Мардер М., 2024, с. 214]. Мардер упоминает выражение «растительная пролиферация», означающее стремление растения к времени без возврата к себе. Можно сказать, что это начало эмансипации, уравновешенное растительными силами, не знающими, где у них потенция, а где энергия, человеческого библейского грехопадения или буддистской сансары. Если человек не может вернуться к истокам, то растение возвращается к собственному началу как собственной «программе», пользуясь выражением Бибихина. Бибихин остроумно замечал, что «лес всегда уже успел сомкнуться вокруг», он оказался при себе раньше, чем мы обратились к себе и стали познавать себя. Это не механизм растения, но и не его антропоморфизм — Бибихин отрицает обе крайности: механицизм и антропоморфизм, в пользу «успеха» растения, которое всегда возвращает его к матрице собственного проявления, в том числе собственного голоса, входящего в рост.

Голос власти и голос растения: литературная традиция воспитания

Голос растения — это возможность проголосовать за жизнь в тесноте: лес, согласно Бибихину, тесен, подобен сну или галлюцинации, где

одни образы теснят другие, но именно голос растения, а отнюдь не наш логос, не наш подсчет деревьев и листьев на деревьях делает лес лесом. Наш логос приходит в момент, когда растение замолкло, чтобы нас резко разбудить. Но даже разбуженные, мы оказываемся частью леса, потому что мы частное той жизни, которая теснит нас со всех сторон. Логос жизни, встречая мерку нашего существования, делит себя на существования, оставляя нас в остатке как жителей леса. Таков экзистенциальный лес Бибикина.

Совсем по-другому, идеально, мы выстраиваем воспитательный процесс, одухотворяя, одушевляя природу и прививая детям навык гуманного обращения с ней. В рассказе «Как ходят деревья» Л.Н. Толстой пишет: «Черемуха, чтобы ее не глушила липа, перешла из-под липы на дорожку, за три аршина от прежнего корня» [Толстой Л.Н., 1982, с. 195]. Черемуха Толстого не Древень Толкиена, читающий собственные стихи, но она вершит сознательные действия. Здесь как раз липа глушит, т.е. буквально заглушает, лишает голоса. А голос состоит в голосовании-действии, пересечении дорожки, проходе через собственный корень. Растение не просто возвращается к себе, своей матрице, а более, чем возвращается в себе, входит в свой корень и вновь прорастает автономным решением.

В другом рассказе «Яблони» Лев Николаевич Толстой сравнивает дерево с человеком: «Кора у деревьев — те же жилы у человека: через жилы кровь ходит по дереву и поднимается в сучья, листья и цвет» [Толстой Л.Н., 1982, с. 117]. Хотя это кажется дидактическим приемом, представляется, что здесь тоже имеется в виду такое вхождение дерева в себя, ведь речь не о кровообращении, а о подъеме сока как оживлении листьев, т.е. вхождении дерева в собственную сущность, благодаря которой оно может оказаться живым. Это не логос кровообращения, а голос первых живых листьев.

У К. Паустовского в «Стальном колечке» Варюша весной на опушке слушает колокольный перезвон: «...белые подснежники чуть-чуть качались, кивали заре, и каждый цветок позванивал, будто в нем сидел маленький жук кузика-звонарь, и бил лапкой по серебряной паутине» [Паустовский К.Г., 1983, с. 13]. Здесь, в отличие от Толстого, происходит антропомор-

физация природы, причем через несколько этапов: цветок сближается с жуком, а жук — со звонарем. Это своеобразная механика кукольного театра. Но в ней тоже цветок должен для кого-то прозвучать, дать голос, для какого-то условного жука (ведь для нашего уха не звенят цветы), чтобы цветок был воспринят как колокольчик. Неслышимый звук воспринимается невидимым ухом невидимого субъекта, а именно чтобы цветок вернулся к своей сущности быть самим, быть заметным, реорганизовать природу, где вдруг появляется колокольня, колокол и обычай колокольного звона. Здесь вхождение в собственный рост есть реорганизация природы как храма, «Природа, мир, тайник вселенной...».

В детских литературных сказках антропоморфизация природы имеет в виду голос как способность природы устыдиться, быть скромной, быть застенчивой. Словенский писатель Владислав Кухта в книге рассказов о природе пишет: «...сосулька слезы льет: жалко ей, что остались от зимы лишь клочья снега» [Кухта В., 1982, с. 3] или о ручейке, который «скоро встретится со старшими сестрами-речками и расскажет им, что весна наконец-то его расковала» [Кухта В., 1982, с. 4], о том, как «спят грибы» [Кухта В., 1982, с. 19] или о «стыдливом цветочке» [Кухта В., 1982, с. 19], о подсолнухе, что просыпается вместе с солнышком или об исписанном солнце листике, который «невидимыми буквами записывает все, что повидал на белом свете» [Кухта В., 1982, с. 53], какая «странная музыкантша эта метелица» [Кухта В., 1982, с. 63]. Так мы знакомимся с природой, выдавая за нее свой голос, рассказывая о ней своим голосом. Здесь природа оказывается не столько заявляющей что-то, сколько постоянно смущающейся тому, что в ней происходят перемены, и набирающаяся смелости одновременно с ростом смущения. Только так можно рассказать не только о неизменном, но и об изменчивом в природе.

Растительные формы — начало конструктивных, клеточных структур: пчелиные соты, корневые пути, звериные норы. Растительное молчание — тайна конструкции, которая потом создается разумно. В ней есть и некоторая остановка перед сборкой, конструкцией, как перед забором. Мы признаем архитектуру и архитектонику растений, но не стремимся туда

вселяться, чтобы не нарушить ее шумом, тогда как на своей территории можем шуметь сколько угодно. Мы чувствуем, что социально наш шум уместен, но внутри органических структур он свидетельствует о том, что мы нарушили какой-то данный нам социальный порядок.

Именно такое отношение к растительному молчанию, как к забору, мы встречаем у Артюра Рембо. Растительное безмолвие — это когда ограда становится только тенью растения, выюны винограда или дикого огурца перемахивают через ограду и почти эротически молчат: «Писаю высоко и далеко, до бурого неба, с одобрения рослых подсолнухов» — хулигански-метафорическое справление физиологических потребностей мыслится как естественное поведение, которое не должны осуждать люди (пьяный должен справить нужду), но могут осудить еще более естественные цветы. Они это поведение не осуждают, потому что берегут свое бытие. В таком сбережении (сберегательный режим) вегетативное молчание не имеет зеркального отражения и сопутствующих травм и комплексов, т.к. оно не обращается в речь к самому себе (даймон Сократа). Человек все время вступает в социальную коммуникацию с Другим, делая Другим и самого себя (Я всегда не в себе, вне себя), тогда как растение отвлекается на свой начальный рост. Это хранение себя, а не молчание как выбор сохраниться в дальнейшем — в пределе, в горизонте, пророческий выбор.

**Молчание природы
как голос автокоммуникации:
кинематографический опыт**

Полнота и непроницаемость бытия растений являются атрибутами молчания. Если молчащий человек непроницаем для Другого, то безмолвие открывает массу вариантов для его интерпретации («Persona» Бергмана). Безмолвие — это пророчество: «Подобно тому, как язык указывает на свою трансцендентность в безмолвии, безмолвие указывает на речь за пределами безмолвия», — писал Л. Витгенштейн [Витгенштейн Л., 1958, с. 25]. Речь просвещает, успокаивает, смущает, побуждает к действию, но речь также может хранить молчание. Безмолвие, в отличие от речи, имеет менее обязательные формы употребления, одна из которых — подтверждение отсутствия мысли. «Все то, что во-

обще может быть мыслимо, должно быть ясно мыслимо. Все то, что может быть сказано, должно быть ясно сказано. Но не все, что может быть мыслимо. Может быть сказано!» [Витгенштейн Л., 1958, с. 116].

В социальной реальности безмолвие нередко используется как магическая или миметическая процедура в случае репрессивных социальных отношений. Например, в иезуитских предписаниях относительно беседы со старшими или при наказании детей, которые вошли благодаря иезуитским школам как норме средней школы в полицейскую педагогику нового времени: «Встань в угол и с тобой я до завтрашнего дня не разговариваю». Здесь молчание понимается как магия работы со временем: с кем не разговаривают до конца дня, уже не будет в следующие дни своей жизни вести себя неподобающим образом, будет находить логос каждого дня. Но найдет ли он молчание растения, которое не полицейское, а часто почти хулиганское, соперничающее с хулиганством Рембо?

Вегетативное молчание способствует свершению человеческой автокоммуникации с последующими оценками, что и является альтернативной контролирующему логосу. В 2024 г. вышел анимационный фильм австралийского режиссера Адама Эллиота «Мемуары улитки», в котором рассказ ведется не от лица улитки, а от девочки Грейс, обращающейся к улитке Сильвии. Характеристики Улитки мы считываем в характере девочки, которая после потери родных закрывается в себе. Потеряв логос общения с родными, она сначала теряет голос, потому что считает, что может пробить какую-то границу.

Грейс живет в комнате, наполненной живыми улитками и улитками-сувенирами, ходит в шапке улитки, которую ей связал отец. Так она начинает постепенно обретать голос своей судьбы, и вегетативное безмолвие, безмолвие образования органических структур, вязания, которое только и позволит рано или поздно логосу судьбы раздаться не как отбрасывающему в прошлое, а как позволяющее действовать здесь и сейчас.

Молчание ее любимицы Сильвии воспринимается ею как одобрение и внимание, как структуры памяти, органическая, клеточная, находящая ячейки для любых случайных порыв-

вов. Мемуары — вид автокоммуникации, обращение себя к себе. Рассказ, который ведется от себя себе, всегда порывист и иногда несправедлив, и только умение слышать голос наступающей судьбы, как слышат шаги судьбы, делает мемуар достоверным. Это не просто умение считаться с другими, но умение претворить логос прошедших событий в голос постоянного напоминания себе о себе, разочарований в себе и очарований своей реакцией на неожиданное.

Мемуары улитки — типичный художественный пример автокоммуникации. Грейс повествует о себе через Сильвию. Ее история полна слез и разочарований, чего не встретишь в истории самой Улитки. У улиток нет разочарований, как нет разоблачений. Они не очаровывают и не развенчивают чары, они уже очарованы реакцией, которая с ними, в их улиткином домике.

«Мемуары Улитки» — Грейс о Грейс. В схожем по названию произведении «Барт о Барте» философ не только пишет философские мемуары. Его биография, как берлинское детство Беньямина, обращена к самому себе, только на месте. Сильвиями оказываются читатели. Барт говорит о прямой связи автокоммуникации с молчанием. Так, он рассказывает о своем отце, который погиб на войне, когда Барту было мало лет. Барт его не помнил: «Воспоминания о нем, опосредованные матерью и никогда не угнетавшие, лишь мягко затрагивали мое детское сознание, словно какой-то почти безмолвный дар» [Барт Р., 2002, с. 23]. Этот безмолвный дар и есть реакция, только не в улиткином домике, а в свидетельствах, вещах, фотографиях.

Ближе всего к вегетативному молчанию находятся дети. Это проявляется не только в большей дружбе детей и животных, детей и насекомых, но и в отсутствии дискурса памяти, самоотречения, разочарования как тревоги, т.к. они еще не включились осознанно в социальную коммуникацию. Ими можно манипулировать, но сами они не манипулируют. «Молчание прежде всего о молчании», — говорил М. Хайдеггер [Хайдеггер М., 1993а, с. 301] Для человека молчание — это временно не совершаемая речь, немота — это неспособность речи, а для растительного мира молчание — постоянно длящееся бытие.

Выводы

Итак, вегетативное молчание представляет собой особую форму автокоммуникации, которая противопоставляется социальной коммуникации человека. Молчание природы не является отсутствием коммуникации, а представляет собой особый способ выражения, который требует нового подхода к пониманию взаимодействия человека и природы.

Проведенное исследование демонстрирует, что вегетативное молчание представляет собой не отсутствие коммуникации, а ее принципиально иную форму, бросающую вызов традиционному антропоцентризму. Если классическая философия рассматривала природу как молчаливый фон человеческой деятельности, то феноменологический анализ (Хайдеггер, Бибихин) и акторно-сетевая теория показывают: растения «коммуницируют» через собственные витальные процессы. Это требует отказа от дихотомии «субъект – объект» и признания нечеловеческих способов бытия как равноправных модусов существования.

Концепция «экологического пакта» (Серр) выходит за рамки чисто этического требования справедливости по отношению к природе. Сам термин «природа» (на что обращали много раз внимание и Бруно Латур, и Тимоти Мортон [Мортон Т., 2019] в разных работах) несет в себе антропоцентрические импликации, что ставит под сомнение возможность «договора» с тем, что уже концептуально противопоставлено человеку. Поэтому пакт требует прежде всего онтологического переворота — пересмотра категорий, через которые мы мыслим жизнь, материальность и взаимодействие. Это означает не просто включение природы в моральную сферу, но радикальную трансформацию самих оснований философского мышления.

Парадокс вегетативного молчания заключается в том, что, с одной стороны, оно требует политического признания (Мардер), а с другой — сопротивляется любой попытке «озвучивания» (Бибихин). Растения как политические субъекты нарушают привычные представления о действии и речи, заставляя переосмыслить саму природу власти и представительства. Однако их молчание — это не тишина пассивности, а «говорение» через материальные практики, что ставит под вопрос саму возможность

адекватного перевода их «языка» на человеческие термины. Это создает напряжение между необходимостью действовать (экологический кризис) и невозможностью полностью понять того, с кем мы пытаемся вступить в диалог.

Исследование вегетативного молчания открывает перспективу постантропоцентрической философии, где коммуникация не сводится к вербальному обмену, а бытие — к человеческому измерению. Такой подход предполагает: отказ от иерархии между человеком и другими формами жизни; разработку новых онтологических моделей, учитывающих материальную активность нечеловеческих акторов; пересмотр политических и правовых концепций в свете экологического кризиса.

Мы увидели необходимость перехода к экологическому пакту, который предполагает равноправное взаимодействие человека и природы. Для этого необходимо учесть природу воспоминаний и детских переживаний, которые лучше всего отвечают пластичности природы. Такой пакт должен быть основан на уважении к природе и признании ее как равноправного субъекта диалога. Философия играет важную роль в формировании нового взгляда на природу и взаимодействие с ней. В статье предлагаются возможные направления для дальнейших исследований, включая изучение роли молчания в других формах коммуникации, а также разработку новых экологических концепций, которые бы учитывали интересы природы. Переход к новому пониманию взаимодействия человека и природы требует не только теоретических разработок, но и практических действий. Но эта практика требует новой теории молчания не просто как прерывания коммуникаций, но как создания коммуникации нового формата. Будущее экологической мысли лежит не в простом «очеловечивании» природы, а в способности услышать ее молчание — не как отсутствие смысла, а как призыв к радикально иному способу мышления и существования.

Список литературы

Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М.: Ад Маргинем, 2002. 288 с.

Бибихин В.В. Мир. Томск: Водолей, 1995. 144 с.

Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ: Астрель, 2010. 250 с.

Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1958. 128 с.

Кусто Ж.-И. В мире безмолвия. М.: Мысль, 1957. 408 с.

Кухта В. Белый колокольчик. М.: Детская лит., 1982. 128 с.

Мардер М. Растительное мышление. Философия вегетативной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2024. 240 с.

Мортон Т. Статья экологичным. М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. 240 с.

Неклюдов С.Ю. Оборотничество // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1982. Т. 2: К – Я. С. 234–235.

Пашинина Д. Оборотничество и оборачивание // Логос: философско-литературный журнал. 1999. № 6(16). С. 83–93.

Паустовский К.Г. Стальное колечко. Л.: Детская литература, 1983. 64 с.

Ружмон Д. де. Любовь и западный мир. СПб.: Алетейя, 2025. 464 с.

Серр М. Договор с природой. СПб.: Изд-во Европейского ун-та, 2022. 222 с.

Сонтаг С. Образцы безоглядной воли. М.: Ад Маргинем Пресс, 2025. 272 с.

Толстой Л.Н. Как ходят деревья // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 10. С. 195–196.

Толстой Л.Н. Яблони // Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. М.: Худ. лит., 1982. Т. 10. С. 116–117.

Хайдеггер М. Из диалога о языке. Между японцем и спрашивающим // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 273–302.

Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / сост. и пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 192–220.

Ямвлих Халкидский. Теологумены арифметики // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 2. М.: Искусство, 1988. С. 395–419.

Ponge F. Selected Poems / transl. by C.K. Williams et al. Winston-Salem, NC: Wake Forest University Press, 1994. 236 p.

References

Barthes, R. (2002). *Roland Bart o Rolane Barte* [Roland Barthes par Roland Barthes]. Moscow: Ad Marginem Press, 288 p.

Bibikhin, V.V. (1995). *Mir* [The world]. Tomsk: Vodoley Publ., 144 p.

Cousteau, J.-I. (1957). *V mire bezmolviya* [The silent world: a story of undersea discovery and adventure]. Moscow: Mysl' Publ., 408 p.

Heidegger, M. (1993). [A dialogue on language: between a Japanese and an Inquirer]. *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Heidegger, M. Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 273–302.

Heidegger, M. (1993). [Letter on humanism]. *Khaydegger M. Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Heidegger, M. Time and being: Articles and speeches]. Moscow: Respublika Publ., pp. 192–220.

Iamblichus of Chalcis (1988). [Theologians of Arithmetic]. *Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki. Posledniye veka. Kn. 2* [Losev A.F. The history of ancient aesthetics. The last centuries. Book 2]. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 395–419.

Kukhta, V. (1982). *Belyy kolokol'chik* [The white bell]. Moscow: Detskaya literatura Publ., 128 p.

Marder, M. (2024). *Rastitel'noe myshlenie. Filosofiya vegetativnoy zhizni* [Plant-thinking: a philosophy of vegetal life]. Moscow: Ad Marginem Publ., 240 p.

Morton, T. (2019). *Stat' ekologichnym* [Being ecological]. Moscow: Ad Marginem Press, 240 p.

Neklyudov, S.Yu. (1982). [Werewolfism]. *Mify narodov mira v 2 t., gl. red. S.A. Tokarev* [A.S. Tokarev (ed.) Myths of the peoples of the world: in 2 vols]. Moscow: BSE Publ., vol. 2, pp. 234–235.

Pashinina, D. (1999). [Werewolfism and shapeshifting]. *Logos*. No. 6(16), pp. 83–93.

Paustovsky, K.G. (1983). *Stal'noe kolechko* [The steel ring]. Leningrad: Detskaya literatura Publ., 64 p.

Rougemont, D. de. (2025). *Lyubov' i zapadnyy mir* [Love in the Western world]. St. Petersburg: Al-eteya Publ., 464 p.

Serres, M. (2022). *Dogovor s prirodoy* [A contract with nature]. St. Petersburg: European University Publ., 222 p.

Sontag, S. (2025). *Obraztsy bezoglyadnoi voli* [Styles of radical will]. Moscow: Ad Marginem Press, 272 p.

Ponge, F. (1994). Selected Poems (transl. by C.K. Williams et al.). Winston-Salem, NC: Wake Forest University Press, 236 p.

Tolstoy, L.N. (1982). [Apple trees]. *Tolstoy L.N. Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Tolstoy L.N. Collected works: in 22 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 10, pp. 116–117.

Tolstoy, L.N. (1982). [How trees walk]. *Tolstoy L.N. Sobranie sochineniy: v 22 t.* [Tolstoy L.N. Collected works: in 22 vols]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., vol. 10, pp. 195–196.

Wittgenstein, L. (2010). *Kul'tura i tsennost'. O dostovernosti* [Culture and value. About authenticity]. Moscow: AST: Astrel' Publ., 250 p.

Wittgenstein, L. (1958). *Logiko-filosofskiy traktat* [Tractatus Logico-Philosophicus]. Moscow: Izdatelstvo inostrannykh yazykov Publ., 128 p.

Об авторе

Штайн Оксана Александровна

кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии,
Уральский гуманитарный институт

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: shtaynshtayn@gmail.com
ResearcherID: ID: KQV-1280-202

About the author

Oksana A. Shtayn

Candidate of Philosophy, Associate Professor
of the Department of Social Philosophy,
Ural Institute of Humanities

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: shtaynshtayn@gmail.com
ResearcherID: ID: KQV-1280-202

УДК 101.1

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-76-84><https://elibrary.ru/itxepu>

Поступила: 16.03.2025

Принята: 12.08.2025

Опубликована: 02.04.2026

НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ КАК ФОРМА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТИ

Жукова Екатерина Алексеевна

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского (Санкт-Петербург),

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства

и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Зачастую в обыденном представлении научное знание сводится лишь к набору давно известных фактов и объективных утверждений. Вопреки данному мнению, автор статьи отмечает, что развитие науки представляет собой динамичный процесс в сложной сети взаимодействий, обусловленный социокультурным влиянием. Поэтому оно связано с активным сотрудничеством субъективных мировоззренческих установок, их согласованием в рамках методологических ориентиров. Это напрямую влияет на разнообразие и выбор исследовательских стратегий, а также на формирование научных теорий, что полностью нивелирует представление о науке как о нейтральной, объективной данности. В статье предлагается подход к научному знанию как к результату, верифицируемому в пространстве интересубъективности через коммуникативные практики и нормативные структуры. Коммуникативные пространства продуцируют и апробируют новые смыслы, нормативные структуры формируют и очерчивают границы, в рамках которых новаторские научные идеи получают институциональное признание и закрепление. Научное знание локализовано между индивидуальными познавательными интенциями и социальными институтами, интегрирует отдельные научные инициативы и оказывает влияние на достижение консенсуса в научном сообществе. Поэтому интересубъективность обладает абсолютной потенциальностью в объективации и обеспечении общезначимости научных инициатив ученых посредством доступа к институциональным механизмам. Общность осмысленной и совместной деятельности людей, коммуникативная среда, обеспечивающая социализацию знания через концептуализацию научных понятий и признание исследовательских открытий, формируют интересубъективный подход к науке, который чувствителен к новаторству, открывает новые перспективы и в то же время обеспечивает сохранение и преемственность научного опыта.

Ключевые слова: интересубъективность, научное знание, социальный институт, научный язык.

Для цитирования:

Жукова Е.А. Научное знание как форма репрезентации интересубъективности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 76–84. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-76-84>. EDN: ITXEPY

SCIENTIFIC KNOWLEDGE AS A FORM OF REPRESENTATION OF INTERSUBJECTIVITY

Ekaterina A. Zhukova

*Russian Christian Humanitarian Academy named after F.M. Dostoevsky (Saint Petersburg),
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg)*

Scientific knowledge is often perceived as a set of objective and constant facts, but the author of the article notes that science is a dynamic process shaped by subjective worldviews and sociocultural context. The study of scientific knowledge as a form of representation of intersubjectivity brings to the fore the study of its nature, mechanisms of construction, and its participation in social processes. Scientific knowledge is considered as localized between individual cognitive intentions and social institutions, integrating individual scientific initiatives and influencing the achievement of consensus in the scientific community. This forms a communicative environment conducive to the socialization and development of scientific experience; normative structures delineate the boundaries of acceptability and determine which innovations gain institutional recognition. Recognizing scientific knowledge as intersubjective emphasizes its provisional character, plural methodological landscapes, and dependence on institutionalized validation procedures. The commonness of meaningful collaborative human activity, the communicative environment that ensures the socialization of knowledge through the conceptualization of scientific approaches and the recognition of research discoveries, creates a flexible and innovative approach to science that opens up new perspectives while ensuring the preservation and continuity of scientific experience. Re-conceiving science as intersubjective representation, we obtain a more realistic view of how knowledge is produced and integrated within society.

Keywords: intersubjectivity, scientific knowledge, social institution, scientific language.

To cite:

Zhukova E.A. [Scientific knowledge as a form of representation of intersubjectivity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 76–84 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-76-84>, EDN: ITXEPY

Введение

Эдмунд Гуссерль, анализируя возможность возникновения теоретического знания, считает, что оно становится возможным лишь благодаря выявлению особого идеального пространства, конституированного идеальными объектами, обладающего свойствами, коренным образом отличными от свойств окружающего мира [Стародубцева Е.П., 2001]. Рассуждения философа выстраиваются на основании того, что научное знание формируется в потенциале абсолютности истины, неподвижности картины мира и постоянства аргументов в том мире, где идеальное противостоит социальному, по-

скольку не имеет никакого отношения к тому, что М. Каган именуется человеческой деятельностью. Повседневность вместе с ее предрассудками и предположениями мыслится как пассивное «воплощение» и расходится с миром чистых истин. «Активность» и «самостоятельность» присущи только сфере идеального [Мотрошилова Н.В., 1968, с. 35], поэтому, например, в проекте логических исследований у Гуссерля нет места для реального, эмпирического. Истинствующий субъект должен быть способным к идеальному смыслоприданию и смыслообразованию [Гуссерль Э., 2024, с. 304]. Гуссерлевская феноменологическая редукция объясняется необходимостью достижения «чи-

стого созерцания» сущности вещей и, с точки зрения построения научного знания, оказывается ненадежной опорой.

Вне поля зрения Гуссерля остается то, что базовые принципы мироустройства являются следствием социокультурного взаимодействия. Таким образом, научное знание осваивается как традиция, оно транслируется через социальные институты, но в то же самое время ему свойственны динамичность, изменчивость. В результате исторической рефлексии очевидно, что научное знание непрерывно развивается в континууме смены парадигм, норм и социальных отношений. Гумбольдт справедливо отмечает: «Все основывается на соблюдении принципа взгляда на науку, как на нечто, еще не полностью обретенное и никогда целиком не обретаемое» [Humboldt W. von, 1903, S. 253] (цит. по: [Гумбольдт В. фон, 2002]). Поэтому знание выступает творимым пространством интеллектуальной воли, преобразующимся со стороны познающего разума. В «Логических исследованиях» Гуссерль подчеркивает, что законы логики и математики имеют идеальный характер. Тем не менее, ранее нерушимая теорема Пифагора становится иной после открытия неевклидовых геометрий. Так, именно интересубъективность задает условия и методы исследовательского поиска и интеграции научного знания, в пространстве интересубъективности оно синтезируется и верифицируется.

Социальный статус познания

Феноменологическая редукция дает нам в лучшем случае бесспорную очевидность существования «Я». Однако, не может быть *cogito* без *cogitatum*. Щюц отмечает, что человек приходит в мир, осмысленный обществом, принимая от него готовые смыслы [Смирнова Н.М., 2014, с. 322]. Этот мир присутствует в качестве *cogitatum*, выступая условием опыта и знаний субъекта, поэтому игнорировать его невозможно. Тот историко-философский факт, что *cogitatum* характеризовался со стороны *cogito*, имел своим последствием трансформацию *cogitatum* исключительно в «субъективную репрезентацию» [Ландгребе Л., 2018, с. 94]. В результате феноменологической редукции происходит не возникновение, а наоборот — утрата того, что необходимо присуще для формирования нового знания.

Н. Мотрошилова отмечает, что вопрос о связи идеальных всеобщих форм и законов логики с закономерностями индивидуальной деятельности человека очень сложен. Но только из его анализа можно понять, как и почему в различных формах конкретно-исторического действия индивидов воплощаются принципиально единые, «всеобщие» законы — как «вечное» возникает из «временного», надиндивидуальное — из индивидуального [Мотрошилова Н.В., 1968, с. 32]. Динамика научного знания тесно связана с его историчностью и невозможна без практического освоения мира человеком. Теоретическое знание является культурно-историческим феноменом. Оно возникло в контексте исторического развития цивилизации и культуры на определенных стадиях этого развития, породивших теоретическую науку и ценность научной рациональности [Степин В.С., 2003, с. 17]. Его прогресс ведет к расширению границы изучения действительности — за одними характеристиками бытия, кажущимися порой последними «кирпичиками» мироздания, обнаруживаются более глубокие фундаментальные пласты реальности [Мальцева Л.Л., 2008]. Немалую роль в этом играет активность субъектов. Чешский феноменолог Ян Паточка настаивает на укорененности знания в динамизме жизненного мира, который есть не что иное, как поле взаимодействия между субъектами. Новые смыслы раскрываются в процессах отношений внутри сообществ. И они непосредственно связаны с социально разделяемыми способами понимания действительности. Поэтому знание, как и, впрочем, незнание, вплетены в экзистенциальный и культурный контекст, где субъект ответственен перед другими за свою интерпретацию мира, ее объяснение и обоснование [Studia Phaenomenologica, 2007, p. 177–179].

Интерсубъективность чувствительна к социальным изменениям и стремится к воспроизведению и трансляции новых смыслов. И на наш взгляд, это именно то пространство, которое динамизирует аксиологические и праксеологические компоненты научного знания, вовлекая их в процесс социальной изменчивости. Этот процесс делает науку социокультурным явлением, а знание — историчным, эволюционным. Однако известны также и обратные примеры исторической эволюции науки. Это постепен-

ные перерождения научных форм в чистую идейность, растворение знания в структурах смысла, «платонизация» науки. Дело в том, что устаревшие научные теории не исчезают бесследно, а встраиваются в культурную память, приобретая метатеоретический статус. Метатеория утрачивает связь с реальностью, а вместе с ней и научный контекст. В этом случае знание существует уже как форма ориентации в культурном пространстве, оперируя не научно-познавательными категориями, а образами, памятью и символами. Роль интересубъективности в этом процессе велика, ведь метатеория — это результат коллективной работы, связанной с фиксацией, интерпретацией, кодификацией и тиражированием идей, являющихся фоном для определенных социокультурных направлений.

Университет — отражение идеального порядка вещей

Университет репрезентирует общественные установки и выполняет научные функции в обществе. Одной из его функций является аккумуляция и передача готовых систем знаний, прошедших через многолетние процедуры рецензирования и выдержавших множество дискуссий. Традиции, связанные с накопленным сводом практик, обеспечивают интересубъективную связность поколений ученых. Так, интересубъективность вполне может представлять собой консервативную силу, ориентированную на устойчивость. Ввиду этого, наука в университете не всегда и не обязательно является неким флагманом развития современного общества, ведь функции науки как социального института преимущественно связаны со стабилизацией социокультурного контекста, с преемственностью традиций, с сохранением своей идентичности. Д. Дубровский также отмечает препятствующую радикальным изменениям академическую среду и устойчивость науки к новым идеям и инновациям: «...даже строгость их доказательств не обеспечивает принятия в научное сообщество, потому что за самим фактом принятия стоят убеждения, теоретические предпосылки, не позволяющие увидеть общезначимость. Другими словами, этого не позволяют более широкие и прочные убеждения, символы веры, ценностные и парадигмальные установки, которые не совместимы с новацией, а новые теории и проекты не выдерживают

конкуренции» [Смирнова Н.М., 2014, с. 208]. Безусловно, интересубъективность в академической среде может выступать революционной силой. Но ее революционность не обязательно мгновенно смещает господствующую парадигму, она лишь постепенно подводит к преобразованиям в ней. Новые концепты институционализируются медленно и постепенно становятся частью современной науки. Однако следует отметить, что институционализируются далеко не все интересубъективные инновационные результаты научного опыта. Актуальность той или иной научной парадигмы зависит от мотивированности или немотивированности ее «объективации». Мотивированность «объективации» научного знания напрямую связана с общественными установками и социальными запросами.

К. Пигров пишет об императиве обязательств субъектов перед наукой: нужно обнаруживать истину, быть озаренным истиной, говорить истину. Власть в образовании очевидна, по мнению К. Пигрова, ведь образование суть быть целенаправленно формирующимся Другим, изменяться и приобщаться к высшим целям человеческой активности во имя Высшего закона [Пигров К.С., 2004]. И. Иллич обеспокоен возможностью творческого угасания и снижения критического интеллекта людей под нажимом образовательной индустрии. Образование, утверждает он, прививает молодому поколению только те ценностные представления и идеалы, которыми молодежь должна руководствоваться в своей жизни, поддерживая функционирование социальных структур. Эти ценностные представления и идеалы необходимы обществу, а не самим молодым людям [Лебедев С.М., 2012, с. 105]. Например, в работе «Спор факультетов» Кант рассматривает конфликт между богословским и философским факультетами, первый из которых он относит к высшему классу факультетов, а второй — к низшему. Разделение объясняется их общественной ролью и полезностью. Кант пишет: «Этим делением мы обязаны правительству, ибо к высшим отнесены те факультеты, учения которых интересуют само правительство независимо от того, сформулированы ли они так или иначе и должны ли они излагаться публично, а факультет, который должен заботиться только об интересах науки, назван низшим, ибо

он может обращаться со своими принципами так, как он считает нужным» [Кант И., 1966, с. 315]. Богословский факультет, опираясь на авторитет религиозной традиции, «служит» государственной власти в вопросах сохранения общественного порядка и морали, в то время как философский факультет ориентируется не на внешний авторитет, а на разум и критическое мышление каждого обучающегося. Разлад этих двух систем знаний, на наш взгляд, не преодолеть ввиду разницы их специфических социальных целей.

Таким образом, субъект оказывается ангажирован дискурсом, транслируемым социальными институтами. Выражаясь словами Гадамера, общественные структуры «набрасывают смыслы», но постулируемое знание должно быть доступно для проверки и признания другими субъектами. Интерсубъективность является критерием надежности знания и сферой его верификации, она подтверждает или опровергает его жизнеспособность. Процедура верификации сопровождается смысловым реконструированием, движима непротиворечивостью, последовательностью мышления субъекта и требует достижения смыслового взаимопонимания на уровне субъект-субъектных отношений. Видение объекта — это всегда свойство субъекта, а конституирование дискурса — это репрезентация метафизических оснований субъекта. Закономерно, что научный дискурс не может быть сведен к индивидуальным изолированным фрагментам опыта, он формируется в пространстве смыслов, в процессе взаимодействия между познающими субъектами, в акте конгенитальности. Это позволяет соединить индивидуальный опыт, общественное осмысление и традицию, установить истинность и достоверность знания через логические рассуждения или эксперименты, через обмен идеями, а также критику, благодаря которым знание может быть подкреплено доказательствами или уточнениями. Так, процесс научного познания включает в себя индивидуальные способности познающего в его компаративистском методе по отношению к результатам научного сообщества.

Верификация научного знания в диалоге и языке

Теоретик педагогики Паулу Фрейре видит организующим началом преобразующей образование деятельности диалогические отношения

между участниками педагогического процесса. В гуманистическом принципе свободного диалога заключается его основная концепция педагогики освобождения. Фрейре выступает против иерархичных отношений и «хитроумных инструментов господства» между учителем и учеником. Только конструктивному диалогу сознательных личностей под силу изменить образовательную реальность, сконституировать новый лик образования [Лебедев С.М., 2012, с. 106–107]. Также и Апель отмечает, что истина достигается путем консенсуса в пространстве свободного и равного диалога, субъект-субъектных отношений. Он говорит о коммуникативном сообществе, акцентируя внимание на принципе интерсубъективности в процессе верификации в науке [Апель К.-О., 2001, с. 259–260].

Поскольку истина будто бы отвечает априорной актуальности метафизических оснований и носит трансцендентальный характер, постольку существование субъект-объектных подходов к научному знанию неизбежно, наряду с субъект-субъектными. В субъект-объектном подходе возможность помыслить трансцендентальную зависимость предметного сознания и самосознания от диалога исчезает. Наличие идеальной формы мироописания не требует никакой интерсубъективной коммуникации и взаимопонимания, касающихся языкового употребления и связанной с ним интерпретации мира. Апель утверждает, что наличие «жизненного мира» или мира ситуаций не является необходимым условием, ведь в трансцендентальном измерении существуют лишь «уединенные» естествоиспытатели; каждый из них функционирует совершенно самостоятельно как трансцендентальный субъект описания мира на объективном языке вещей, и язык этот представляет собой язык всех остальных субъектов [Апель К.-О., 2001, с. 213]. Но следует отметить, что даже субъект-объектные подходы в определенном смысле репрезентируют интерсубъективность. Разумеется, в математике или физике мы обнаруживаем тенденцию к формализации и снижению личностного участия, тем не менее, здесь могут появляться новые стандарты интеллектуальной оценки, интерпретационные модели одной и той же теории. Например, квантовая механика имеет несколько интерпретаций, таких как копенгагенская или многомировая, под каждой

из которых подразумевается свой способ понимания фундаментальных принципов. Но эти интерпретации не являются взаимоисключающими, они представляют собой различные способы понимания одних и тех же экспериментальных данных. Попытка утверждать, что любое знание истинно лишь в рамках конкретной интерпретационной модели, приводит к недопониманию фундаментального аспекта познания, а объективация и абсолютизация знания как всеобъемлющего принципа приводит к догматизации и стагнации науки. Действительно, любое утверждение зависит от контекста, системы понятий, в которых оно формулируется. Однако результат, обусловленный выбором одной интерпретационной модели, не означает автоматический отказ от поиска другой, как не предполагает существования единой интерпретации мира. Напротив, признание относительности интерпретаций стимулирует более глубокое и критическое исследование самих интерпретационных моделей. Эти модели непосредственно связаны с процессом коммуникации через установление общих понятий и обозначений, где они объективируются в той мере, в какой они принимаются на основании согласованных критериев в языке.

Бенвенист подчеркивает, что любое знание конституируется и категоризируется в языке. Так, возможный мир определяется исходя из конституирующего его сознания, а за самой категоризацией «проступает всеобъемлющее понятие бытия» [Бенвенист Э., 1974, с. 111]. Именно язык определяет то, как субъекты познают мир и воспринимают реальность. В языке они определяют границы и формы того, что может быть осмыслено. Мышление приобретает форму тогда, когда оно высказывается, а мыслительные операции, абстрактные они или конкретные, получают выражение в языке. Нет никакой возможности воспринять содержание мысли, отличное от формы, которую придает ей язык. Языковая форма является условием передачи мысли и условием ее реализации [Бенвенист Э., 1974, с. 104–105]. На вопрос о том, какова же природа отношений между категориями мысли и категориями языка, Бенвенист отвечает: «Категории, действительные для мышления, оказываются транспозицией категорий языка. Язык придает основную форму тем свойствам, которые разум признает за вещами» [Бенвенист Э., 1974, с. 111]. Так, язык определяет и

способ восприятия, и способ мышления субъекта. Идея Бенвениста заключается в подтверждении гипотезы Сепира – Уорфа: разные языки структурируют реальность по-разному, любой язык — это новый способ различать категории и взаимодействовать с миром, поэтому изменения в языке отражают изменения в познании и в восприятии. Мы порожаем концепты через грамматические структуры, и эти концепты закрепляются в языке, превращаясь в предметы социального и культурного взаимодействия. Так, очевидно, что язык является движущей силой. Если он меняется, то появляется новая терминология, видоизменяются грамматические конструкции, все это напрямую отражается на мировосприятии, способствует возникновению новых способов мышления, связанных с различными аспектами социокультурной реальности.

Гуссерль отмечает, что получить доступ к реальности, которая не тождественна мышлению, нельзя. Бытие отражается в материале, выражающем отношение категориального акта к определенному предмету [Гуссерль Э., 2024, с. 275]. Категориальный акт отвечает теоретико-созерцательной установке, потому что простая чувственность не может в полной мере предложить осуществление категориальным интенциям. Скорее осуществление заключается каждый раз в чувственности, уже сформированной категориальными актами [Гуссерль Э., 2024, с. 22–23]. И. Лакатос справедливо утверждает, что нет и не может быть ощущений, данных в чувствах, не нагруженных ожиданиями: любое познание, включающее наблюдения, является уже теоретически-нагруженным, осуществленным в языке [Лакатос И., 2008, с. 295–296]. Гипотезы возникают не без участия определенных «переживаний». При теоретизировании они подтверждаются и познаются в своей самотождественности.

В «Начале геометрии» Гуссерль пишет: «Языковое воплощение из лишь внутрисубъективного делает образование объективным, таким, что положение дел действительно становится для всех понятным и значимым в своем смысле, уже в языковом выражении как дискурс...» [Гуссерль Э., 1996, с. 216]. Этот дискурс приобретает статус реальности, благодаря чему он воспроизводится в своей идентичности. Так, уже упомянутая ранее теорема Пифагора, выраженная на любом языке, существует один раз. Преодолевая время и побеждая пространство,

она стала общественно разделяемым знанием и единым незаменимым смыслом, сформировала прочный фундамент для развития науки, оставаясь открытой к интерпретациям. Так, акт мысли превращается в достояние научного сообщества, язык является единственным способом закрепить субъективный научный опыт, а интерсубъективность позволяет осмыслить взаимопереходы между индивидуальным творчеством и надличностной, социальной общепризнанностью его результатов [Огурцов А.П., 2009, с. 235–236].

Заключение

Научное знание — это не только и не столько статичная совокупность объективных фактов. Его необходимо рассматривать с учетом активного взаимодействия субъектов с миром в изменчивых культурно-исторических и социальных условиях. Игнорирование данных условий приводит к неполному пониманию эмпирической реальности и к искаженным результатам в науке. Наука как социальный институт тяготеет к консервативности, устойчивости и сохранению социокультурных и научных ценностей. Кант признавал подчинение науки и образования государственным интересам, определяя власть основным фактором в образовательной сфере. Солидарный с ним в этом мнении И. Иллич предлагает совсем радикальный проект — деинституализацию образования. Следует обратить внимание, что социальный институт науки вместе с тем отражает общественные установки, сопрягаясь с потребностями общества. Объективная реальность является непреложной основой подлинной научной интерсубъективности. Поэтому, на наш взгляд, важно ставить вопрос не о попытках игнорирования или изолирования образования как социального института в его традиционном смысле, но об образовании как о социокультурном явлении, о способах включения в них человека и об адаптации университетов к вызовам времени. В этом смысле предложение И. Иллича выглядит как стимул к обновлению форм исследовательского диалога. Любая научная гипотеза или теория обретают подлинное значение посредством верификации в языке — в терминах, категориях, понятиях, доступных научному сообществу. Актуализация процессов диалога человека с человеком в коммуникативно-осмысленном пространстве

продемонстрирует колоссальный потенциал интерсубъективности для науки. Его понимание разрешит противоречие между требованием объективности и учетом социокультурного «теперь»: интерсубъективное пространство одновременно сохранит преемственность в науке и открытость к новациям в ней.

Список литературы

- Апель К.-О.* Трансформация философии / пер. В. Куренной, Б. Скуратов. М.: Логос, 2001. 344 с.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика / под ред., с вступ. ст. и коммент Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. 448 с.
- Гумбольдт В. фон.* О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине / пер. с нем. С. Шамхаловой // Неприкосновенный запас. 2002. № 2(22). URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/ovnutrennej-i-vneshnej-organizacii-vysshih-nauchnyh-zavedenij-v-berline-1.html?ysclid=mn47rs6f7b113035875> (дата обращения: 18.01.2025).
- Гуссерль Э.* Логические исследования. Т. II, ч. 2: Элементы феноменологического прояснения познания / пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академ. проект, 2024. 335 с. EDN: RLKKN
- Гуссерль Э.* Начало геометрии / пер. с фр. и нем. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996. 269 с.
- Кант И.* Спор факультетов // Кант И. Сочинения: в 6 т. / пер. с нем. Б.А. Фохта. М.: Мысль, 1966. Т. 6. С. 311–348.
- Лакатос И.* Избранные произведения по философии и методологии науки / пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.Л. Никифорова, В.Н. Поруса. М.: Академ. проект; Трикста, 2008. 475 с. EDN: QWTSUT
- Ландгребе Л.* Феноменология Эдмунда Гуссерля / пер. с нем. и англ. И.И. Докучаева, З.В. Фиалковского, вступ. ст. И.И. Докучаева. СПб.: Русский Миръ, 2018. 382 с. EDN: YLLWDB
- Лебедев С.М.* Философская антропология. Человек многомерный. М.: Юнити-Дана, 2012. 351 с.
- Мальцева Л.Л.* Социальный статус современной науки // Logos et Praxis. 2008. № 2. С. 40–43. EDN: KUDWJF
- Мотрошилова Н.В.* Принципы и противоречия феноменологической философии. М.: Высш. шк., 1968. 127 с. EDN: SDJRNT
- Огурцов А.П.* Интерсубъективность как проблема философии науки // Философия науки и техники. 2009. Т. 14, № 1. С. 235–246. EDN: TPDDGN

Пигров К.С. Образование и насилие // Образование и насилие: сб. ст. / под ред. К.С. Пигрова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. С. 7–12.

Смирнова Н.М. Интерсубъективность в науке и философии. М.: Канон+, Реабилитация, 2014. 416 с. EDN: SZGSKH

Стародубцева Е.П. Интерпретация научной онтологии // Эпистемы – 2: материалы межвузовского семинара: альманах / сост. и общ. ред. Н.В. Бряник; Рос. филос. общ-во. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2001. С. 163–166. EDN: WGAJRP

Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция. 2003. 743 с.

Studia Phaenomenologica. Vol. VII/2007: Jan Patočka and the European Heritage / ed. by C. Ciocan, I. Chvatík; Romanian Society for Phenomenology, 2007. 297 p.

Humboldt W. von. Über die innere und äussere Organisation der höheren wissenschaftlichen Anstalten in Berlin // Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften. Bd X / Herausgegeben von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften. Berlin: B. Behr's Verlag, 1903. S. 250–260.

References

Apel, K.-O. (2001). *Transformatsiya filosofii* [The transformation of philosophy]. Moscow: Logos Publ., 344 p.

Benvenist, E. (1974). *Obschaya lingvistika* [General linguistics]. Moscow: Progress Publ., 448 p.

Ciocan, C., Chvatík, I. (eds.) (2007). *Studia Phaenomenologica*. Vol. VII/2007: Jan Patočka and the European heritage. Romanian Society for Phenomenology, 297 p.

Humboldt W. von (1903). [On the Internal and External Organization of the Higher Scientific Institutions in Berlin]. *Wilhelm von Humboldts Gesammelte Schriften*. Bd. X (Herausgegeben von der Königlich Preussischen Akademie der Wissenschaften) [Wilhelm von Humboldt's Collected Writings Vol. X (Edited by the Royal Prussian Academy of Sciences)]. Berlin: B. Behr's Publ., pp. 250–260.

Humboldt W. von (2002). [On the Internal and External Organization of the Higher Scientific Institutions in Berlin]. *Neprikosnovenny Zapas (NZ)*. No. 2(22). Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2002/2/o-vnutrennej-i-vneshnej-organizacii-vysshih-nauchnyh-zavedenij-v-berline-1.html?ysclid=mn47rs6f7b113035875> (accessed: 18.01.2025).

Husserl, E. (1996). *Nachalo geometrii* [Origin of geometry]. Moscow: Ad Marginem Publ., 269 p.

Husserl, E. (2024) *Logicheskie issledovaniya*. T. II, ch. 2: *Elementy fenomenologicheskogo proyasneniya poznaniya* [Logical research. Vol. 2, pt. 2: Elements of the phenomenological explanation of cognition]. Moscow: Akademicheskii projekt Publ., 335 p.

Kant, I. (1966). [Faculty dispute]. *Kant I. Sochineniya: v 6 t.* [Kant I. Works: in 6 vols]. Moscow: Mysl' Publ., vol. 6, pp. 311–348.

Lakatos, I. (2008). *Izbrannye proizvedeniya po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on philosophy and methodology of science]. Moscow: Akademicheskii projekt Publ.; Triksa Publ., 475 p.

Landgrebe, L. (2018). *Fenomenologiya Edmunda Gusserlya* [Phenomenology of Edmund Husserl]. St. Peterburg: Russkiy mir Publ., 382 p.

Lebedev, S.M. (2012). *Filosofskaya antropologiya. Chelovek mnogomernyy* [Philosophical anthropology. A multidimensional person]. Moscow: Yuniti-Dana Publ., 351 p.

Mal'tseva, L.L. (2008). [The social status of modern science]. *Logos et Praxis*. No. 2. pp. 40–43.

Motroshilova, N.V. (1968). *Printsipy i protivorechiya fenomenologicheskoy filosofii* [Principles and contradictions of phenomenological philosophy]. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 127 p.

Ogurtsov, A.P. (2009). [Intersubjectivity as a problem of philosophy of science]. *Filosofiya nauki i tekhniki* [Philosophy of Science and Technology]. Vol. 14, no. 1, pp. 235–246.

Pigrov, K.S. (2004). [Education and violence]. *Obrazovanie i nasilie: sb. st., pod red. K.S. Pigrova* [K.S. Pigrov (ed.) Education and violence: collection of articles]. St. Peterburg: SPbSU Publ., pp. 7–12.

Smirnova, N.M. (2014). *Intersub'ektivnost' v nauke i filosofii* [Intersubjectivity in science and philosophy]. Moscow: «Kanon+» Publ., ROOI «Reabilitatsiya» Publ., 416 p.

Starodubtseva, E.P. (2001). [Interpretation of scientific ontology]. *Epistemy – 2: materialy mezhvuzovskogo seminara: al'manakh* [Epistemes – 2: Proceedings of the Interuniversity Seminar: Almanac]. No. 2, pp. 163–166.

Stepin, V.S. (2003). *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical knowledge]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 743 p.

Об авторе

Жукова Екатерина Алексеевна

аспирант кафедры философии,
религиоведения и педагогики,
Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф.М. Достоевского,
191023, Санкт-Петербург, наб. реки Фонтанки, 15;

ведущий специалист отдела управления
научной работы,
Северо-Западный институт управления
Российской академии народного хозяйства и госу-
дарственной службы при Президенте
Российской Федерации,
199178, Санкт-Петербург, пр. Средний В.О.,
57/43, лит. А;

e-mail: k-philosopher@mail.ru
ResearcherID: MSW-4863-2025

About the author

Ekaterina A. Zhukova

Postgraduate Student of the Department
of Philosophy, Religious Studies and Pedagogy
Russian Christian Humanitarian Academy
named after F.M. Dostoevsky,
15, Fontanka River emb., Saint Petersburg, 191023,
Russia;

Leading specialist of the Scientific
Work Management Department,
North-Western Institute of Management, Russian
Presidential Academy of National Economy
and Public Administration,
57/43, letter A, Sredny ave. of V.I., Saint Petersburg,
199178, Russia;

e-mail: k-philosopher@mail.ru
ResearcherID: MSW-4863-2025

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-85-103><https://elibrary.ru/lgpooa>

Поступила: 22.07.2025

Принята: 15.11.2025

Опубликована: 02.04.2026

**ПОИСК И ПРИДАНИЕ СМЫСЛОВ В НОВОЙ СИТУАЦИИ:
РОЛЬ ГОТОВНОСТИ К НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ И ПРОШЛОГО ОПЫТА*****Платонова Яна Степановна, Зиновьева Елена Викторовна****Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)*

Актуальность исследования обусловлена значимостью поиска и придания людьми смыслов разным жизненным ситуациям, особенно в условиях неопределенности современного мира. Цель исследования состояла в изучении процесса поиска и придания смыслов новой жизненной ситуации (переезд и проживание в общежитии) с учетом прошлого опыта личности и готовности к неопределенности. Новизна исследования заключалась в выявлении роли готовности к неопределенности и прошлого опыта личности в процессе выделения смыслов новой ситуации. Исследование проводилось на контингенте студенческой молодежи ряда вузов городов Российской Федерации, среди которых Ленинградская область, Тула, Московская область, Орел, Ростов-на-Дону, Казань, Калининград и др. В исследовании приняли участие 46 студентов 1-го курса разных университетов (56 %) и колледжей (44 %), обучающихся на различных факультетах, из них 11 (24 %) мужчин и 35 (76 %) женщин, от 18 до 25 лет ($N = 46$, средний возраст – 21). В качестве диагностического инструментария использовались метод эссе и методика «Шкала общей толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна (MSTAT-I) в адаптации Е.Н. Осина (2010). В результате качественного и количественного анализа данных было выявлено, что процесс поиска и придания смыслов новой ситуации тесно связан с прошлым опытом личности и уровнем готовности к неопределенности. Выявлены три ключевые смысловые темы, выделяемые студентами в новой ситуации проживания в общежитии: организация комфортного пространства, взаимодействие с другими и интегральные смыслы, связанные с самопознанием и пониманием своего потенциала в новых условиях. Установлено, что уровень готовности к неопределенности определяет характер выделяемых смыслов — от конкретных практических до интегральных смысловых образований. Делается вывод о том, что новые жизненные ситуации могут по-разному осмысливаться в зависимости от прошлого опыта респондентов и их готовности к неопределенности.

Ключевые слова: поиск смыслов; осмысление; неопределенность; новая ситуация; прошлый опыт; студенты; переезд; проживание в общежитии.

Для цитирования:

Платонова Я.С., Зиновьева Е.В. Поиск и придание смыслов в новой ситуации: роль готовности к неопределенности и прошлого опыта // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 85–103. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-85-103>. EDN: LGPOOA

MEANING-MAKING IN A NEW SITUATION: THE ROLE OF READINESS FOR UNCERTAINTY AND PAST EXPERIENCE

Yana S. Platonova, Elena V. Zinovyeva

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg)

The relevance of the study is determined by the importance of meaning-making (i.e., of search for and attribution of meanings to various life situations), especially in the conditions of uncertainty of the modern world. The research aimed to explore the process of meaning-making in a new life situation (moving to and living in a dormitory) with taking into account the individual's past experience and readiness for uncertainty. The research is novel in that it identifies the role of readiness for uncertainty and of past personal experience in the process of meaning-making in a new situation. The study was conducted among students from several universities in Russian cities: Leningrad Region, Tula, Moscow Region, Oryol, Rostov-on-Don, Kazan, Kaliningrad, and others. The study involved 46 first-year students from different universities (56 %) and vocational colleges (44 %), studying at different faculties, including 11 (24 %) males and 35 (76 %) females, aged 18 to 25 years ($N = 46$, average age – 21). The diagnostic tools used were the essay method and Multiple Stimulus Types Ambiguity Tolerance Scale-I by D. MacLean (MSTAT-I) adapted by E.N. Osin (2010). A qualitative and quantitative data analysis has found that the process of meaning-making in a new situation is closely connected with the individual's past experience and level of readiness for uncertainty. The study has revealed three key semantic themes identified by students in the new situation of living in a dormitory: organization of comfortable space, interaction with others, and integral meanings related to self-knowledge and the understanding of one's own potential in new conditions. It has been established that the level of readiness for uncertainty determines the nature of the meanings identified – from specific practical to integral semantic formations. The paper draws a conclusion that new life situations can be interpreted in different ways depending on the respondents' past experience and their willingness to face uncertainty.

Keywords: meaning-making, uncertainty, new situation, past experience, students, moving, living in a dormitory.

To cite:

Platonova Ya.S, Zinovyeva E.V. [Meaning-making in a new situation: the role of readiness for uncertainty and past experience]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofija. Psihologija. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 85–103 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-85-103>, EDN: LGPOOA

Введение

Поиск значимых смыслов в происходящем является ключевым компонентом благополучия людей. Люди обладают врожденной потребностью в смысле и стремятся поддерживать свое ощущение смысла происходящего [Леонтьев Д.А., 2022].

Растущий интерес исследований к поиску жизненных смыслов и осмыслению происходящих событий демонстрирует важность понимания того, как эти процессы помогают преодолевать жизненные трудности и справляться

с неопределенностью современного мира [Леонтьев Д.А., 2015; Ganuthula V.R.R., 2020]. На протяжении всей жизни люди переживают события и ситуации (неопределенные, новые), которые бросают вызов их пониманию самих себя и окружающего мира. На сегодняшний день мы можем говорить о том, что неопределенность является онтологической характеристикой реальности, которая пронизывает все контексты существования человека. В качестве неотъемлемой характеристики человеческой жизни неопределенность рассматривается как естественный способ обретения субъектом

опыта [Корнилова Т.В. и др., 2010; Новикова М.А., 2017]. В таких условиях каждый человек представляет собой сложную открытую систему, предполагающую постоянное смысловое сканирование происходящего с ним в текущем и возможном. Через поиск смыслов ему приходится самому доопределять неопределенность и тем самым самоопределяться обретаемыми значениями [Сапогова Е.Е., 2021, с. 45].

Готовность к поиску смыслов в неопределенности через ее осмысление, толерантность к ней являются условиями переживания психологического благополучия и формирования устойчивости к стрессам, развития ассертивности и ощущения себя «живым», а также критерием зрелости личности [Сапогова Е.Е., 2021, с. 45]. Можно говорить о том, что придание смыслов событиям жизни может быть стабильным ресурсом, связанным с пониманием самих себя и своей жизни, наличием целей и ощущения, что эти события в жизни, как и сама жизнь, имеют важное значение [Martela F., Steger M.F., 2016].

Процесс поиска смысла определяют как «силу, интенсивность и активность желания и усилий людей установить и/или расширить свое понимание происходящих с человеком событий, установить их значимость и связь с целями своей жизни» [Steger M.F. et al., 2008, p. 200]. Ряд авторов придерживаются мнения, что в новых ситуациях человек стремится придать им смысл, проводя аналогию с чем-то более понятным, уже присутствующим в опыте, с целью снижения неопределенности и стресса [Collie K., Long B.C., 2005; Gillies J., Neimeyer R.A., 2006]. По мнению С.Л. Парк [Park C.L., 2010], у людей существуют «ориентирующие системы» — смысловые темы, служащие рамками для интерпретации их опыта и придания значения различным ситуациям. Ключевым механизмом в процессе поиска смыслов ситуации служит согласование чего-то нового с существующими структурами опыта (стереотипами, сценариями, знаниями и пр.). Так происходит согласование ситуативных смыслов с основными жизненными смыслами человека, что, в свою очередь, определяет и направляет активность и поведение человека в конкретной ситуации [Baumeister R.F., Landau M.J., 2018].

Иными словами, мы можем говорить о том, что в процессе поиска и определения смысла новой ситуации немаловажную роль играет установление смысловых соответствий между новой ситуацией и ситуациями, извлеченными из прошлого опыта.

При установлении связи со своим опытом, люди скорее склонны переходить к поиску конкретных уровней значений, чем обобщенных, более интегральных, способствующих более глубокому пониманию происходящего [Singer J.A. et al., 2013].

В.Е. Франкл [Frankl V.E., 1963] определял поиск смысла как здоровую, естественную мотивационную силу, которая побуждает людей лучше понимать свой опыт, однако эмпирические исследования демонстрируют расхождение относительно того, каким будет поиск смысла в новой, неопределенной ситуации и каков будет итог.

Исследования показывают, что поиск смысла положительно коррелирует с такими характеристиками личности, как любопытство и тенденция погружаться в свой опыт [Kashdan T.B., Steger M.F., 2007]. Также обнаружено, что в новых для себя ситуациях люди «сканируют» ее в соответствии с имеющейся у них системой смысловых значений, где при обнаружении расхождений они могут чувствовать дистресс и использовать одну из двух стратегий: устранение несоответствия путем поиска подтверждения имеющихся значений [Heine S.J. et al., 2006] или через поиск нового понимания [Park C.L., 2013]. Выявлено, что выстраивание новых смысловых связей между прошлым и настоящим человека может служить ресурсом для совладания с переживаниями неопределенности [Сапогова Е.Е., 2021].

Сам по себе процесс поиска и придания смысла происходящему в новой ситуации требует от человека готовности испытать неопределенность, войти в «неизвестное», будь то будущее или потенциальный результат. Поиск смысла как таковой включает в себя переживание неопределенности, когда человек стремится осмыслить новую информацию или воспользоваться новыми возможностями.

Если люди находят неопределенность для себя слишком невыносимой, они могут вообще не заниматься поиском смысла происходящего,

оставаясь на сугубо поверхностном уровне и оперируя социально-заданными системами значений (системой суждений), чтобы уменьшить дискомфорт от неопределенности.

Известно, что люди, которые крайне нетерпимы к неопределенности, могут избегать или переносить с большим трудом переживания, которые вызывают чувство незнания или непонимания, и такие переживания приводят к стремлению быстро смягчить свои страдания или избежать их [Frenkel-Brunswik E., 1974]. Такая позиция часто характеризует ограниченность, недалекость, замкнутость человека внутри собственных границ значений происходящего, понижая возможность для него свободы выбора и реализации жизнотворчества [Урманцев Н.М., 2008].

Можно предположить, что готовность к неопределенности и процесс поиска и придания событиям смыслов находятся в тесной связи друг с другом, по сути являясь условием для появления друг друга.

При этом люди будут различаться по специфике данной связи: люди с низкой готовностью к неопределенности скорее будут ориентироваться на конкретные смыслы, позволяющие быстрее получить чувство знания о происходящем, в то время как для людей с более высоким уровнем готовности к неопределенности благодаря их способности мириться с незнанием, снижению беспокойства, осмысление будет разворачиваться вокруг более широких областей смыслов, связанных с определением значения ситуации для их жизни и для них самих, при этом неопределенность будет расцениваться как спектр возможностей [Леонтьев Д.А., 2022].

Методика и процедура исследования

Для исследования того, как люди ищут и придают смыслы происходящему в неопределенности, мы поставили цель изучить этот процесс в новой жизненной ситуации. В качестве такой ситуации мы взяли ситуацию переезда и проживания в общежитии студентов, поступивших на 1 курс обучения. Эта ситуация связана с комплексом изменений, затрагивающих социальные, бытовые и психологические аспекты жизни, и сопряжена с высоким уровнем неопределенности, в частности с социальной не-

определенностью, т.к. студенты сталкиваются с необходимостью выстраивать отношения с незнакомыми людьми в условиях ограниченного личного пространства [Neethu P.S., Sia S.K., 2017], а также с неопределенностью, связанной с новыми условиями жизни (распорядок дня, самостоятельное решение бытовых вопросов, управление временем и т.д.).

Исследования психологического благополучия [Хороших В.В., Андреева О.М., 2019; Амбарцумян Р.А. и др., 2021], особенностей адаптации [Толбаева Н.А., Андреева С.Н., 2017], уровня стресса [Нечаенко И.Я., 2015] студентов, проживающих в общежитии, показывают, что реакция студентов на новую среду проживания во многом зависит от их личностных особенностей. В качестве таковых могут рассматриваться тип темперамента [Ломтатидзе О.В., Хацко С.Л., 2009], уровень эмоциональной устойчивости [Зенин Д.И., 2024], жизнотойкость, оптимизм [Заводчикова С.А., Маланчева С.Н., 2014] и др. Однако в этих работах остается вне фокуса внимания внутренняя работа личности, связанная с процессом поиска и придания смыслов ситуации, а также осмысления своего прошлого опыта. В связи с этим в рамках нашей работы мы поставили следующие исследовательские задачи:

- 1) определить, какие ситуации и фрагменты прошлого опыта люди считают опорными для поиска и придания смыслов в текущей ситуации неопределенности;
- 2) выделить эмпирические референты, отражающие процессы поиска и придания смыслов новой ситуации;
- 3) выявить ведущие смысловые темы в новой жизненной ситуации и их связь с ситуациями из прошлого опыта;
- 4) провести сравнительный анализ имеющихся смыслов новой ситуации и готовности к неопределенности у респондентов;
- 5) установить, как смыслы, выделяемые в новой ситуации, связаны с показателями готовности к неопределенности.

В нашем исследовании приняли участие 46 студентов 1-го курса разных университетов (56 %) и колледжей (44 %), обучающихся на различных факультетах, из них 11 (24 %) мужчин и 35 (76 %) женщин, от 18 до 25 лет ($N = 46$, средний возраст – 21, $SD = 5,3$). Респонденты

переехали в общежития из разных городов России (Ленинградская область — 24 %, Тула — 19 %, Московская область — 17 %, Орел — 8 %, Ростов-на-Дону — 7 %, Казань — 4 %, Калининград — 4 %, другие — 17 %). Критериями включения респондентов в исследование стали: возраст от 18 лет, наличие первого опыта проживания в общежитиях: для студентов 1-го курса эта ситуация субъективно воспринималась как новая и объективно являлась новой для них (все респонденты ранее проживали с родителями и не жили в условиях общежития).

В качестве методов исследования использовались эссе и методика «Шкала общей толерантности к неопределенности» Д. МакЛейна (MSTAT-I) в адаптации Е.Н. Осина [Осин Е.Н., 2010].

Респондентам было предложено письменно поделиться тем, как они переживали ситуацию неопределенности, связанную с необходимостью адаптироваться в новых условиях, и ответить на вопрос о том, какие ситуации из их прошлого им помогали. , Вслед за Ф.Е. Василюком [Василюк Ф.Е., 1984], под переживанием мы понимаем особую деятельность по перестройке психологического мира, направленную на установление смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которой является повышение осмысленности жизни. Одной из функций переживания выступает смысловая переработка жизненных ситуаций [Gendlin Е.Т., 1962], в соответствии с чем, опираясь на феноменологический анализ А. Джорджи [Giorgi А. 2005], описание респондентами своего переживаемого опыта содержит и смыслы, которые респондент выделяет для себя в ситуации.

Использование MSTAT-I в сочетании с анализом текстов эссе позволило провести проверку данных: данные анализа нарративов сравнивались с данными, полученными в результате тестирования, что повышает надежность выводов и позволяет выявить неочевидные взаимосвязи, которые невозможно зафиксировать одним методом.

Сбор данных проводился анонимно онлайн (Yandex Forms). Цели исследования сообщались участникам в общем виде. В результате сбора данных нами было получено 46 текстов эссе респондентов, общий объем которых составил 7510 слов.

Для определения возможности использования параметрических или непараметрических критериев использовался критерий Колмогорова–Смирнова. В силу того, что по всем анализируемым оценкам как в целом по выборке, так и в подгруппах распределение отличалось от нормального (все переменные $p < 0.05$), далее были применены непараметрические критерии.

Для обработки результатов исследования применялся тематический анализ, контент-анализ, частотный анализ, методы описательной статистики, кластерный анализ, методы оценки различий между двумя независимыми выборками (U-критерий Манна–Уитни), критерий хи-квадрат Пирсона и корреляционный анализ Спирмена. Обработка количественных данных проводилась с помощью статистического пакета IBM SPSS Statistics 27, обработка текстов эссе проводилась с помощью программного пакета для качественного анализа данных NVivo (QDA).

Результаты исследования

Для достижения поставленных в исследовании задач проводился тематический анализ с использованием процедуры кодирования по методике А. Страусса и Дж. Корбин [Страусс А., Корбин Д., 2001], включающей в себя три этапа: 1) открытое кодирование (open coding), направленное на поиск категорий и их свойств; 2) осевое кодирование (axial coding), направленное на поиск отношений между категориями; 3) селективное кодирование (selective coding), цель которого — поиск ключевых тем.

Выделенные в ходе тематического анализа маркеры и темы прошли экспертную оценку у 8-и приглашенных экспертов. Все эксперты имеют высшее психологическое образование и опыт работы в области психологии не менее 3-х лет, что соответствует рекомендациям по формированию компетентных экспертных групп. Экспертам предлагалось оценить соответствие каждого выделенного маркера смысловым темам по шкале от 1 до 3, а также предоставлялась возможность ознакомиться с полными текстами эссе, из которых извлекались соответствующие маркеры. Полученные экспертные оценки подвергались расчету согласованности мнений экспертов, после чего принималось решение: оставлять выделенный маркер или отказываться от

него. Результаты анализа показали высокую степень согласованности мнений экспертов ($W = 0.89$), что позволяет отвергнуть нулевую гипотезу о случайном характере согласованности мнений экспертов и подтвердить надежность выделенных маркеров, отражающих основные смысловые темы и фрагменты прошлого опыта.

Категории прошлого опыта, актуализирующиеся в новой ситуации

В рамках первой задачи мы сосредоточились на определении ситуаций прошлого опыта, на ко-

торые люди опирались для поиска и придания смыслов новой ситуации.

В ходе открытого кодирования тексты эссе разбивались на семантические единицы, которые потом группировались в коды. Важным результатом данного этапа для нас выступает выделение речевых маркеров, отражающих актуализацию фрагментов прошлого опыта и ситуаций прошлого, к которым респонденты обращались для совладания с неопределенностью. Пример открытого кодирования представлен в табл. 1.

Таблица 1. Пример открытого кодирования фрагмента текста эссе респондента № 42
Table 1. An example of open coding of a text fragment from the essay written by respondent No. 42

Цитата из эссе	Речевые маркеры	Код
«При налаживании быта с соседями я использовал свой опыт работы экскурсоводом (привычка работать с большим количеством людей, общение), это помогло мне завести новые знакомства среди соседей. также я ориентировался на опыт путешествий по другим странам и городам, где мне зачастую приходилось жить в хостелах с незнакомыми людьми, еще мне помогли воспоминания о том, как я был в летних детских лагерях, настраивал там свой быт, искал контакт с другими детьми» ¹ .	при налаживании быта с соседями я использовал свой <1> опыт работы экскурсоводом <2> привычка работать с большим количеством людей, общение, это помогло мне завести новые знакомства среди соседей	1. Опыт работы с людьми
		2. Коммуникативные навыки
	также я ориентировался на опыт путешествий по другим странам и городам где мне зачастую <3> приходилось жить в хостелах с незнакомыми людьми	3. Проживание с незнакомыми людьми в хостеле
	еще мне помогли <4> воспоминания о том, как я был в летних детских лагерях, <5> настраивал там свой быт, <6> искал контакт с другими детьми	4. Проживание в детском лагере
		5. Организация быта за пределами дома
		6. Налаживание контакта с другими в лагере

На этапе осевого кодирования выделенные коды объединялись в более общие группы — категории. Всего было выделено 45 кодов, объединенных в 10 категорий, отражающих фрагменты прошлого опыта и типы ситуаций прошлого, к которым обращались респонденты в новой ситуации (табл. 2). Коды, относящиеся одновременно к разным категориям, были убраны из анализа для достижения методологической строгости и обеспечения валидности исследования.

Из приведенной таблицы видно, что в новой ситуации студенты обращались как к конкрет-

ным эпизодам прошлого, так и к более интегральным аспектам своего опыта. Конкретные ситуации прошлого характеризуются более четкими границами и определенными обстоятельствами, связанными преимущественно с социально-бытовыми аспектами (например, ситуации проживания в лагере или советы друзей). Интегральные ситуации, напротив, отражали более широкие аспекты прошлого опыта и были связаны с внутренней рефлексией возможностей человека (например, ситуации проявления ответственности или самодисциплины личности).

¹ Публикация материалов осуществлена с информированного добровольного согласия всех респондентов. Исследование одобрено этическим комитетом Санкт-Петербургского психологического общества, протокол № 3 от 27.02.2025.

Таблица 2. Типы ситуаций прошлого, выступающие как опорные для поиска и придания смыслов в новой ситуации

Table 2. Types of past situations that serve as reference points for searching for and attributing meanings in the new situation

Коды	Частота встречаемости в текстах (в %)	Категории
Ситуации взаимодействия с людьми в прошлом	43	Ситуации предыдущих взаимодействий с людьми
Коммуникативные навыки	6,5	
Налаживание контакта с другими в лагере	8,6	
Налаживание контакта с другими в школе	30	
Волонтерство	2	
Общение с людьми старше себя	4	
Внутренние правила коммуникации с другими	13	
Проживание в детском лагере	34,7	Ситуации в прошлом, касающиеся совместного проживания
Проживание с незнакомыми людьми в хостеле	2	
Проживание совместно с сиблингами	30	
Проживание в отеле	4	Опыт других людей
Советы друзей/знакомых	52	
Советы родителей	32,6	
Советы сиблингов	8,6	
Косвенный опыт друзей/знакомых	23,9	
Косвенный опыт сиблингов	17	
Кейсы из социальных сетей	13	
Организация быта за пределами дома	19,5	Опыт ведения домашнего хозяйства
Умение проводить уборку	47,8	
Родительские предписания по поводу порядка и чистоты	21,7	
Бытовые навыки	26	
Навыки планирование времени	10,8	
Приготовление пищи себе за пределами дома	13	Опыт самостоятельного приготовления пищи
Приготовление пищи сиблингам	4	
Помощь другим в приготовлении пищи	10,8	
Ведение личных финансов в школе	17,3	Опыт управления личными финансами
Опыт планирования трат и покупок	6,5	
Распоряжение финансами во время поездок/путешествий	15	
Ошибки в тратах (импульсивные покупки)	4	
Профессиональные достижения	6,5	
Прошлые учебные успехи	13	Установка на самореализацию
Развитие творческого потенциала	4	
Карьерный рост	6,5	
Преодоление внутренних барьеров	8,6	
Потребность в личном пространстве	10,8	
Свобода выбора	6,5	Свобода как смысл
Обретение независимости	15	
Свобода в самовыражении	2	
Самостоятельность в решении трудностей	8,6	Личностная автономия
Самостоятельность в принятии решений	4	
Способность действовать без внешнего контроля	4	
Навыки самодисциплины	13	Самоорганизация
Ответственность	8,6	
Самоконтроль	4	
Креативность	2	

Ключевые смысловые темы, выделенные в новой жизненной ситуации

Следующей ключевой задачей было выявление ведущих смысловых тем в новой жизненной ситуации. Под смысловой темой в рамках данного исследования мы рассматривали интегральную

характеристику, отражающую ключевое значение фрагментов ситуации для человека в условиях неопределенности и процесс присвоения смысла новой ситуации. В соответствии с этим, мы сосредоточились на выделении эмпирических референтов, релевантных основным смысловым темам у респондентов по их эссе. Иными

словами, анализировались отрезки текстов, в которых были заключены фрагменты процесса поиска и придания смыслов новой ситуации, после чего проводилась экспертная оценка полученных данных. Пример открытого кодирования представлен в табл. 3.

На последующем этапе выделялись категории, которые путем селективного кодирования

объединялись в ключевые смысловые темы: (1) Отношения с другими людьми; (2) Организация комфортного пространства вокруг себя; (3) Интегральные смыслы, связанные с самопознанием и пониманием своего потенциала в новых условиях (табл. 4).

Таблица 3. Пример открытого кодирования фрагмента текста эссе респондента № 2

Table 3. An example of open coding of a text fragment from the essay written by respondent No. 2

Цитата из эссе	Речевые маркеры	Код
«Я благодарна этому опыту, ведь общежитие воспитало во мне взрослую личность, которая может сама себе приготовить, знает, как потратить деньги, также воспитало любовь к уборке. Это, конечно, мощный опыт, который закаляет характер, учит отстаивать себя и свои границы».	<1> я благодарна этому опыту, ведь общежитие <2> воспитало во мне взрослую личность, которая <3> может сама себе приготовить, <4> знает, как потратить деньги, <5> также воспитало любовь к уборке	1. Положительная интерпретация
		2. Значимость самостоятельности и автономии
		3. Бытовые навыки
		4. Навыки ведения финансов
		5. Бытовые навыки
	<6> Это, конечно, мощный опыт, <7> который закаляет характер, <8> учит отстаивать себя и свои границы	6. Положительная интерпретация
		7. Значимость личностного развития
		8. Значимость личностных качеств

Таблица 4. Смысловые темы, выделенные в новой жизненной ситуации

Table 4. Semantic themes identified in the new life situation

Значимые смыслы	Смысловая тема	Пример в тексте, речевые маркеры
Общение с другими людьми	Отношения с другими людьми	«Я старалась всегда все продумывать, советоваться с родными, при сомнениях всегда старалась спросить, если чего-то не знаю, попросить помощи у окружающих, для меня это очень важно».
Наличие контакта с близкими		
Привычный и комфортный быт	Организация комфортного пространства вокруг себя	«Было сложно жить в близком контакте с людьми, особенно с одним соседом, который плохо следил за своей гигиеной и уборкой пространства вокруг себя, на этой почве даже случались конфликты, поскольку я был помешан на чистоте».
Чистота и порядок		
Финансовая стабильность		
Личностное развитие	Интегральные смыслы, связанные с самопознанием и пониманием своего потенциала в новых условиях	«Я, на тот момент времени, 18-летний парень, который раньше жил с родителями, вдруг оказался один в новой реальности. Свобода — это круто, но и ответственности прибавилось».
Значимость личностных качеств		
Осознание своих возможностей и ограничений		
Личностная автономия и самостоятельность		
Свобода и творческая активность		

В ходе дальнейшего контент-анализа текстов эссе было выявлено, что ключевые смысловые темы, актуализирующиеся в новой жизненной ситуации, обнаруживают универсальное присутствие в эссе всех участников. При этом установлена вариативность их иерархической организации, где каждая категория спо-

собна занимать позицию доминирующей темы. Позиция доминирующей темы подтверждалась частотностью эмпирических маркеров (более 50 % от общего числа смысловых единиц в тексте), выделенных на предыдущем этапе исследования, и анализом контекстного окружения.

Смысловая тема в данном контексте включает в себе следующие аспекты: как человек объясняет для себя значение новой жизненной ситуации через интеграцию прошлых смыслов в новые контексты; куда направляет свою активность, опираясь на ретроспективно-перспективные связи (например, «Еще до переезда в общежитие заставляла себя всегда сразу после заправлять кровать, чтобы потом не было стыдно перед соседками за лень и неопрятность»). Такое понимание позволяет нам предположить, что в условиях неопределенности люди ищут и присваивают смысл новым ситуациям, опираясь на ситуации и фрагменты

прошлого опыта через включение прошлых смыслов в новые контексты, что может влиять на направление их активности и поведение.

Сопоставление выделенных смыслов новой ситуации с фрагментами прошлого опыта

Следующим важным шагом в нашем исследовании стало описание особенностей тех смыслов, которые респонденты выделяли в новой ситуации в связи с опорой на фрагменты и ситуации прошлого опыта, к которым они обращались для совладания с неопределенностью в новой жизненной ситуации (табл. 5).

Таблица 5. Сопоставление выделенных смысловых тем новой ситуации с фрагментами прошлого опыта

Table 5. The identified semantic themes of the new situation as compared with past experience fragments

Фрагменты прошлого опыта	Смысловая тема	Значимые смыслы	Пример в тексте, речевые маркеры
Опыт предыдущих взаимодействий с людьми	Отношения с другими людьми	Общение с другими людьми и наличие контакта с близкими	«Быстро нашла со всеми общий язык, т.к. в школе тоже со всеми общалась и дружила»
Ситуации в прошлом, касающиеся совместного проживания			«Вообще, я большую часть жизни делила жилую площадь с кем-то, поэтому меня не сильно напрягало проживание с кем-то»
Опыт других людей			«Я слушала тех, кто уже имел такой опыт, от друзей, которые жили в общежитии, от старших соседей»
Опыт ведения домашнего хозяйства	Организация комфортного пространства вокруг себя	Привычный и комфортный быт, проявляющийся в чистоте, наличии еды и финансов	«Убеждение, что всегда должно быть чисто»; «С детства помогаю родителям с уборкой, поэтому знаю, как поддерживать порядок»
Опыт самостоятельного приготовления пищи			«Бытовые навыки позволяли спокойно справляться с трудностями приготовления пищи, стирки»
Опыт управления личными финансами			«В целом, опыт распределения денег в школе, который у меня был, помог мне»; «Родители научили меня планировать бюджет, поэтому я никогда не трачу больше, чем могу позволить»
Установка на самореализацию	Интегральные смыслы, связанные с самопознанием и пониманием своего потенциала в новых условиях	Осознание собственных возможностей и ограничений, познание себя через самостоятельную жизнь	«Мысль о том, что я приехала сюда, чтобы учиться, это все временно, это нужный шаг, чтобы стать специалистом и получить диплом»
Свобода как смысл			«Ориентировался на опыт жизни в музыкальной семье. Там-то и усвоил, что творчество — это образ жизни, а свобода — это возможность выразить себя»; «У меня появилась некая свобода и это было интересным»
Личностная автономия			«В получении опыта помогал также анализ совершенных действий, если что-то делалось впервые самостоятельно»; «Я во много испытывала удовольствие от самостоятельной жизни»
Самоорганизация			«Сразу скажу, что опыт спортивного лагеря здорово пригодился. Там-то я и натренировался в ответственности и дисциплине»

Итак, было обнаружено, что тема «Отношения с другими людьми» является доминирующей у 47,8 % респондентов (n = 22). Содержанием данной темы выступило обращение к ситуациям прошлого опыта, связанным с социальным взаимодействием и совместным проживанием, а также обращение к опыту других людей прямым путем («*Поспрашивала знакомых, почитала комментарии в интернете*») или косвенным через наблюдение («*Сильно опиралась на то, как жила сестра в общежитии*»). Важными навыками и знаниями в рамках данной темы, на которые опирались респонденты в новой ситуации, были навыки, приобретенные в предыдущих социальных контактах, такие как разрешение конфликтов и поиск компромиссов, а также внутренние правила и установки, касающиеся межличностного взаимодействия («*Взял на вооружение правило поиска компромисса, которое мне помогло и в музыкальных группах*»). Значимыми смыслами, присвоенными новой ситуации в рамках данной темы, стали общение с другими людьми и поддержание контакта с близкими. Респонденты не только стремились к установлению дружеских отношений с соседями и участию в коллективных мероприятиях, но и подчеркивали важность эмоциональной близости и регулярного взаимодействия с семьей и друзьями. Можно предположить, что данные смыслы выступали как стабилизирующие факторы, создающие ощущение «опоры» в новых условиях.

Доминирование темы «Организация комфортного пространства вокруг себя» наблюдалась в текстах 34,8 % (n = 16) респондентов. Содержание данной темы было построено вокруг ситуаций из прошлого, касающихся организации быта за пределами дома (в лагере, в отеле, в походах и т.д.), самостоятельного приготовления пищи, а также вокруг навыков и знаний распоряжения финансами и организации своего пространства и времени («*Есть большой опыт лагерей и спортивных поездок, жила одна и вела быт сама часто*»). Респонденты активно стремились поддерживать чистоту и порядок в новых условиях проживания, организовывали график дежурств, совершенствовали навыки приготовления пищи и денежных затрат («*Я начал вести простой учет: сколько трачу на еду, на транспорт, на мелкие нужды*»).

Значимыми смыслами, выделенными и присвоенными новой ситуации, стали привычный и комфортный быт, проявляющийся в чистоте, наличии еды и стабильности финансов. Респонденты писали, что поддержание порядка, регулярное питание и контроль над расходами создавали ощущение предсказуемости и безопасности в новой для них ситуации («*Даже когда соседи не убирались, я убиралась в общем пространстве за других, чтобы хоть немного стало легче*»). Можно предположить, что для респондентов адаптация к новой ситуации происходила через систематизацию «рутины» и повседневности, что выступило как инструмент совладания с неопределенностью.

Тема «Интегральные смыслы, связанные с самопознанием и пониманием своего потенциала в новых условиях» выступала ведущей в текстах эссе у 17,4 % (n = 8) участников. Контекстное окружение данной темы включало в себя преимущественно ситуации из прошлого, связанные с приобретением самостоятельности, самодисциплины. В новой ситуации для респондентов оказались важными их смыслы и ценности, касающиеся свободы, независимости, стремления к саморазвитию и реализации своего потенциала («*Для меня всегда было важно иметь время наедине с собой*»). Их активность была направлена в первую очередь на свой внутренний мир: получение нового опыта и знаний, развитие новых навыков, реализация значимых ценностей и смыслов («*Вот мои правила: самодисциплина, самоконтроль, здоровый образ жизни. Без них я бы просто утонул в этом потоке новой информации, учебы и общаги*»).

Значимыми смыслами новой ситуации стали осознание собственных возможностей и ограничений, а также познание себя через самостоятельную жизнь. Респонденты подчеркивали, что не просто опирались на привычные модели поведения из прошлого, но и активно их переосмысливали, определяя значимость ситуации для себя и своей жизни («*Я думаю, хоть этот опыт и был необычным, но дал мне понять многое. Научил меня искать выход из сложных ситуаций, общаться. Это сложно, но очень интересно*»). Можно предположить, что в рамках данной темы важной для респондентов становилась глубокая работа с собственными смыслами, где новые условия воспринимались

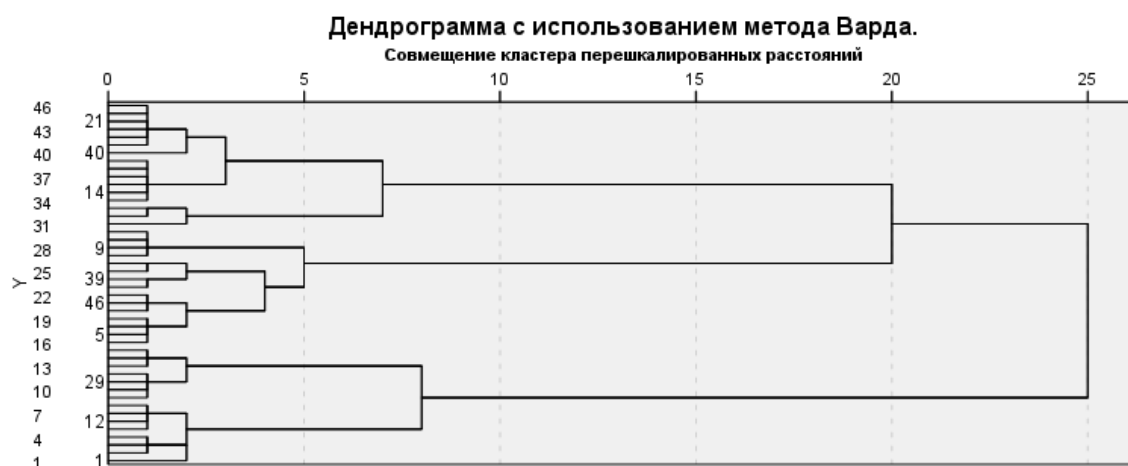
не как угроза стабильности, а как возможность для реализации личного потенциала.

На основе полученных результатов мы можем сделать предположение о том, что люди различаются по тем смыслам, которые они выделяют и присваивают новой ситуации, причем присвоение тех или иных смыслов находится в тесной взаимосвязи с фрагментами и ситуациями прошлого опыта, к которым люди обращаются для адаптации к новым условиям и совладанию с неопределенностью. В условиях неопределенности человек может искать опору в том, что уже «проверено» в прошлом и имеет значение для личности (конкретные действия, смыслы, убеждения и т.д.), по-разному интерпретируя новую для себя ситуацию.

Сравнительный анализ смыслов новой ситуации и готовности к неопределенности

Для определения того, как уровень готовности к неопределенности будет связан с выделяемыми смыслами в новой ситуации, нами был проведен сравнительный анализ данных.

В процессе контент-анализа текстов эссе были выявлены различия по тем смысловым темам, которые респонденты выделяли в новой жизненной ситуации. Для деления выборки на подгруппы использовалась иерархическая кластеризация методом Варда, интервальная мера — квадрат расстояния Евклида. В качестве кластеризирующих переменных выступили шкалы, отражающие готовность к неопределенности. Результаты представлены в дендрограмме (рисунок).

Дендрограмма кластерного анализа переменных, отражающих готовность к неопределенности
Dendrogram of cluster analysis of variables reflecting readiness for uncertainty

Кластерный анализ позволил разделить выборку на два кластера. В первый кластер вошли 18 чел., во второй кластер — 28 чел. Ре-

зультаты сравнения кластеров по выраженности шкал толерантности к неопределенности представлены в табл. 6.

Таблица 6. Сравнение кластеров по выраженности шкал толерантности к неопределенности с помощью критерия U Манна–Уитни

Table 6. Comparison of clusters by the indicators of uncertainty tolerance scales using the Mann–Whitney U test

	Кластер 1 (N = 18)	Кластер 2 (N = 28)	U, p
Отношение к новизне	M = 12,0, SD = 1,50	M = 8,5, SD = 0,75	U = 42,0, p = 0,01**
Отношение к сложным задачам	M = 33,89, SD = 4,75	M = 31,5, SD = 4,5	U = 234,0, p = 0,47
Отношение к неопределённым ситуациям	M = 35,83, SD = 4,83	M = 34,21, SD = 4,67	U = 212,5, p = 0,34
Предпочтение неопределённости	M = 41,67, SD = 7,35	M = 37,14, SD = 7,15	U = 178,5, p = 0,06
Принятие неопределённости	M = 42,78, SD = 6,35	M = 38,57, SD = 5,65	U = 167,0, p = 0,04*
Толерантность к неопределённости (общий балл)	M = 86,11, SD = 1,50	M = 78,50, SD = 0,75	U = 46, p = 0,02*

Примечание/Note: *— p < 0,05; **— p < 0,01.

Для описания кластеров те были сравнены с помощью непараметрического критерия U Манна–Уитни для независимых выборок по категориям, выделенным в ходе контент-анализа текстов эссе (табл. 7). Категории определялись по частоте встречаемости данных смысловых

тем в текстах эссе респондентов. Дополнительный сравнительный анализ полученных результатов по полу респондентов и профилю обучения в исследовании не проводился, поскольку значимых различий в этом плане установлено не было.

Таблица 7. Сравнение кластеров по выраженности смысловых тем с помощью критерия U Манна–Уитни

Table 7. Comparison of clusters by the manifestation degree of semantic themes using the Mann–Whitney U test

	Кластер 1 (N = 18)	Кластер 2 (N = 28)	U, p
Смыслы, связанные с отношениями с другими	M = 1,61, SD = 1,37	M = 2,32, SD = 1,15	U = 162, p = 0,044*
Смыслы, связанные с организацией комфортного пространства	M = 1,7, SD = 1,06	M = 2,6, SD = 1,19	U = 149, p = 0,02*
Интегральные смыслы, связанные с самопознанием и пониманием своего потенциала в новых условиях	M = 2,94, SD = 1,16	M = 0,96, SD = 0,88	U = 48, p < 0,001***

Примечание/Note: * — p < 0,05; ** — p < 0,01; *** — p < 0,001.

В первый кластер вошли люди, для которых характерна более высокая склонность к принятию неопределенности в новой жизненной ситуации и более высокая толерантность к неопределенности. Такие люди демонстрировали позитивное восприятие новой ситуации, в котором она обретает новые смыслы, тесно связанные с уже имеющимися («*Проживание в общежитии действительно были уникальным новым опытом*»; «*Это, конечно, мощный опыт, который закаляет характер, учит отстаивать себя и свои границы*»).

Их тексты были подробными, с глубоким описанием своих переживаний, мыслей и поведения в новой ситуации, включали в себя не просто повествование, а рефлекссию переживаемой ситуации, выражая свое отношение к ней и переосмысляя ее. Так, один респондент описывал свой опыт проживания общежития следующим образом: «*Самым необычным для меня было то, как быстро я привык к этой новой жизни. Ведь до этого я всегда жил с родителями, где все было привычно и предсказуемо. А тут — полная импровизация*».

Выделяемые смыслы данной группы были в большей степени направлены на внутренний мир респондентов, их переживания. Они также

чаще указывали на обращение к пониманию происходящего, как бы расширяя контекст проживания в общежитии и отвечая на вопросы: «*Для чего я в общежитии? Что для меня значимо?*». Так, например, одна респондентка писала: «*Мне хотелось, чтобы даже в этом временном доме была спокойная обстановка, было уютно и чисто, чтобы конфликты решались мирно. Это были те ценности, которые окружали меня до переезда в общежитии, и я старалась в другой стране их также реализовать*».

Активность данной группы респондентов была сосредоточена на обучении, получении нового опыта и освоении новых навыков, необходимых для успешной самостоятельной жизни («*Самым необычным было самостоятельное принятие решений по всем возникающим вопросам*»; «*Первые два месяца в общежитии — это как прыжок в омут с головой, когда ты одновременно и рад своей новой свободе, и немного растерян от того, что теперь все приходится делать самому*»). Важным для них также выступало использование своих возможностей и ресурсов в новой ситуации. Студенты не только были открыты к получению нового опыта, но и активно применяли свои личные качества и умения для адаптации к новым условиям («*Вот*

есть правила: дисциплина, самоконтроль, здоровый образ жизни. Без них я бы просто утонул в этом потоке новой информации»).

Можно предположить, что для данной группы высокий уровень готовности к неопределенности позволяет образовывать более сложные смысловые связи, что, в свою очередь, позволяет расценивать новую ситуацию как спектр возможностей и перейти от конкретного восприятия ситуации к формированию личностно-ориентированного отношения к ней на основе интегральных смыслов.

Второй кластер представлен респондентами, которые демонстрировали более низкие показатели по готовности к неопределенности. Для них характерно предпочтение стабильности в новой ситуации, переживания, характеризующиеся нейтральностью (*«все было хорошо»; «ничего необычного, сложного тоже»*) или наоборот интенсивностью (*«было очень тяжело морально»; «часто испытывала тоску и одиночество, чувство брошенности»*).

В текстах данной группы обнаруживается большая ориентация на практические навыки: готовку (*«Бытовые навыки позволяли спокойно справляться с трудностями приготовления пищи, стирки»*), уборку (*«Привычка что всегда должна быть чисто»*), навыки организации быта и распределения финансов (*«Помог опыт планирования относительно крупных покупок на накопленные средства»*) и т.д.; и внутренние правила (*«Как себя покажешь, так к тебе и будут относиться»; «Что получилось — то получилось, с тем и надо жить»*), выполняющие адаптационную и защитную функции в ситуации неопределенности.

Тексты нарративов данной группы отличались краткостью и описанием преимущественно фактологической информации. Опыт проживания в общежитии интерпретировался либо как обычная повседневная ситуация, не несущая никаких значимых изменений (*«обычная ситуация, ничего такого»; «мне ничего не было плохо и трудно»* и т.д.), либо как опыт, окрашенный негативными переживаниями (*«это ужасный опыт»; «я выживал»; «это были ужасные времена»* и т.д.).

Выделяемые смыслы респондентов данного кластера были представлены преимущественно конкретными смыслами, связанными с органи-

зацией комфортного пространства вокруг себя и отношениями с другими людьми.

Доминирование в нарративах данных смыслов направляло и активность респондентов, которая была сосредоточена на создании наиболее благоприятных условий (*«Мне нравится здесь жить, потому что тут спокойно и уютно, сделала небольшой ремонт, создала себе хорошие условия. Это всегда было моей мечтой, иметь свою личную комнату»*), обсуждении конфликтов и установлении правил совместного проживания.

Описывая обращение к своему прошлому опыту, данная группа респондентов отмечала, что ведущими для них являлись навыки построения отношений с другими (*«Быстро нашла со всеми общий язык, т.к. в школе тоже со всеми общалась и дружила»*), ситуации в прошлом, касающиеся совместного проживания (*«Вообще, я большую часть жизни делила жилую площадь с кем-то, поэтому меня не сильно напрягало проживание с кем-то»*), опыт других людей (*«Я слушала тех, кто уже имел такой опыт от друзей, которые жили в общежитии, от старших соседок»*) и родительские установки по организации быта (*«Каждый день мама говорила мне убираться, уборка в доме всегда была на мне, даже если я этого не хотела, если я не убиралась — мама ругалась и расстраивалась»*). Например, один респондент описывал обращение к своему жизненному опыту следующим образом: *«Постарался понять, какой у меня сосед, его привычки и как это уживается со мной, постарался с ним подружиться и найти компромиссы между нами, днями уборками и готовкой. Для этого ориентировался на прошлые ситуации общения с ребятами старше меня»*.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что респонденты демонстрируют различия в процессе поиска и придания смыслов в новой ситуации, опираясь на смыслы, извлеченные из своего прошлого опыта. При изучении новой ситуации проживания в общежитии были выделены 3 основные смысловые темы: организация комфортного пространства, взаимодействие с другими и интегральные смыслы, связанные с самопознанием и пониманием своего потенциала в новых условиях. Данные ключевые темы отличаются степенью конкретности и интегральности тех смыслов, которые люди

обнаруживают в новых для них условиях. Так, наиболее отчетливые различия были обнаружены по таким смысловым темам, как организация комфортного пространства и интегральные смыслы. Причем группа респондентов, выделяющая более интегральные смыслы, связанные с самопознанием и пониманием происходящего, проявляет более высокую готовность к неопределенности в новой ситуации.

Полученные данные свидетельствуют о том, что присваивание смыслов новой ситуации через призму самопознания и понимания собственного потенциала тесно связано с готовностью человека принимать и эффективно реагировать на неопределенность. Готовность к неопределенности может стимулировать поиск новых интегральных смыслов, новые определения значения ситуации для их жизни и для самих себя, создавая тем самым цикл взаимного усиления этих процессов.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что готовность к неопределенности и процесс поиска и присвоения смыслов новой ситуации находятся в тесной взаимосвязи, где одно зависит от другого.

Обсуждение результатов

Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности процесса поиска и присвоения смыслов в ситуации неопределенности (новой ситуации). Полученные результаты демонстрируют, что люди по-разному осмысливают, опираясь на свой прошлый опыт, новые жизненные обстоятельства в зависимости от их готовности к неопределенности.

Обобщая полученные результаты, отметим, что процесс поиска и придания смыслов ситуациям находится в тесной взаимосвязи с готовностью к неопределенности в новых, ранее не закрепленных в опыте условиях, что согласуется с аналогичными выводами в исследованиях, посвященных изучению ценностных ориентаций при разном уровне толерантности к неопределенности [Гусев А.И., 2011; Салихова А.Б., 2020].

Было выявлено, что у студентов, обладающих высокой готовностью к неопределенности и новизне, ее принятие, осмысление разворачивается вокруг более широких, интегральных областей смыслов, направленных на самопознание, понимание и определение значения

данной ситуации для своей жизни, в то время как у студентов с более низкой готовностью к неопределенности наблюдается ориентация на конкретные, практические смыслы или смыслы, связанные с отношениями с другими людьми. Можно предположить, что для студентов данной группы, обладающих более низкой готовностью к неопределенности, особенно актуальной становится необходимость адаптации к новой ситуации. Это, в свою очередь, может затруднить их переход к более глубоким и интегративным смыслам.

Похожие результаты получены при изучении различий в ценностных основаниях у толерантных и нетолерантных к неопределенности респондентов в исследовании М.Р. Плотницкой [Плотницкая М.Р., 2014]. Так, было выявлено, что люди с высокой толерантностью к неопределенности опираются на такие ценности, как свобода, уверенность в себе, активная и деятельная жизнь. Респонденты с низкой толерантностью к неопределенности, напротив, ориентируются на ценности, связанные с другими людьми (любовь, единение с близкими).

Исследование показало, что в новой ситуации респонденты активно обращаются к опыту прошлого, причем фрагменты и ситуации, а также извлеченные из жизненного опыта смыслы служат опорой для выделения смыслов уже текущей новой ситуации и ее интерпретации. Так, были выявлены 3 основные смысловые темы, которые доминируют в процессе осмысления новой ситуации: организация комфортного пространства, взаимодействие с другими и интегральные смыслы, связанные с самопознанием и пониманием своего потенциала в новых условиях. Можно говорить о том, что осмысление новой ситуации происходит через призму прошлого опыта, что выступает важным механизмом адаптации в неопределенных условиях.

Аналогичные результаты мы наблюдаем в исследовании Джиллиан А. Кинг [King G.A., 2004], в котором были представлены 3 основных способа поиска и создания смысла через принадлежность к другим (отношения), активные действия и понимание себя и мира. Автор также подчеркивает, что данные способы основаны на жизненном опыте личности, который, в свою очередь, и будет направлять активность в сторону того или иного способа поиска смысла.

Заключение

Таким образом, полученные результаты свидетельствуют о том, что процесс поиска и присвоения смыслов новой ситуации тесно связан с готовностью личности к неопределенности и опирается на прошлый опыт человека. От уровня готовности к неопределенности будет зависеть то, какие смыслы будут выделять люди в новой для них ситуации: более интегральные (направленные на понимание своих возможностей в новой ситуации и того, что эта ситуация значит в контексте жизни) или же более конкретные (связанные с уменьшением напряжения от неопределенности через получение чувства знания о происходящем).

Важным в ходе интерпретации результатов стал вывод о том, что процесс осмысления формирует семантические мосты между ситуациями прошлого и текущего, создавая непрерывность личностного нарратива, а также актуализирует механизмы совладания с неопределенностью, позволяя человеку сохранять устойчивость в условиях новизны и неизвестности.

В качестве ограничений исследования необходимо указать на характер выборки (только студенты, небольшой объем), а также формулирование выводов на основе лишь одной новой жизненной ситуации — переезда и проживания в общежитии. Данные ограничения могут служить в качестве ориентиров для будущих исследований в области психологии личности.

Список литературы

- Амбарцумян Р.А., Соловьева Т.С., Покитку К.А.* Адаптация студентов технического вуза к проживанию в общежитии // Молодежный вестник ИрГТУ. 2021. Т. 11, № 2. С. 180–184. EDN: IOPPLV
- Васильюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
- Гусев А.И.* Толерантность к неопределённости как составляющая личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 300–329.
- Заводчикова С.А., Маланчева С.Н.* Проблема адаптации студентов // Образование: традиции и инновации: материалы VI международной научно-практической конференции, Прага, Чешская республика, 21 октября 2014 г. Прага: World Press s.r.o., 2014. С. 199–201. EDN: TDDMLB
- Зенин Д.И.* Проблема социально-психологической адаптации студентов в отечественной и зарубежной психологии // Вестник науки. 2024. Т. 5, № 12(81). С. 572–585. EDN: DUALSO
- Корнилова Т.В., Корнилов С.А., Чумакова М.А.* Лонгитюдное исследование динамики успешности решения студентами аналитических, творческих и практических заданий // Психологическая наука и образование. 2010. Т. 15. № 1. С. 55–68.
- Леонтьев Д.А.* Вызов неопределенности как центральная проблема психологии личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. Ст. 2. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.555>. EDN: TWHMBD
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. СПб.: Litres, 2022. 584 с.
- Ломтатидзе О.В., Хацко С.Л.* Особенности проявления свойств темперамента у студентов в период адаптации // Психологический вестник Уральского государственного университета. 2009. № 7. С. 231–237. EDN: CQZVWV
- Нечаенко И.Я.* Конфликтность как фактор, связанный с социально-психологическим климатом в студенческой группе // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 7–9. С. 93–95. EDN: UZHOSP
- Новикова М.А.* Современная семья: поиск возможностей в пространстве неопределенности // Семья и современный социум. Серия: семья и дети в современном мире / под ред. В.Л. Ситникова, С.А. Бурковой, Э.Б. Дунаевской. СПб., 2017. С. 217–223.
- Осин Е.Н.* Факторная структура версии шкалы общей толерантности к неопределенности Д. Маклейна // Психологическая диагностика. 2010. № 2. С. 65–86. EDN: SUFQLT
- Плотницкая М.Р.* Толерантность к неопределённости как фактор формирования образа мира личности // Вестник Камчатского государственного технического университета. 2014. № 28. С. 105–115.
- Салихова А.Б.* Ценностные основания толерантности личности к неопределённости // Вестник Вятского государственного университета. 2020. № 2(136). С. 132–141. DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.032>
- Сапогова Е.Е.* Неопределенность и кризис: опыт поиска смысловых ресурсов совладания с ними // Актуальные проблемы кризисной психологии: материалы II Международной научно-практической конференции, г. Минск, 9–10 декаб-

ря 2021 г., Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. Минск: БГПУ, 2021. С. 41–55. EDN: PGDXBW

Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования: Обоснованная теория, процедуры и техники. М.: URSS, 2001. 256 с.

Толбаева Н.А., Андреева С.Н. Особенности адаптации первокурсников к условиям проживания в студенческом общежитии // Психологическое знание в контексте современности: теория и практика: сборник статей по материалам VII Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Йошкар-Ола, 20–22 февраля 2017 г. Йошкар-Ола: СТРИНГ, 2017. С. 304–308. EDN: XQMWHM

Урманцев Н.М. Неопределенность бытия и свобода человека // Вестник Забайкальского государственного университета. 2008. № 5. С. 111–116. EDN: KTYQWN

Хороших В.В., Андреева О.М. Психологическое благополучие студентов, проживающих в общежитии // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 327–336. DOI: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-40>. EDN: QGUPDR

Baumeister R.F., Landau M.J. Finding the meaning of meaning: Emerging insights on four grand questions // Review of General Psychology. 2018. Vol. 22, № 1. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1037/gpr0000145>

Collie K., Long B.C. Considering ‘meaning’ in the context of breast cancer // Journal of Health Psychology. 2005. Vol. 10, № 6. P. 843–853. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105305057318>. EDN: JMHXWB

Frankl V.E. Man’s search for meaning: an introduction to logotherapy. New York: Pocket Books, 1963. 226 p.

Frenkel-Brunswick E. Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable // Psychological issues. 1974. Vol. 8, № 3. P. 58–91.

Ganuthula V.R.R. The paradox of experience / SSRN. 2020. Aug. 9. URL: <https://ssrn.com/abstract=3959460> (accessed: 21.06.2025). DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3959460>

Gendlin E.T. Experiencing and the creation of meaning: A philosophical and psychological approach to the subjective. Evanston, IL: Northwestern University Press, 1962. 302 p.

Gillies J., Neimeyer R.A. Loss, grief, and the search for significance: Toward a model of meaning reconstruction in bereavement // Journal of Constructivist Psychology. 2006. Vol. 19, № 1. P. 31–65. DOI: <https://doi.org/10.1080/10720530500311182>

Giorgi A. The phenomenological movement and research in the human sciences // Nursing Science Quarterly. 2005. Vol. 18, iss. 1. P. 75–82. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894318404272112>

Heine S.J., Proulx T., Vohs K.D. The meaning maintenance model: On the coherence of social motivations // Personality and social psychology review. 2006. Vol. 10, № 2. P. 88–110. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1002_1. EDN: JPBPZJ

Kashdan T.B., Steger M.F. Curiosity and pathways to well-being and meaning in life: Traits, states, and everyday behaviors // Motivation and Emotion. 2007. Vol. 31, № 3. P. 159–173. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11031-007-9068-7>. EDN: IJQEQB

King G.A. The meaning of life experiences: Application of a meta-model to rehabilitation sciences and services // American Journal of Orthopsychiatry. 2004. Vol. 74, iss. 1. P. 72–88. DOI: <https://doi.org/10.1037/0002-9432.74.1.72>

Martela F., Steger M.F. The three meanings of meaning in life: Distinguishing coherence, purpose, and significance // The Journal of Positive Psychology. 2016. Vol. 11, № 5. P. 531–545. DOI: <https://doi.org/10.1080/17439760.2015.1137623>. EDN: WVAAXD

Neethu P.S., Sia S.K. Residential crowding, psychological distress and the mediating role of social support among dormitory residents // Indian Journal of Health and Wellbeing. 2017. Vol. 8, № 5. P. 410–416.

Park C.L. Making sense of the meaning literature: an integrative review of meaning making and its effects on adjustment to stressful life events // Psychological Bulletin. 2010. № 136(2). P. 257–301. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0018301>

Park C.L. Trauma and meaning making: Converging conceptualizations and emerging evidence // The experience of meaning in life: Classical perspectives, emerging themes, and controversies. Dordrecht: Springer Publ., 2013. P. 61–76. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-6527-6_5

Singer J.A., Blagov P., Berry M., Oost K.M. Self-defining memories, scripts, and the life story: narrative identity in personality and psychotherapy // Journal of Personality. 2013. № 81(6). P. 569–582. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12005>

Steger M.F., Kashdan T.B., Sullivan B.A., Lorentz D. Understanding the search for meaning in life: Personality, cognitive style, and the dynamic between seeking and experiencing meaning // Journal of Personality. 2008. Vol. 76, № 2. P. 199–228. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00484.x>

References

- Ambartsumyan, R.A., Solov'eva, T.S. and Pokitku, K.A. (2021). [Adaptation of technical university students to living in a dormitory]. *Molodyozhnyy vestnik IrGTU* [ISTU Bulletin of Youth]. Vol. 11, no. 2, pp. 180–184.
- Baumeister, R.F. and Landau, M.J. (2018). Finding the meaning of meaning: Emerging insights on four grand questions. *Review of General Psychology*. Vol. 22, no. 1, pp. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1037/gpr0000145>
- Collie, K. and Long, B.C. (2005). Considering 'meaning' in the context of breast cancer. *Journal of Health Psychology*. Vol. 10, no. 6, pp. 843–853. DOI: <https://doi.org/10.1177/1359105305057318>
- Frankl, V.E. (1963). *Man's search for meaning: an introduction to logotherapy*. New York: Pocket Books, 226 p.
- Frenkel-Brunswik, E. (1974). Intolerance of ambiguity as an emotional and perceptual personality variable. *Psychological Issues*. Vol. 8, no. 3, pp. 58–91.
- Ganuthula, V.R.R. (2020). *The paradox of experience*. SSRN. Aug. 9. Available at: <https://ssrn.com/abstract=3959460> (accessed 21.06.2025). DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3959460>
- Gendlin, E.T. (1962). *Experiencing and the creation of meaning: A philosophical and psychological approach to the subjective*. Evanston, IL: Northwestern University Press, 302 p.
- Gillies, J. and Neimeyer, R.A. (2006). Loss, grief, and the search for significance: Toward a model of meaning reconstruction in bereavement. *Journal of Constructivist Psychology*. Vol. 19, no. 1, pp. 31–65. DOI: <https://doi.org/10.1080/10720530500311182>
- Giorgi, A. (2005). The phenomenological movement and research in the human sciences. *Nursing Science Quarterly*. Vol. 18, no. 1, pp. 75–82. DOI: <https://doi.org/10.1177/0894318404272112>
- Gusev, A.I. (2011). [Tolerance for uncertainty as a component of personal potential]. *Lichnostnyy potentsial: struktura i diagnostika, pod red. D.A. Leont'eva* [D.A. Leontev (ed.) Personal potential: Structure and diagnosis]. Moscow: Smysl Publ., pp. 300–329.
- Heine, S.J., Proulx, T. and Vohs, K.D. (2006). The meaning maintenance model: On the coherence of social motivations. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 10, no. 2, pp. 88–110. DOI: https://doi.org/10.1207/s15327957pspr1002_1
- Kashdan, T.B. and Steger, M.F. (2007). Curiosity and pathways to well-being and meaning in life: Traits, states, and everyday behaviors. *Motivation and Emotion*. Vol. 31, no. 3, pp. 159–173. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11031-007-9068-7>
- Khoroshikh, V.V. and Andreeva, O.M. (2019). [The psychological well-being of students living in dormitory housing]. *Gertsenovskie chteniya: psikhologicheskie issledovaniya v obrazovanii* [Herzen Readings: Psychological Research in Education]. No. 2, pp. 327–336. DOI: <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2019-2-40>
- King, G.A. (2004). The meaning of life experiences: Application of a meta-model to rehabilitation sciences and services. *American Journal of Orthopsychiatry*. Vol. 74, iss. 1, pp. 72–88. DOI: <https://doi.org/10.1037/0002-9432.74.1.72>
- Kornilova, T.V., Chumakova, M.A., Kornilov, S.A. and Novikova, M.A. (2010). *Psikhologiya neopredelenosti: Yedinstvo intellektual'no-lichnostnogo potentsiala cheloveka* [Psychology of uncertainty: unity of intellectual-personal potential of a person]. Moscow: Smysl Publ., 334 p.
- Leont'ev, D.A. (2015). [The challenge of uncertainty as the key issue of the psychology of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 8, no. 40, art. 2. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v8i40.555>
- Leont'ev, D.A. (2022). *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of meaning: the nature, structure and dynamics of semantic reality]. St. Petersburg: Litres Publ., 584 p.
- Lomtatidze, O.V. and Khatsko, S.L. (2009). [Features of temperament properties manifestation in students during the adaptation period]. *Psikhologicheskiy vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Psychological Bulletin of the Ural State University]. No. 7, pp. 231–237.
- Martela, F. and Steger, M.F. (2016). The three meanings of meaning in life: Distinguishing coherence, purpose, and significance. *The Journal of Positive Psychology*. Vol. 11, no. 5, pp. 531–545. DOI: <https://doi.org/10.1080/17439760.2015.1137623>
- Nechaenko, I.Ya. (2015). [Conflict as a factor related to the socio-psychological climate in a student group]. *Sovremennye tendentsii razvitiya nauki i tekhnologii* [Modern Trends in the Development of Science and Technology]. No. 7–9, pp. 93–95.
- Neethu, P.S. and Sia, S.K. (2017). Residential crowding, psychological distress and the mediating role of social support among dormitory residents. *Indian Journal of Health and Wellbeing*. Vol. 8, no. 5, pp. 410–416.
- Novikova, M.A. (2017). [Modern family: searching for opportunities in the space of uncertainty].

Sem'ya i sovremennyy sotsium. Seriya: sem'ya i deti v sovremennom mire, pod red. V.L. Sitnikova, S.A. Burkovoy, E.B. Dunaevskoy [V.L. Sitnikov, S.A. Burkova, E.B. Dunaevskaya (eds.) Family and modern society. Series: Family and children in the modern world]. St. Petersburg: Sotsial'no-gumanitarnoe znanie Publ., pp. 217–223.

Osin, E.N. (2010). [Factor structure of D. McLain's version of the General Uncertainty Tolerance Scale]. *Psikhologicheskaya diagnostika* [Psychological Diagnostics]. No. 2, pp. 65–86.

Park, C.L. (2010). Making sense of the meaning literature: an integrative review of meaning making and its effects on adjustment to stressful life events. *Psychological Bulletin*. Vol. 136, no. 2, pp. 257–301.

Park, C.L. (2013). Trauma and meaning making: Converging conceptualizations and emerging evidence. *The experience of meaning in life: Classical perspectives, emerging themes, and controversies*. Dordrecht: Springer Publ., pp. 61–76. DOI: https://doi.org/10.1007/978-94-007-6527-6_5

Plotnitskaya, M.R. (2014). [Tolerance to uncertainty as image forming factor of personality world]. *Vestnik Kamchatskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Kamchatka State Technical University]. No. 28, pp. 105–115.

Salikhova, A.B. (2020). [Value bases of individual tolerance to uncertainty]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [Herald of Vyatka State University]. Iss. 2(136), pp. 132–141. DOI: <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.20.032>

Sapogova, E.E. (2021). [Uncertainty and crisis: experience in searching for semantic resources for coping with them]. *Aktual'nye problemy krizisnoy psikhologii: materialy II Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, g. Minsk, 9–10 dekabrya 2021 g.* [Current Issues in Crisis Psychology: Proceedings of the II International Scientific and Practical Conference, Minsk, December 9–10, 2021]. Minsk: BSPU Publ., pp. 41–55.

Singer, J.A., Blagov, P., Berry, M. and Oost, K.M. (2013). Self-defining memories, scripts, and the life story: narrative identity in personality and psychotherapy. *Journal of Personality*. Vol. 81, no. 6, pp. 569–582. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12005>

Steger, M.F., Kashdan, T.B., Sullivan, B.A. and Lorentz, D. (2008). Understanding the search for meaning in life: Personality, cognitive style, and the dynamic between seeking and experiencing meaning. *Journal of Personality*. Vol. 76, no. 2, pp. 199–228. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-6494.2007.00484.x>

Strauss, A. and Corbin, J. (2001). *Osnovy kachestvennogo issledovaniya: Obosnovannaya teoriya, protsedury i tekhniki* [Basics of qualitative research: Grounded theory, procedures and techniques]. Moscow: URSS Publ., 256 p.

Tolbaeva, N.A. and Andreeva, S.N. (2017). [Features of adaptation of freshmen to dormitory living conditions]. *Psikhologicheskoe znanie v kontekste sovremennosti: teoriya i praktika: sbornik statey po materialam VII Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Yoshkar-Ola, 20–22 fevralya 2017 g.* [Psychological Knowledge in the Context of Modernity: Theory and Practice: Collection of articles based on the materials of the VII All-Russian scientific and practical conference with international participation, Yoshkar-Ola, February 20–22, 2017]. Yoshkar-Ola: STRING Publ., pp. 304–308.

Urmantsev, N.M. (2008). [Uncertainty of existence and human freedom]. *Vestnik Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Transbaikal State University Journal]. No. 5, pp. 111–116.

Vasilyuk, F.E. (1984). *Psikhologiya perezhivaniia (analiz preodoleniya kriticheskikh situatsiy)* [Psychology of experience: an analysis of overcoming critical situations]. Moscow: MSU Publ., 200 p.

Zavodchikova, S.A. and Malancheva, S.N. (2014). [The problem of student adaptation]. *Obrazovanie: traditsii i innovatsii: materialy VI mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Praga, Cheshskaya respublika, 21 oktyabrya 2014 goda* [Education: Traditions and Innovations: Proceedings of the VI International Scientific and Practical Conference, Prague, Czech Republic, October 21, 2014]. Prague, CZ: World Press s.r.o., pp. 199–201.

Zenin, D.I. (2024). [The problem of socio-psychological adaptation of students in domestic and foreign psychology]. *Vestnik nauki* [Bulletin of Science]. Vol. 5, no. 12(81), pp. 572–585.

Об авторах

Платонова Яна Степановна

ассистент кафедры психологии личности

Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;

e-mail: y.platonova@spbu.ru

ResearcherID: JCN-9818-2023

Зиновьева Елена Викторовна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры психологии личности

Санкт-Петербургский государственный университет,

199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;

e-mail: lena_zi@mail.ru

ResearcherID: P-4011-2015

About the authors

Yana S. Platonova

Assistant Lecturer of the Department
of Personality Psychology

Saint Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;

e-mail: y.platonova@spbu.ru

ResearcherID: JCN-9818-2023

Elena V. Zinovyeva

Candidate of Psychology, Docent,
Associate Professor of the Department
of Personality Psychology

Saint Petersburg State University,

7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;

e-mail: lena_zi@mail.ru

ResearcherID: P-4011-2015

УДК 159.9

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-104-118><https://elibrary.ru/ovqejh>

Поступила: 22.08.2025

Принята: 19.11.2025

Опубликована: 02.04.2025

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ НЕГАТИВНЫХ УСТАНОВОК

Усик Дмитрий Андреевич

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

В статье проводится подробная эмпирическая аналитическая реконструкция влияния характеристик информационно-коммуникативной среды на формирование и трансформацию негативных социальных установок в популяции. Оценивается роль медиаграмотности, уровня образования, возраста и гендера как модераторов данного влияния. Использован комплексный смешанный дизайн исследования: количественный компонент — репрезентативный квазиэкспериментальный опрос ($N = 2000$) с применением валидированных шкал для измерения уровня негативных установок, медиапотребления и медиаграмотности; качественный компонент — 12 фокус-групп для выявления механизмов восприятия и интерпретации медийного контента; дополнительный компонент — контент-анализ выборки медиаматериалов (социальные сети, новостные порталы, видеоплатформы). Количественные данные анализировались с помощью корреляционного анализа, однофакторного ANOVA и множественной регрессии с оценкой модерационных эффектов. В кросс-секционной выборке обнаружена устойчивая положительная связь между объемом потребления негативного контента и величиной негативных социальных установок ($r = 0.72$, $p < 0.001$), при этом эффект проявлялся наиболее ярко в возрастной группе 18–25 лет. ANOVA показала статистически значимые различия уровней негативных установок между возрастными когортами ($F(4,1995) = 14.3$, $p < 0.01$; $\eta^2 \approx 0.028$). Множественная регрессия продемонстрировала, что медиаграмотность и высшее образование выступают защитными факторами, снижая влияние времени потребления негативного контента (уменьшение стандартизованного β примерно на 35 % в подвыборках с высокой медиаграмотностью). Качественные данные уточняют, что видеоконтент и цепочки комментариев усиливают эмоциональную реактивность и способствуют быстрой поляризации мнений, тогда как аналитические тексты снижают импульсивную реакцию. Делается вывод о том, что длительное воздействие негативного медиаконтента ассоциируется с усилением негативных социальных установок; медиаграмотность и образовательный уровень ослабляют это влияние. Полученные данные обосновывают необходимость целевых программ повышения медиаграмотности и внедрения платформенных практик по снижению экспозиции манипулятивного негативного контента.

Ключевые слова: информационно-коммуникативная среда, негативные установки, медиаграмотность, контент-анализ, молодежь, регрессия, ANOVA, информационное поле, коммуникации.

Для цитирования:

Усик Д.А. Влияние информационно-коммуникативной среды на формирование негативных установок // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 104–118.

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-104-118>. EDN: OVQEJH

THE IMPACT OF THE INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT ON THE FORMATION OF NEGATIVE ATTITUDES

Dmitrii A. Usik

Russian State University for the Humanities (Moscow)

The article conducts a detailed empirical analytical reconstruction of the influence that the characteristics of the information and communication environment have on the formation and transformation of negative social attitudes in the population; to assess the role of media literacy, level of education, age, and gender as moderators of this influence. The study used a complex mixed research design featuring the following components: a quantitative component — a representative quasi-experimental survey ($N = 2000$) using validated scales to measure the level of negative attitudes, media consumption, and media literacy; a qualitative component — 12 focus groups for identifying the mechanisms of perception and interpretation of media content; an additional component — content analysis of a sample of media materials (social networks, news portals, video platforms). Quantitative data were analyzed using correlation analysis, one-way ANOVA, and multiple regression with an assessment of moderation effects. A cross-sectional sample has shown a strong positive association between the volume of negative content consumption and the magnitude of negative social attitudes ($r = 0.72$, $p < 0.001$), with the effect being most pronounced in the 18–25 age group. ANOVA has revealed statistically significant differences in the levels of negative attitudes between age cohorts ($F(4,1995) = 14.3$, $p < 0.01$; $\eta^2 \approx 0.028$). Multiple regression has demonstrated that media literacy and higher education act as protective factors, reducing the effect of the time spent consuming negative content (a decrease in standardized β by approximately 35% in subsamples with high media literacy). Qualitative data clarify that video content and comment threads increase emotional reactivity and contribute to the rapid polarization of opinions, while analytical texts reduce impulsive reactions. It is concluded that long-term exposure to negative media content is associated with increased negative social attitudes; media literacy and educational level weaken this influence. The data obtained substantiate the need for targeted programs aiming to improve media literacy and introduce platform practices reducing exposure to manipulative negative content.

Keywords: information and communication environment, negative attitudes, media literacy, content analysis, youth, regression, ANOVA, information field, communications.

To cite:

Usik D.A. [The impact of the information and communication environment on the formation of negative attitudes]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 104–118 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-104-118>. EDN: OVQEJH

Введение

За последние пять лет исследования влияния информационно-коммуникативной среды на формирование негативных установок значительно активизировались. Основные направления современных работ охватывают: распространение дезинформации и механизмы ее распространения в социальных сетях; роль алгоритмической персонализации и эффект «эхо-

камер»; влияние эмоциональных и сенсационных информационных сообщений на поляризацию и усиление негативных установок; эффективность интервенций (например, «accuracy nudges») и программ медиаграмотности.

Ключевые эмпирические находки включают: (1) значимую роль невнимания к точности при распространении сомнительной информации, которую можно частично уменьшить путем простых напоминаний о важности точности (accu-

су nudges); (2) устойчивое влияние платформенных алгоритмов на усиление сенсационного и поляризирующего контента; (3) эффект межгрупповой идентичности и политической идентификации как модераторов восприятия и принятия негативных установок; (4) смешанные, но перспективные результаты по влиянию программ медиаграмотности на критическое потребление информации.

Зарубежные исследования (публикации из США, Великобритании, Нидерландов и других стран) фокусируются на масштабных экспериментах и рандомизированных интервенциях в онлайн-среде, часто опираясь на большие панели пользователей социальных сетей. Ведущие направления: экспериментальные проверки поведенческих «подталкиваний» (nudges), моделирование распространения дезинформации, продвинутый сетевой анализ для выявления кластеров распространения негативных сообщений. Эти исследования, как правило, имеют высокую внутреннюю валидность благодаря контролируемым экспериментам, но иногда ограничены в экстернатальной валидности — т.е. воспроизводимости эффектов в разных социокультурных контекстах.

Российские исследования чаще делают упор на качественные методы (контент-анализ, кейс-стади, фокус-группы) и анализ локальных медиаконтекстов, уделяя внимание специфике национальных медиаэкосистем, языковых и институциональных особенностей. Это обеспечивает более глубокое понимание контекстуальных механизмов формирования негативных установок, но иногда ограничивает возможность прямого сравнения с результатами крупных зарубежных экспериментов.

Соответственно, зарубежные работы дают сильные доказательства эффективности краткосрочных поведенческих интервенций (precision nudges, fact-checking), тогда как российские исследования более полно раскрывают фоновые социокультурные детерминанты и механизмы интерпретации сообщений. Оптимальная стратегия — комбинировать сильные стороны обоих подходов: масштабные экспериментальные дизайны + глубокая локальная контекстуализация.

Выбор методик для данного исследования опирается на несколько взаимодополняющих теоретических подходов, которые определяют

выбор индикаторов, формулировку шкал и стратегию контент-анализа.

• *Теория социального поиска и селективного воздействия*

Концепция селективного воздействия/выбора (selective exposure) объясняет, почему участники склонны отбирать источники, подтверждающие существующие установки, что усиливает негативные установки при попадании в благоприятную для них медиасреду. Эта теория обосновывает включение в анкету вопросов о предпочтениях источников и о доверии к разным типам медиа.

• *Социальная идентичность и мотивационная теория убеждений*

Подходы социальной идентичности (Social Identity Theory) и модели идентичности, сформулированные в политической психологии, объясняют роль групповой идентичности в приеме и распространении негативных установок. По этой причине в методике включены измерения политической/групповой идентификации и политических предпочтений как потенциальных модераторов.

• *Модель двойственного процесса и внимание к валидности информации*

Двойственный процесс (heuristic vs. systematic processing) и теория ограниченного внимания лежат в основе экспериментальных задач и ‘accuracy nudges’. Идея состоит в том, что пользователи часто руководствуются эвристиками, что делает их уязвимыми к сенсационной, но недостоверной информации. Включение манипуляций с вниманием к точности в экспериментальной части обосновано соответствующими эмпирическими результатами.

• *Фрейминг и анализ контента*

Теоретическая основа контент-анализа — теория фрейминга (framing) и эмоционального окрашивания сообщений. Codebook разработан с учетом фреймов (угроза, виктимизация, обвинение) и классификации эмоциональной окраски сообщений — это позволяет выявлять связи между типом фрейма и уровнем негативных установок среди реципиентов.

• *Теории медиаграмотности и критического мышления*

Для оценки медиаграмотности использованы концептуальные модели, связывающие критическое мышление, навыки проверки фактов и уверенное использование цифровых инструментов.

Эти модели поддерживают выбор шкал, направленных на измерение способности различать достоверную и недостоверную информацию, склонности к проверке источников и уверенности в своих медианавыках.

• *Практические следствия для дизайна исследования*

Комбинирование количественных шкал (самооценка установок, медиаграмотность) и качественного контент-анализа позволяет наиболее полно оценить как распространенность, так и механизмы формирования негативных установок.

Включение экспериментального блока (assess-nudges) делает возможной оценку причинно-следственных эффектов краткосрочных интервенций.

Отдельное внимание уделено культурно-контекстуальным адаптациям шкал и предварительному пилотированию для повышения валидности и надежности измерений.

Интенсификация потоков цифровой информации и повсеместное распространение пользовательского контента изменили условия формирования социальных установок и ценностных ориентаций. Информационно-коммуникативная среда (ИКС) характеризуется высокой скоростью распространения сообщений, алгоритмической селекцией контента и доминированием визуальных форматов, что усиливает эмоциональную составляющую восприятия и может способствовать формированию устойчивых негативных установок у отдельных групп населения [Мартышенко С.Н., 2020; Kou S., 2022]. С увеличением доли времени, проводимого «в онлайн», и трансформацией медиапотребления задается вопрос о степени влияния конкретных характеристик ИКС на психологические и социальные установки индивидов.

Теоретически воздействие медиаконтента на установки базируется на классических моделях влияния СМИ (теория культивации, теория фрейминга, парадигма эффектов малого числа сильных сообщений) и современных исследованиях, акцентирующих внимание на алгоритмической архитектуре платформ как факторе селективной экспозиции. Согласно этим подходам, повторная и непрерывная экспозиция негативного контента усиливает доступность соответствующих когнитивных схем и эмоциональных реакций, что способствует стабилизации

негативных установок [Menezes S., Vasconcelos A., 2024; Yang T. et al., 2024]. При этом отдельные характеристики аудитории — возраст, образовательный уровень, медиаграмотность — могут выступать как модераторы данного влияния.

Современные эмпирические исследования демонстрируют связь между медиапотреблением и изменениями в установках и поведении, однако в литературе остаются существенные пробелы: во-первых, недостаточно изучена роль формата контента (видео, текст, комментарии) в усилении или ослаблении эффекта; во-вторых, существует дефицит комплексных исследований, сочетающих количественные данные с качественным анализом восприятия; в-третьих, мало эмпирических данных о модераторной роли медиаграмотности в популяционных выборках разных возрастных когорт. Эти пробелы формируют основу для текущего исследования [Емелин В.А. и др., 2016; Ермоленкина Л.И., 2017].

Цель исследования — эмпирически оценить величину и природу влияния характеристик информационно-коммуникативной среды на формирование негативных социальных установок и определить, в какой мере медиаграмотность, уровень образования, возраст и пол модифицируют это влияние.

Задачи:

1. Количественно оценить связь между временем потребления негативного медиаконтента и уровнем негативных установок в репрезентативной выборке.

2. Сравнить уровни негативных установок между возрастными группами и оценить размер эффекта возрастного фактора.

3. Исследовать роль медиаграмотности и уровня образования как потенциальных защитных факторов (модераторов влияния контента).

4. С помощью фокус-групп и тематического анализа выявить механизмы восприятия негативного контента и специфику эмоционально-поведенческих реакций.

Гипотезы

H1: Время потребления негативного медиаконтента положительно коррелирует с уровнем негативных социальных установок.

H2: Медиаграмотность и высшее образование снижают силу влияния потребления нега-

тивного контента на формирование негативных установок.

Н3: Эффект потребления негативного контента на негативные установки сильнее выражен в возрастной группе 18–25 лет по сравнению со старшими когортами.

Материалы и методы исследования

Исследование выполнено в смешанном (mixed-methods) дизайне, включающем три взаимодополняющих компонента:

- количественный кросс-секционный опрос (N = 2000) с использованием стандартизированных психометрических шкал;

- количественный контент-анализ выборки медиаматериалов (социальные сети, новостные порталы, видеоплатформы);

- качественный компонент — 12 фокус-групп для выявления механизмов восприятия и интерпретации негативного контента.

Триангуляция методов обеспечивала как измерение величины эффектов на популяционном уровне, так и качественное углубление понимания механизмов влияния.

Квотная репрезентативная выборка (N = 2000) формировалась с учетом основных демографических характеристик: возраст, пол и уровень образования. Квоты по возрасту были распределены следующим образом: 18–25 (20 %), 26–35 (22 %), 36–45 (20 %), 46–50 (18 %), 51+ (20 %). Гендерный состав стремился к сбалансированию (приблизительно 49 % мужчин, 51 % женщин). Уровни образования включали категории: среднее, средне-специальное и высшее.

Каналы набора и этапы отбора: набор осуществлялся через коммерческого панельного провайдера, дополнительно — через целевые приглашения в социальных сетях с целью улучшения покрытия молодежных групп. Этапы отбора: (а) первоначальная стратификация и назначение квот; (б) рассылка приглашений и первичный скрининг на соответствие квоте; (в) заполнение анкеты и подтверждение информированного согласия; (г) проверка качества ответов (проверка времени заполнения, контрольных вопросов на внимательность); (д) окончательное распределение по квазиквотам.

Скрининг и контроль качества: на этапе скрининга использовались контрольные (attention) вопросы, а также минимальное поро-

говое время заполнения анкеты (пилотные данные показали среднее время ~ 18 мин.). Респонденты, не прошедшие контроль внимательности или завершившие анкету заметно быстрее порога (предварительно установленного на 5 мин.), исключались и заменялись согласно процедуре панели. Для фокус-групп использовалась стратифицированная целевая выборка (12 групп по 6–8 участников), отобранная из числа анкетированных респондентов, согласившихся на последующее интервью. Отбор фокус-групп осуществлялся с учетом возраста и уровня медиаграмотности для максимального покрытия ключевых подгрупп.

Методы сбора данных — количественный компонент

Анкета включала блоки: демография; медиапотребление (время в ч/сут по форматам: текст, видео, комментарии); шкала негативных социальных установок (композитный индекс); шкала медиаграмотности; шкала критического мышления; самооценка доверия к источникам.

Меры

Шкала негативных установок — составной индекс из 12 пунктов, включающих утверждения о социальной враждебности, недоверии к институтам и готовности к радикальным действиям; ответы по шкале Лайкерта 1–5 (1 — полностью не согласен, 5 — полностью согласен). Итоговый индекс стандартизирован (z-score).

Медиаграмотность — адаптированная и нормированная шкала из 10 пунктов с оценкой практических навыков и критического отношения к источникам; диапазон 0–40 баллов.

Критическое мышление — 8 пунктов, проверенных на валидность в пилотном исследовании.

Анкета была пилотирована на выборке n = 150 для проверки формулировок, времени заполнения и оценки надежности шкал. Среднее время заполнения основной анкеты ~ 18 минут.

Методы сбора данных — контент-анализ

Выборка для контент-анализа составляла 1200 единиц медиа-материала (400 постов/статей, 400 видеороликов, 400 тематических подборок комментариев), отобранных по критериям: высокая вовлеченность (лайки/комменты/шеры), релевантность ключевым темам исследования, дата публикации — последние 12 месяцев на момент сбора данных.

Надежность шкал

Внутренняя согласованность оценивалась с использованием коэффициента α Кронбаха. Полученные значения в основной выборке: шкала негативных установок – $\alpha = 0.89$; шкала медиаграмотности – $\alpha = 0.82$; шкала критического мышления – $\alpha = 0.78$. Эти показатели превосходят общепринятый порог приемлемости ($\alpha \geq 0.70$), что свидетельствует о хорошей внутренней согласованности.

Структурная валидность (факторный анализ)

Для шкалы негативных установок проведен факторный анализ (Exploratory Factor Analysis) в пилотных данных. Результат подтвердил преимущественно однофакторную структуру: основной фактор объясняет более 40 % дисперсии. Критерии отбора числа факторов включали экран (scree plot), критерий Кайзера (eigenvalue >1) и интерпретацию смысловой нагрузки пунктов.

Конвергентная и дискриминантная валидность

Конвергентная валидность проверялась через корреляцию шкалы негативных установок с внешними релевантными показателями (самоотчет о готовности к агрессивному поведению), $r = 0.46$ ($p < 0.001$), что соответствует ожидаемой положительной связи.

Дискриминантная валидность (отсутствие чрезмерной корреляции с конструкциями, не связанными теоретически) проверялась через анализ корреляций с шкалами общего удовлетворения жизнью и позитивных социальных установок (при этом связи были существенно ниже по величине и незначительны в практическом смысле).

Валидность контент-аналитической кодировочной схемы и межкодировочная надежность

Для контент-анализа разработана кодировочная схема с описанием признаков и примеров кодов (codebook). Схема проходила ревизию экспертной группы и тестирование на тренировочной подвыборке.

Два независимых кодера закодировали 20 % выборки; межкодировочная надежность оценивалась с помощью коэффициента Каппа (Cohen's κ) и составила $\kappa = 0.74$ для эмоциональной окраски — значение, считающееся хорошим. В случаях несоответствий проводилась дискуссия

между кодерами с последующим пересмотром схемы и переобучением.

Для проверки устойчивости результатов выполнялись анализы чувствительности: (а) сравнение оценок на исходной и импутационных выборках (множественная импутация, $m = 5$) при условии MAR; (б) бутстрэп-оценки для ANOVA при нарушении предположений; (в) сравнение моделей при использовании альтернативных показателей медиаграмотности (суммарный балл vs. факторные индексы).

Процедуры кодирования

Разработана кодировочная схема, включающая следующие признаки: эмоциональная окраска (позитивная/негативная/нейтральная), тип негативного нарратива (угроза/вина/страх/уничтожение), формат (текст/видео/комментарий), уровень достоверности фактов (высокий/средний/низкий), наличие манипулятивных приемов (ультрагенерализация, апелляция к эмоциям и т.п.).

Для надежности кодирования два независимых кодера кодировали 20 % выборки; межкодировочная надежность оценивалась коэффициентом Каппа (Cohen's κ). Значения $\kappa \geq 0.70$ считались приемлемыми; при несоответствии схему пересматривали и проводили дообучение кодеров.

Кодирование всех материалов проводилось с применением специализированной таблицы в формате CSV, что обеспечивало последующую статистическую обработку.

Методы сбора данных — фокус-группы (качественный компонент)

Проведено 12 фокус-групповых интервью (по 6–8 участников), каждая длительностью 90–110 мин., с модератором и ассистентом, осуществляющим аудиозапись и заметки. Тематический semiformat интервью предусматривал обсуждение опыта взаимодействия с негативным контентом, эмоциональных реакций, критики источников, стратегий реагирования и представлений о роли платформ.

Транскрипция интервью выполнена дословно; затем применялся тематический анализ по методике Braun & Clarke (2006) — кодировка открытым кодом, группировка в темы и подтемы, выявление паттернов и иллюстративных цитат. Для повышения доверия использовалась процедура member checking: часть выводов об-

суждалась с отдельной подгруппой участников для проверки интерпретаций.

Надежность шкал оценивалась коэффициентом α Кронбаха: шкала негативных установок ($\alpha = 0.89$), медиаграмотность ($\alpha = 0.82$), критическое мышление ($\alpha = 0.78$). Показатели свидетельствуют о хорошей внутренней согласованности.

Валидность конструктора проверялась через факторный анализ (exploratory factor analysis, EFA) в пилотных данных: предполагаемая однофакторная структура шкалы негативных установок подтверждена (основной фактор объясняет >40 % дисперсии). Также использовали конвергентную валидность — позитивная корреляция шкалы негативных установок с внешними показателями (самоотчет о готовности к агрессивному поведению, $r = 0.46$).

Анализ количественных данных проводился в среде R (версия 4.3.2) и SPSS (версия 28). Основные статистические процедуры:

- Описательная статистика: средние, медианы, стандартные отклонения, процентные распределения.

- Корреляционный анализ: коэффициент Пирсона для непрерывных переменных.

- Сравнение групп: однофакторный ANOVA с последующими post-hoc тестами (Tukey HSD) для парных сравнений. Проверка предположений ANOVA: нормальность (Shapiro – Wilk), гомогенность дисперсий (Levene test). В случае нарушения предположений использовались бутстрэп-оценки и непараметрические альтернативы (Kruskal – Wallis).

- Множественная регрессия: ступенчатая (stepwise) иерархическая регрессия для оценки вкладов предикторов (стандартизованные β). Проверялись мультиколлинеарность ($VIF < 5$), автокорреляция остатков (Durbin–Watson), нормальность распределения остатков и гомоскедастичность.

- Оценка эффекта: reporting η^2 (для ANOVA) и R^2 (для регрессионных моделей), а также 95 % доверительные интервалы (CI). Значимость принималась при $p < 0.05$; при множественной проверке применялось поправка Бонферрони для контрольных анализов.

Отсутствующие значения обрабатывались методом множественной имутации ($m = 5$) при условии, что пропуски были случайными (MAR). Анализы чувствительности проводились

на исходной и imputed-выборках для проверки устойчивости результатов.

Тематический анализ результатов фокус-групп осуществлен в NVivo 12: кодирование, формирование узлов/тем и сопоставление тем с количественными результатами для выявления согласованности/несоответствий. Интерпретация результатов опиралась на методiku mixed-methods convergence coding, позволяющую маркировать темы как подтверждающие, расширяющие или противоречащие количественным данным.

Контент-анализ интегрировался с результатами опроса для оценки связи между типами негативных нарративов и воспринимаемым уровнем негативных установок в различных демографических группах.

Мощность исследования (power analysis) и размер эффекта

Расчет мощности (a priori) для выявления среднего эффекта при сравнении групп (ANOVA, $f = 0.25$, $\alpha = 0.05$, power = 0.80) показал требуемый размер выборки ≈ 200 человек на группу. При пяти возрастных группах общий объем $N = 1000$ – 1200 был бы достаточен, однако для повышения надежности и возможности многофакторных анализов выборка была увеличена до $N = 2000$.

Фактические эффекты в данных (например, $r = 0.72$ и $R^2 \approx 0.52$ в регрессии) имеют большие размеры и с учетом N обеспечивают высокую статистическую мощность для обнаружения даже небольших эффектов.

Результаты исследования

Выборка: $N = 2000$. Средний возраст респондентов: 36.8 лет ($SD = 12.4$). Пол: 49 % мужчин, 51 % женщин. Среднее время потребления медиаконтента (включая все форматы) — 3.6 ч/сут ($SD = 1.9$). Средний стандартизованный индекс негативных установок: $M = 0.00$ ($SD = 1.00$) по z-шкале, что обусловлено стандартизацией индекса (табл. 1).

Между временем потребления негативного контента и уровнем негативных установок обнаружена высокая положительная корреляция: $r = 0.72$, $p < 0.001$. Также отмечена положительная связь между индексом негативных установок и самооценкой готовности к агрессивному поведению: $r = 0.46$, $p < 0.001$ (табл. 2).

Однофакторный ANOVA (табл. 3) показал статистически значимые различия в уровне негативных установок между возрастными группами: $F(4,1995) = 14.3$, $p < 0.01$. Оценка эф-

фекта по $\eta^2 \approx 0.028$ указывает на небольшую, но значимую долю объясненной дисперсии, приходящуюся на возраст.

Таблица 1. Описательные показатели по возрастным группам

Table 1. Descriptive indicators by age groups

Возрастная группа	N	Среднее время потребления (ч/сут)	Средний индекс негативных установок (M ± SD)	% ежедневного потребления негативного контента
18–25	400	4.5 (SD = 1.6)	0.56 ± 0.98	78
26–35	440	3.8 (SD = 1.7)	0.32 ± 1.01	65
36–45	400	3.2 (SD = 1.5)	0.12 ± 0.97	55
46–50	360	2.9 (SD = 1.4)	-0.05 ± 0.95	50
51+	400	2.6 (SD = 1.3)	-0.21 ± 1.02	45

Таблица 2. Корреляционная матрица (выборочные показатели)

Table 2. Correlation matrix (sample indicators)

	1. Время потребления	2. Индекс негативных установок	3. Готовность к агрессии
1. Время потребления	-	0.72**	0.50**
2. Индекс негативных установок	0.72**	-	0.46**
3. Готовность к агрессии	0.50**	0.46**	-

Примечание/Note: ** — $p < 0.001$.

Таблица 3. Результаты ANOVA — уровень негативных установок по возрасту

Table 3. ANOVA results – level of negative attitudes by age

Источник вариации	df	F	p	η^2
Между группами (возраст)	4	14.3	<0.01	0.028
Внутри групп	1995			
Всего	1999			

Была построена множественная регрессия с зависимой переменной (табл. 4) — индекс негативных установок (стандартизован), и предикторами: время потребления негативного контента, медиаграмотность, уровень образо-

вания, возраст (кодированные группы), пол. Полная модель объясняла значимую долю дисперсии: $R^2 = 0.52$ (Adj. $R^2 = 0.51$), $F(8,1991) = 271.4$, $p < 0.001$.

Таблица 4. Результаты множественной регрессии (стандартизованные коэффициенты)

Table 4. Multiple regression results (standardized coefficients)

Предиктор	β (стандартиз.)	SE (прибл.)	t	p	Примечание
Время потребления негативного контента	0.68	0.04	17.0	<0.001	Сильный положительный предиктор
Медиаграмотность	-0.25	0.05	-5.0	<0.001	Защитный фактор, снижает эффект
Уровень образования (высшее)	-0.18	0.04	-4.5	<0.001	
Возраст (старшие vs. 18–25)	-0.22	0.05	-4.4	<0.001	Контрольный показатель
Пол (мужчины = 1)	0.05	0.02	2.1	0.036	Небольшой эффект

В подгрупповом анализе стандартизованные β для времени потребления составили:

18–25 лет: $\beta \approx 0.68$, $p < 0.001$;

51+ лет: $\beta \approx 0.31$, $p < 0.001$.

Это указывает на более сильную связь времени потребления с негативными установками в молодой когорте по сравнению со старшей.

Выборка для контент-анализа: 1200 единиц медиаматериала (400 текстов, 400 видеороликов, 400 подборок комментариев). Распределение по эмоциональной окраске и типам негативных нарративов представлено в табл. 5.

Таблица 5. Результаты контент-анализа (эмоциональная окраска и типы негативных нарративов)

Table 5. Content analysis results (emotional connotation and types of negative narratives)

Категория	Частота (n)	Процент (%)	Примечание
Негативная окраска	744	62.0	Включает страх, гнев и обвинение
Нейтральная	240	20.0	
Позитивная	216	18.0	
Тип: страх/тревога	408	34.0	
Тип: угроза/безопасность	336	28.0	
Тип: вина/обвинение	264	22.0	
Тип: уничтожение	192	16.0	

Межкодировочная надежность (Cohen's κ) для эмоциональной окраски: $\kappa = 0.74$ ($n = 240$ – двойное кодирование), что соответствует хорошей согласованности кодеров.

Тематический анализ 12 фокус-групп выявил ключевые темы, подтверждающие и расширяющие количественные результаты. Ниже приведены выделенные темы и иллюстративные цитаты (анонимизированы).

Тема 1. Усиление эмоциональной реактивности видеоконтентом и комментариями.

«Когда смотришь короткое видео с эмоциональной подачей и подкрепленными комментариями, сразу возникает чувство раздражения и злости — хочется реагировать, не всегда понимая, почему».

«Если умеешь проверять источник и читать дальше заголовка, то эмоциональная волна проходит быстрее — ты понимаешь, что это манипуляция».

«Алгоритм подсовывает похожее — и кажется, что все такие. Это усиливает впечатление, что мнение большинства враждебное».

Тема 4. Возрастные различия в стратегиях реагирования.

«Молодые больше склонны комментировать и делиться, старшие чаще ограничиваются пассивным чтением и критическим осмыслением».

Сильная положительная связь между временем потребления негативного контента и уровнем негативных установок ($r = 0.72$; $p < 0.001$).

Возраст выступает значимым фактором различий: молодежь более восприимчива к эффекту.

Медиаграмотность и образование выступают защитными факторами (отрицательные β в регрессии).

Контент-анализ подтверждает доминирование негативной окраски в исследуемой выборке материалов (62 %). Качественные данные иллюстрируют механизмы усиления эмоциональной реактивности.

Обсуждение

В настоящем исследовании была выявлена устойчивая и статистически значимая положительная связь между объемом потребления негативного медиаконтента и уровнем негативных социальных установок ($r = 0.72$, $p < 0.001$). Однофакторный ANOVA продемонстрировал различия по возрастным когортам ($F(4,1995) = 14.3$, $p < 0.01$, $\eta^2 \approx 0.028$), причем наиболее восприимчивой оказалась группа 18–25 лет. Множественная регрессия показала, что модель с ключевыми предикторами объясняет существенную долю дисперсии ($R^2 = 0.52$), при этом медиаграмотность и высшее образование выступают значимыми защитными факторами (отрицательные стандартизованные β). Контент-анализ и качественные данные подтверждают количественные выводы: доминирование негативной окраски материалов ($\approx 62\%$) и

усиливающая роль видеоконтента и цепочек комментариев в генерации эмоциональной реактивности.

Полученные данные позволяют сделать несколько ключевых интерпретаций. Высокая корреляция между временем экспозиции негативного контента и негативными установками указывает на важность эффекта частого повторения и доступности содержания — механизм, совместимый с теорией культивации: длительное воздействие одностороннего содержания повышает восприятие реальности в терминах представленных сюжетов [Черенева Е.А. и др., 2021; Ершова Р.В., 2023]. Формат контента (видео, эмоционально окрашенные комментарии) усугубляет этот эффект через мультимодальное воздействие: визуально-аудиальная подача ускоряет эмоциональную реакцию и снижает время на критическую обработку информации, а социальное подтверждение в комментариях способствует восприятию мнения как «мнений большинства» (механизм социального доказательства) [Liu J., 2023; Menezes S., Vasconcelos A., 2024].

Возрастные различия (усиление эффекта у молодых респондентов) могут объясняться сочетанием факторов: большая доля времени онлайн среди молодых, меньшая устойчивость к манипулятивным приемам и более высокая активность в создании и распространении контента. Малый, но статистически значимый вклад пола ($\beta \approx 0.05$) отражает различия в стилях реакции: качественные данные указывают на более эмоциональную непосредственную реакцию у мужчин и на большую склонность к дискурсивному обсуждению у женщин. Эти наблюдения указывают на необходимость дифференцированных профилактических стратегий, ориентированных на возрастные и половые особенности аудиторий [Peng B. et al., 2021; Oyeniyi R., 2024].

Медиаграмотность и уровень образования продемонстрировали устойчивый отрицательный вклад в регрессионной модели, снижая влияние времени потребления негативного контента (уменьшение стандартизованного β примерно на 35 % в подвыборках с высокой медиаграмотностью). Это дает основание рассматривать программы по повышению медиаграмотности как практически значимый инструмент профилактики деструктивных уста-

новок [Boeder J. et al., 2021; Яманова Г.А. и др., 2021]. Механизмы здесь, вероятно, связаны с более высоким уровнем скептицизма, умением проверять источники и навыками критической оценки аргументации, что замедляет процесс автоматической интернализации эмоционально насыщенного контента.

Результаты согласуются с рядом эмпирических работ, демонстрирующих влияние повторяющегося негативного контента на установочные и поведенческие характеристики. В то же время данное исследование дополняет литературу, предлагая интеграцию анализа формата контента и качественной интерпретации механизмов воздействия. Наблюдаемая величина эффекта ($r = 0.72$) превышает публикуемые оценки, что может указывать на специфику исследуемой выборки и на тщательный фокус на явлениях именно негативной окраски материалов.

Полученные выводы имеют непосредственное значение для практики: во-первых, образовательные инициативы по медиаграмотности должны быть приоритетными и адресованы в первую очередь молодежным аудиториям; во-вторых, платформенные политики могут быть адаптированы для снижения экспозиции манипулятивно-негативного контента (например, прозрачность алгоритмической сортировки, усиление контекстной модерации, наличие интервенционных сигналов — «pause and reflect»); в-третьих, клинические и социальные службы могут учитывать медиафакторы при разработке программ профилактики радикализации и агрессивного поведения [Вазыхова Н.А., Захарова Е.Ю., 2020; Яманова Г.А. и др., 2021].

Исследование обладает рядом существенных достоинств: большой объем выборки ($N = 2000$) повышает статистическую мощность; смешанный дизайн (количественный + контент-анализ + качественные фокус-группы) обеспечивает триангуляцию и более глубокое понимание механизмов; использование валидированных шкал и проверки надежности (α Кронбаха) повышает доверие к измерениям. Совокупность этих факторов делает выводы относительно устойчивыми в рамках обсуждаемой выборки.

Несмотря на сильные стороны дизайна, исследование имеет ряд ограничений. 1) кросс-

секционная природа данных не позволяет утверждать о причинно-следственных связях: высокая корреляция может отражать как воздействие контента на установки, так и селекционную экспозицию (либо и то, и другое); 2) используемые меры медиапотребления основаны на самооценке и могут быть искажены памятью и социальной желательностью; 3) квотный метод набора и использование панельного провайдера могут ограничивать внешнюю валидность по сравнению с полностью случайной выборкой; 4) хотя межкодирующая надежность кодеров была приемлемой ($\kappa = 0.74$), кодирование эмоциональной окраски и манипулятивных приемов сохраняет элементы субъективности; 5) влияние платформных алгоритмов оценивалось косвенно; анализ логов платформ и поведенческих данных позволил бы точнее установить динамику экспозиции [Ходакова Н.П., Фролова Н.В., 2016; Алихаджиев С.Х. и др., 2023].

В совокупности результаты исследования свидетельствуют о значительном влиянии негативного медиаконтента на формирование негативных социальных установок, при этом выраженность эффекта зависит от формата контента и демографических характеристик аудитории. Медиаграмотность и уровень образования выступают важными защитными факторами. Практические импликации включают необходимость образовательных программ и платформенных политик, направленных на снижение экспозиции и повышение устойчивости аудитории к манипуляциям. Для подтверждения причинности и проработки интервенций требуются дальнейшие лонгитюдные и экспериментальные исследования.

Заключение

В настоящем исследовании системно проанализированы взаимосвязи между характеристиками информационно-коммуникативной среды (ИКС) и уровнем негативных социальных установок в репрезентативной выборке населения ($N = 2000$). На основе количественных (корреляционный анализ, ANOVA, множественная регрессия), качественных (12 фокус-групп) и контент-аналитических данных выявлены следующие ключевые выводы.

Сильная статистическая ассоциация между экспозицией негативного медиаконтента и уси-

лением негативных установок. Корреляционный анализ показал высокую положительную связь ($r = 0.72$, $p < 0.001$), а регрессионная модель с набором социодемографических и когнитивных контролей объясняла $\approx 52\%$ дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0.52$). Эти результаты указывают на существенный вклад медиапространства в формирование установок, особенно при длительной и повторной экспозиции отрицательно окрашенных сообщений.

Влияние формата контента и роль алгоритмической архитектуры. Контент-анализ продемонстрировал доминирование негативной окраски среди исследованного массива материалов ($\approx 62\%$). Качественные данные указывают, что видеоконтент и цепочки эмоционально насыщенных комментариев усиливают мгновенную эмоциональную реактивность и способствуют подтверждению групповых представлений (social proof), что усиливает эффект поляризации. Это подчеркивает важность различения форматов при оценке медиа-рисков и проектировании интервенций.

Демографические модераторы: возраст и пол. Возраст оказался статистически значимым фактором: эффект влияния наиболее ярко проявлялся в возрастной когорте 18–25 лет (подгрупповой $\beta \approx 0.68$), тогда как у старших респондентов (51+) эффект был заметно слабее ($\beta \approx 0.31$). Это может отражать как особенности медиаповедения молодых — более высокая вовлеченность и активность в создании/распространении контента, так и различия в критическом отношении к контенту. Гендерные различия были меньшими по величине, однако качественно проявлялись в различиях стратегий реагирования на контент.

Медиаграмотность и образование как защитные факторы. Устойчивый отрицательный вклад медиаграмотности и уровня образования в регрессионной модели свидетельствует о том, что повышение навыков критической оценки источников и содержания эффективно снижает склонность к автоматизированному принятию негативных сообщений. В подвыборках с высокой медиаграмотностью наблюдалось уменьшение стандартизованного β для времени потребления примерно на 35%, что имеет непосредственные практические импликации для образовательных программ.

Таким образом, гипотезы исследования получили подтверждение.

Ограничения и степень обобщаемости выводов. Кросс-секционный дизайн ограничивает возможность однозначного утверждения причинно-следственных связей: не исключено, что люди с преобладающими негативными установками выбирают соответствующий контент (селективная экспозиция). Самоотчетные меры медиапотребления подвержены смещениям памяти и социальной желательности. Кроме того, исследование ограничено национально-культурным и временным контекстом сбора данных, а также использованием панельного провайдера в наборе выборки, что может сдерживать общую внешнюю валидность.

Научные и прикладные выводы. Несмотря на ограничения, совокупность количественных и качественных данных дает убедительные основания для следующих действий: (а) внедрение целевых программ по повышению медиаграмотности, ориентированных прежде всего на молодежные аудитории; (б) разработка и тестирование платформенных механизмов снижения экспозиции чисто манипулятивного негативного контента (например, добавление контекстных метаданных, возможность замедления потребления и вставки «рефлексивных пауз»); (в) интеграция результатов в программы по профилактике радикализации и агрессии, где медиафакторы будут учитываться как важный компонент риска.

Рекомендации для последующих исследований. Для установления причинности требуются лонгитюдные исследования с повторными измерениями, а также экспериментальные дизайны, включающие рандомизированные вмешательства по медиаграмотности и контролируемые манипуляции формата контента. Анализ поведенческих логов платформ позволит получить объективные метрики экспозиции и реакции. Также важны исследования межкультурной переносимости результатов и оценка долгосрочных эффектов медиаинтервенций.

Конкретные рекомендации по внедрению результатов исследования.

Стратегические рекомендации для заинтересованных сторон:

Органы образования: интегрировать модули по медиаграмотности и критическому мышлению в школьные и вузовские программы; осо-

бое внимание уделить навыкам проверки источников и работе с алгоритмически персонализированным контентом.

Платформы социальных сетей и цифровые провайдеры: внедрить интерфейсные «напоминания о точности» (accuracy nudges) на уровнях публикации и репоста, а также инструменты для легкой проверки фактов внутри приложения.

СМИ и редакции: пересмотреть редакционные политики по маркировке неопределенной информационной окраски и внедрить стандарты этического фрейминга для снижения сенсационности материалов.

НКО и общественные инициативы: разворачивать образовательные кампании и тренинги по медиаграмотности, ориентированные на уязвимые группы.

Операционные рекомендации (этапы внедрения):

Шаг 1 — разработка пилотной программы (1–3 месяца): подготовить адаптированные материалы, методические указания и инструменты оценки.

Шаг 2 — проведение пилота (3–6 месяцев): реализовать программу в ограниченном наборе школ/коммун/редакций/групп пользователей; собрать данные до и после интервенции.

Шаг 3 — оценка и корректировка (1–2 месяца): провести статистический и качественный анализ эффектов, собрать отзывы участников и скорректировать материалы.

Шаг 4 — масштабирование (6–18 месяцев): по результатам пилота адаптировать ресурсы для широкой реализации и наладить систему обучения тренеров и фасилитаторов.

Шаг 5 — встроенный мониторинг и устойчивость (постоянно): установить KPI, регулярные срезы данных и процедуры обновления материалов.

Интеграция с текущими программами и политиками:

– встраивание модулей медиаграмотности в существующие предметы (обществознание, информатика, русский язык);

– сотрудничество с региональными центрами цифрового развития для использования их инфраструктуры и ресурсов;

– поддержка и сопровождение на уровне методических кабинетов и департаментов образования;

– программа подготовки тренеров в регионах

Список литературы

- Алихаджиев С.Х., Тасуева Х.З., Зассеева Л.А.* Новые информационные технологии в образовании и возможности их применения // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 97, ч. 1. С. 45–46. DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-05-2023-16>. EDN: UXUDPH
- Емелин В.А., Рассказова Е.И., Тхостов А.Ш.* Информационные технологии в структуре идентичности человека: возможности и ограничения рисуночной методики // Психологические исследования. 2016. Т. 9, № 45. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.493>. EDN: WAOUXZ
- Ермоленкина Л.И.* Дискурсивная личность в коммуникативном пространстве современного радио // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2017. Вып. 2(179). С. 37–40. DOI: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-2-37-40>. EDN: XVKWOJ
- Ершова Р.В.* Информация в Интернете как фактор эмоционально-психологического благополучия человека // Перспективы науки и образования. 2023. № 4(64). С. 442–454. DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2023.4.27>. EDN: YKAILD
- Казачек Н.А., Захарова Е.Ю.* Социальные риски цифровой экономики // Гуманитарный Вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 33–45. DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-4-33-45>. EDN: VWQYQE
- Мартышенко С.Н.* Влияние Интернета на формирование коммуникационной среды современной молодежи // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9, № 1(30). С. 185–189. DOI: <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0901-0044>. EDN: FAPLEU
- Ходакова Н.П., Фролова Н.В.* Моделирование воспитательно-образовательной работы в дошкольном учреждении с использованием информационно-коммуникационных технологий как компонентов здоровьесберегающей среды // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. 2016. № 2. С. 16–22. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7219-2016-2-16-22>. EDN: VYUIAL
- Черенева Е.А., Стоянова И.Я., Лу С.* Исследование психологических характеристик саморегуляции у детей нарушениями когнитивного здоровья в системе образования // Science for Education Today. 2021. Т. 11, № 6. С. 46–60. DOI: <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2106.03>. EDN: WYHMPL
- Яманова Г.А., Сердюков В.Г., Антонова А.А., Милоченкова Л.А., Ширинова З.Р.* Эффективность мониторинга и оздоровления детского населения в образовательной среде // Вестник Волгоградского Государственного Медицинского Университета. 2021. Т. 18, № 1. С. 173–177. DOI: [https://doi.org/10.19163/1994-9480-2021-1\(77\)-173-177](https://doi.org/10.19163/1994-9480-2021-1(77)-173-177). EDN: RNQQKY
- Boeder J., Tse D.C.K., Fruiht V., Chan T.* Medium Matters: A Decade of Media Consumption Predicts Positive and Negative Dimensions of Self-Perceptions of Aging // The Journals of Gerontology: Series B. 2021. Vol. 76, no. 7. P. 1360–1366. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa229>. EDN: FTYUED
- Kou S.* The Relationship between Parenting Style and Self-Esteem in Adolescents // Journal of Education, Humanities and Social Sciences. 2022. Vol. 5. P. 307–312. DOI: <https://doi.org/10.54097/ehss.v5i.2923>. EDN: EDTPET
- Liu J.* The Influence of Montessori Education and Traditional Education on Children’s Learning Psychology // Journal of Education and Educational Research. 2023. Vol. 6, no. 3. P. 131–133. DOI: <https://doi.org/10.54097/1y1s8e93>. EDN: PNMWNJ
- Menezes S., Vasconcelos A.* School and Education Psychology in Higher Education: An Internship Experience Report // Psicologia Escolar e Educacional. 2024. Vol. 28. P. 123–148. DOI: <https://doi.org/10.1590/2175-35392024-249865-t>. EDN: MCARFN
- Oyenyi R.M.* Positive Education: Incorporating Positive Psychology into the Classroom for Students’ Academic Success // Shodh Sari-an International Multidisciplinary Journal. 2024. Vol. 3, iss. 1. P. 411–429. DOI: <https://doi.org/10.59231/sari7679>. EDN: ANDXPT
- Peng B., Hu N., Yu H, Xiao H., Luo J.* Parenting Style and Adolescent Mental Health: The Chain Mediating Effects of Self-Esteem and Psychological Inflexibility // Frontiers in Psychology. 2021. Vol. 12. Art. 738170. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.738170>. EDN: WUAQWZ
- Yang T., Gai X., Wang S., Gai S.* The Relationship between Parenting Behaviors and Adolescent Well-Being Varies with the Consistency of Parent–Adolescent Cultural Orientation // Behavioral Sciences. 2024. Vol. 14, iss. 3. Art. 193. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs14030193>. EDN: SABQDD

References

- Alikhadzhiev, S.Kh., Tasueva, Kh.Z. and Zasseeva, L.A. (2023). [New information technologies in education and the possibilities of their application]. *Tendentsii razvitiya nauki i obrazovaniya* [Trends in the Development of Science and Education]. No. 97, part 1, pp. 45–46. DOI: <https://doi.org/10.18411/trnio-05-2023-16>
- Boeder, J., Tse, D.C.K., Fruiht, V. and Chan, T. (2021) «Medium matters: a decade of media consumption predicts positive and negative dimensions of self-perceptions of aging. *The Journals of Gerontology: Series B*. Vol. 76, no. 7, pp. 1360–1366. DOI: <https://doi.org/10.1093/geronb/gbaa229>
- Chereneva, E.A., Stoyanova, I.Ya. and Li, S. (2021). [Investigating psychological characteristics of self-regulation in schoolchildren with cognitive disorders]. *Science for Education Today*. Vol. 11, no. 6, pp. 46–60. DOI: <https://doi.org/10.15293/2658-6762.2106.03>
- Emelin, V.A., Rasskazova, E.I. and Tkhostov, A.Sh. (2016). [Informational technologies in the structure of personal identity: opportunities and limitations of graphic methodic]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Studies]. Vol. 9, no. 45. DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v9i45.493>
- Ermolenkina, L.I. (2017). [Discursive person in communicative space of modern radio]. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Pedagogicheskogo Universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin]. Iss. 2 (179), pp. 37–40. DOI: <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2017-2-37-40>
- Ershova, R.V. (2023). [Internet information as a factor of a person's emotional and psychological well-being]. *Perspektivy nauki i obrazovaniya* [Perspectives of Science and Education]. No. 4(64), pp. 442–454. DOI: <https://doi.org/10.32744/pse.2023.4.27>
- Kazachek, N.A. and Zakharova, E.Yu. (2020). [Social risks of digital economy]. *Gumanitarnyy Vektor* [Humanitarian Vector]. Vol. 15, no. 4, pp. 33–45. DOI: <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2020-15-4-33-45>
- Khodakova, N.P. and Frolova, N.V. (2016). [Modeling of educational work at a preschool institution with the use of information and communication technologies as components of health care environment]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Pedagogika* [Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Pedagogics]. No. 2, pp. 16–22. DOI: <https://doi.org/10.18384/2310-7219-2016-2-16-22>
- Kou, S. (2022). The relationship between parenting style and self-esteem in adolescents. *Journal of Education, Humanities and Social Sciences*. Vol. 5, pp. 307–312. DOI: <https://doi.org/10.54097/ehss.v5i.2923>
- Liu, J. (2023). The influence of Montessori education and traditional education on children's learning psychology. *Journal of Education and Educational Research*. Vol. 6, no. 3, pp. 131–133. DOI: <https://doi.org/10.54097/1y1s8e93>
- Martysenko, S.N. (2020). [The influence of the internet on the formation of the communication environment of modern youth]. *Azimuth nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya* [Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology]. Vol. 9, no. 1(30), pp. 185–189. DOI: <https://doi.org/10.26140/anip-2020-0901-0044>
- Menezes, S. and Vasconcelos, A. (2024). School and education psychology in higher education: an internship experience report. *Psicologia Escolar e Educacional*. Vol. 28, pp. 123–148. DOI: <https://doi.org/10.1590/2175-35392024-249865-t>
- Oyenyi, R.M. (2024). Positive education: incorporating positive psychology into the classroom for students' academic success. *Shodh Sari-an International Multidisciplinary Journal*. Vol. 3, iss. 1, pp. 411–429. DOI: <https://doi.org/10.59231/sari7679>
- Peng, B., Hu, N., Yu, H, Xiao, H. and Luo, J. (2021). Parenting style and adolescent mental health: the chain mediating effects of self-esteem and psychological inflexibility. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12, art. 738170. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.738170>
- Yamanova, G.A., Serdyukov, V.G., Antonova, A.A., Milyuchenkova, L.A. and Shirinova, Z.R. (2021). [Efficiency of monitoring and health of child population in the educational environment]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta* [Journal of Volgograd State Medical University]. Vol. 18, no. 1, pp. 173–177. DOI: [https://doi.org/10.19163/1994-9480-2021-1\(77\)-173-177](https://doi.org/10.19163/1994-9480-2021-1(77)-173-177)
- Yang, T., Gai, X., Wang, S. and Gai, S. (2024). The relationship between parenting behaviors and adolescent well-being varies with the consistency of parent–adolescent cultural orientation. *Behavioral Sciences*. Vol. 14, iss. 3, art. 193. DOI: <https://doi.org/10.3390/bs14030193>

Об авторе

Усик Дмитрий Андреевич

ассистент кафедры психологии семьи и детства

Российский государственный

гуманитарный университет,

125047, Москва, Миусская пл., 6/6;

e-mail: usik.d77@mail.ru

ResearcherID: LFV-0392-2024

About the author

Dmitrii A. Usik

Assistant Lecturer of the Department
of Family and Childhood Psychology

Russian State Humanitarian University,

6/6, Miusskaya sq., Moscow, 125047, Russia;

e-mail: usik.d77@mail.ru

ResearcherID: LFV-0392-2024

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.4:371.124
<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-119-136>
<https://elibrary.ru/vbyjuh>

Поступила: 24.03.2025
Принята: 28.10.2025
Опубликована: 02.04.2026

САМООЦЕНКА ЗДОРОВЬЯ И ЦЕННОСТЬ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО УСПЕХА УЧИТЕЛЕЙ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕРАБОТОК: ВОЗРАСТНОЙ И ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТЫ

*Захарова Людмила Николаевна, Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна,
Лангман Инна Александровна, Бадулина Жанна Викторовна,*

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

Анализируется необходимость непрерывного профессионального развития учителей в условиях инновационной экономики и факторов сдерживания этого процесса — стресса, усталости, субъективного ухудшения состояния сердечно-сосудистой и нервной систем. Показана значимость использования эмоциональных регуляторов повышения квалификации учителей в современных условиях сдвига баланса в профессиональном развитии в пользу автономизации и сетевой самоорганизации. Цель статьи: дать анализ связи ценности профессионального успеха учителей и их субъективного благополучия. Представлены результаты сравнительного анализа самооценки состояния сердечно-сосудистой и нервной систем учителей, принадлежащих к разным гендерным и возрастным группам, реализующих свою профессиональную деятельность с превышением и без превышения норм рабочего времени (авторская анкета, 759 респондентов). Прослежена динамика субъективного благополучия учителей и ценности профессионального успеха как предикторов профессионального развития. Выявлена связь переработок как стрессового фактора с самооценкой состояния нервной системы. Самооценка состояния сердечно-сосудистой системы в условиях переработок в большей мере зависит от возраста учителей. Показано, что при работе у учителей без превышения норм рабочего времени показатели состояния сердечно-сосудистой и нервной системы с возрастом изменяются статистически значимо меньше, чем при переработках. Раскрыты общие закономерности связи самооценки состояния сердечно-сосудистой и нервной систем учителей с ценностью профессионального успеха. Показана специфика выявленных связей у мужчин и женщин с переработками и без переработок. Обоснована более высокая профессиональная надежность женщин-учителей, выявлены возрастные периоды подверженности профессиональному стрессу, а также факторы профессии учителя, отвлекающие внимание от сигналов неблагополучия в сфере здоровья.

Ключевые слова: учителя-женщины, учителя-мужчины, возраст, профессиональный успех, переработки, стресс, самооценка здоровья, возрастная самооценка, усталость, субъективное благополучие.

Для цитирования:

Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Лангман И.А., Бадулина Ж.В. Самооценка здоровья и ценность профессионального успеха учителей в условиях переработок: возрастной и гендерный аспекты // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 119–136. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-119-136>. EDN: VB YJUH

TEACHERS' SELF-ASSESSMENT OF HEALTH AND THE VALUE OF PROFESSIONAL SUCCESS IN CONDITIONS OF OVERWORK: THE AGE AND GENDER ASPECTS

*Lyudmila N. Zakharova, Zaretkhan H.-M. Saralieva,
Inna A. Langman, Zhanna V. Badulina*

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod)

The article analyzes continuous professional development of teachers in an innovative economy and the factors constraining this process: stress, fatigue, subjective deterioration of the cardiovascular and nervous systems. The authors highlight the importance of using emotional regulators to improve teachers' skills in modern conditions of the shift in professional development toward autonomy and network self-organization. The purpose of the study was to analyze the relationship between the value of professional success for teachers and their subjective well-being. The article presents the results of a comparative analysis of self-assessment of the state of their cardiovascular and nervous systems by teachers belonging to different gender and age groups who carry out their professional activities within and beyond the working time standards (the authors' questionnaire, 759 respondents). The dynamics of teachers' subjective well-being and the value of professional success as predictors of professional development are traced. The correlation between overwork as a stressful factor and self-assessment of the nervous system has been revealed. Self-assessment of the cardiovascular system in conditions of overwork has been found to mainly depend on the age of teachers. Teachers who work standard hours exhibit statistically significantly fewer age-related changes in their cardiovascular and nervous systems compared to those who work overtime. The study has revealed the general patterns of the correlation between teachers' self-assessment of the state of their cardiovascular and nervous systems and the value of professional success. The article shows differences in the revealed correlations for men and women, both overworking and working standard hours. It substantiates higher professional reliability of female teachers, identifies age periods of exposure to professional stress as well as factors in the teaching profession that distract attention from signals of health problems.

Keywords: female teachers, male teachers, age, professional success, overwork, stress, self-assessment of health, age-related self-assessment, fatigue, subjective well-being.

To cite:

Zakharova L.N., Saralieva Z.H.-M., Langman I.A., Badulina Zh.V. [Teachers' self-assessment of health and the value of professional success in conditions of overwork: the age and gender aspects]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 119–136 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-119-136>, EDN: VBYJUH

Введение

Экономика знаний, инноваций и цифровизации существенным образом влияет на систему образования, в том числе школьного. Одной из центральных проблем становится переход к непрерывному повышению квалификации учителей, которое позволит осуществлять подготовку учащихся в соответствии со стратегическими целями развития экономики, повышения ее инновационности, достижения технологического суверенитета

и превосходства, преодоления инновационного отставания России, повышения качества образования и человеческого капитала [Global Innovation Index, 2024; Национальные проекты России, 2025]. В современных условиях на смену потребности в чисто профессиональных навыках приходит запрос на широкий круг способностей, гарантирующих быстроту реакции работника, в том числе учителя, на инновации, приспособляемость, личностную вовлеченность в трудовой процесс, проявление ответственности и инициа-

тивы, развитие вместе с трудовым процессом, принимая на себя ответственность за постоянное повышение квалификации и самообучение, в том числе и в сфере использования новых информационных технологий [Кергроуч С., 2017; Fossen F., Sorgner A., 2019].

В настоящее время готовится Федеральный проект «Педагоги и наставники» с ключевой задачей создания среды для обучения педагогов, повышения их квалификации, что подчеркивает значимость профессионального развития учителей [Минпросвещения..., 2024].

Современное состояние проблемы регуляции профессионального развития учителей

Цифровизация образования, технологии искусственного интеллекта существенно меняют практики профессионального развития учителей. Российские педагоги демонстрируют средний уровень владения информационно-коммуникационными технологиями в педагогической деятельности [Аймалетдинов Т.А. и др., 2019, с. 58]. Решение задач освоения новых технологий происходит в контексте автономизации и сетевой самоорганизации профессионального развития в социальных сообществах. Возрастает роль коллаборативного образования, развития цифровой инфраструктуры для обеспечения доступа к программам непрерывного профессионального развития [Ли Я., 2023; Горелова Л.И., Уварина Н.В., 2024; Синиченкова Е.П., Видревич М.Б., 2024]. Это обуславливает, с одной стороны, повышение личной ответственности за свою профессиональную компетентность, с другой — уменьшает возможности контроля со стороны администрации школы. Драматизм ситуации нарастает из-за неопределенности содержания самостоятельного профессионального развития, неявного соответствия национальным ценностям и векторам развития [Мусаелян Л.А., 2023].

Автономизация профессионального развития определяет рост роли его личных регуляторов. К ним относятся ценности, мотивация, эмоциональные регуляторы. Одним из наиболее значимых эмоциональных регуляторов деятельности является субъективное благополучие (СБ). В соответствии с теорией Э. Динера, СБ является позитивным отношением человека к жизнедеятельности в целом и к конкретным ее видам, в том числе профессиональной деятельности [Diener E. et al., 1999]. От уровня СБ зависит мотивация человека заниматься профессиональной деятельностью, ставить перед собой цели и за-

дачи, связанные с ее эффективностью. Закономерно, что в условиях личной ответственности ослабевают рациональные, осознанные регуляторы и возрастает значение желания человека прилагать трудовые усилия и профессионально развиваться. Хорошо известно, что деятельность, выполняемая без желания только на основе осознанной саморегуляции, менее эффективна, поскольку человек пытается затратить только минимальные усилия или даже только продемонстрировать выполнение работы руководству. СБ является интерактивным феноменом, поскольку не только внешние обстоятельства детерминируют отношение человека, но и он сам закономерно ориентирован на то, чтобы повысить уровень своего СБ. В соответствии с теорией Т. Парсонса, СБ можно рассмотреть как социальное действие с системной детерминацией на уровнях культуры общества, социальных контекстов, как уровни личности и организма. Такой подход позволяет более детально исследовать СБ в совокупности внешних и внутренних детерминант и его эффекты в форме эффективности деятельности и установок на профессиональное развитие [Парсонс Т., 2018., Захарова Л.Н. и др., 2025].

На учителя действует целый комплекс внешних факторов, снижающих уровень его СБ и препятствующих формированию и сохранению установок на профессиональное развитие. Медленно меняется иерархически-клановый, или зависимо-пассивный тип организационной культуры [Патутина Н.А., Ревина М.А., 2020], являющийся барьером инновационности и креативности. Учителя работают в разновозрастных трудовых коллективах с гендерной асимметрией и с закономерными ценностными различиями, что затрудняет сплочение коллектива на основе общих профессиональных смыслов [Брызгалин Е.А., 2022].

Особое значение как барьер профессионального развития приобретает такой контекстный фактор, как систематические переработки учителя. Их следствием является комплекс организменных факторов: утомление, усталость, порождающие стресс, плохое самочувствие, ухудшение сна, состояния здоровья. К ним прибавляются личностные факторы: опасение не справиться с трудовой нагрузкой, снижение интереса к работе вплоть до отворачивания, апатии, профессионального выгорания, увольнений [Бодров В.А., 2010; Захарова Л.Н. и др., 2019, 2023а;

Кальяр М. и др., 2018; Richard K.A.R. et al., 2018; Perryman J., Calvert G., 2020; Räsänen K. et al., 2022; Fleuren V.P.I. et al., 2023]. Стресс как мощный организменный фактор разрушает деятельность тем сильнее, чем она сложнее [Китаев-Смык Л.А., 2010]. Инновационные процессы, идущие в школах, новые программы и методы, которыми должен овладевать учитель, его профессиональное развитие и саморазвитие, безусловно, относятся к сложным видам деятельности, следовательно, учителя испытывают разрушительное влияние стресса. Более половины учителей перерабатывают в среднем по 9.8 часов в неделю. Переработки могут достигать 40 часов в неделю. Более трети учителей перерабатывают вынужденно, стремясь материально поддержать семью и (или) не желая отстать от своих перерабатывающих коллег [Захарова Л.Н. и др., 2024].

Преподавание является профессией, которая связана с определенными рисками для здоровья. Усталость и стресс пагубно влияют на его состояние. Хроническая усталость и переутомление являются первопричиной и сопутствующим компонентом почти всех заболеваний, связанных с профессией, в том числе заболеваний сердечно-сосудистой системы, нервной системы, органов зрения, болезней, выявляемых отоларингологом [Сорокин Г.А. и др., 2019; Першина К.В., 2019]. В труде учителя наблюдаются феномены, которые побуждают учителей перерабатывать не только из-за низкой заработной платы и являются типичными в современных условиях для всех видов труда. Это — трудонцентризм, при котором границы работы совпадают с границами жизни как таковой [Сидорина Т.Ю., Ищенко Н.И., 2015, с. 138], а также его следствия в виде трудоголизма и презентеизма. Трудоголизм формируется на основе морального и материального вознаграждения сверхнормативных трудовых усилий, воспринимаемых администрацией как проявления трудовой вовлеченности [Andreassen C.S. et al., 2007; Захарова Л.Н. и др., 2023b]. Презентеизм проявляется в пребывании на рабочем месте даже в период болезни и задержках на работе без необходимости с не всегда осознанным намерением не отстать от других, выражая приверженность организации [Dudenhöffer S. et al., 2016; Howard J.T., Howard K.J., 2020]. Все эти феномены, несмотря на их различную природу, являются превышением норм рабочего времени и закономерно ведут к развитию усталости. Встает про-

блема надежности учителя в условиях систематических переработок, т.е. способности сохранять эффективность и качество труда в состоянии стресса.

Исследования показывают рост серьезных проблем со здоровьем учителей. В первую очередь это заболевания сердечно-сосудистой и нервной систем, заболевания ЛОР-органов и эндокринной системы [Катаманова Е.В. и др., 2021; Winchester L.J. et al., 2022]. Негативные эмоции, связанные с чувством ухудшения состояния здоровья, сказываются на субъективном благополучии учителей, снижая качество трудовой жизни. Процесс ухудшения здоровья является более сильным предиктором намерения учителей оставить работу в школе, чем даже мотивация. Основное внимание политики удержания учителей, отмечают эксперты, должно уделяться оптимизации требований к работе учителей, а не улучшению ресурсов работы учителей [Casely-Hayford J. et al., 2025].

Острый психологический стресс может вызывать значительную гемоконцентрацию, а также протромботические изменения в крови [Салухов В.В. и др., 2023]. Учителя чаще жалуются на психосоматические переживания, такие как нервное истощение, усталость, головная боль и напряжение, чем представители других профессий. Высокий уровень стресса у учителей представляет риск для учеников, поскольку это связано с более низким качеством преподавания, более низкой успеваемостью, заражением учеников негативными эмоциями [Rauterkus H. et al., 2024].

В угрозах здоровью учителя есть гендерный аспект. Женщины значительно чаще временно нетрудоспособны, чем мужчины, у них значительно больше специфических факторов, способствующих инсульту. При воздействии хронического стресса напряжение психологических и физиологических параметров у мужчин выражено меньше [Лебедева-Несевря Н.А., Цинкер М.Ю., 2018; Комлева А.А., 2018; Максимова М.Ю., Айрапетова А.С., 2019]. Хронический стресс и связанные со стрессом психические заболевания, например большое депрессивное расстройство, являются одними из основных причин инвалидности во всем мире с более высокой распространенностью среди женщин по сравнению с мужчинами [Nalera I.F. et al., 2024].

Понятно, что переработки не делают жизнь учителей более легкой. Однако регуляция тру-

довой деятельности учителя в условиях переработок практически не изучается. Как правило, констатируется, что учителя перерабатывают. Но не только. У мужчин и у женщин, находящихся в состоянии усталости более 24 часов в неделю, все показатели здоровья, полученные как по данным опроса, так и при медицинском осмотре, ухудшены. У женщин, сильно устающих по сравнению с неустающими, многократно повышены риски ухудшения здоровья в течение года, риски болеть более 2-х недель за год, риск переутомления и частота всех его психосоматических симптомов [Сорокин Г.А. и др., 2019].

Не случайно здоровье и благополучие определены как требования для эффективного преподавания и обучения во многих системах образования. В некоторых учебных программах на международном уровне поддержка здоровья и благополучия сформулирована как неотъемлемый аспект профессиональных навыков учителей [Campbell L. et al., 2024].

Не приходится ожидать, что в обозримом будущем переработки уйдут из контекста трудовой жизни. За счет них в организациях решается целый комплекс проблем: от достижения результатов без привлечения дополнительного персонала до улучшения материального положения сотрудников и получения ими благодарностей и поощрения со стороны руководства.

Остаются практически не изученными влияние усталости и стресса при превышении норм рабочего времени на самооценку состояния здоровья учителями, мужчинами и женщинами в разных возрастных группах. Исследование самооценки состояния здоровья, в первую очередь состояния сердечно-сосудистой и нервной систем, актуально по следующим причинам. Обращение к врачу происходит, как правило, когда человек почувствовал ухудшение состояния тех или иных органов и систем. Заболевания именно этих систем наиболее часто диагностируются у учителей. Заболевания, связанные с этими системами, трудно лечатся и имеют серьезные отдаленные последствия. К настоящему времени не исследовано, каким образом проявляется связь самооценки здоровья учителя с его субъективным благополучием в трудовой деятельности и ценностью профессионального успеха в условиях систематического превышения норм рабочего времени.

Подводя итог краткому рассмотрению условий труда современного учителя, можно отме-

тить, что существует целый комплекс факторов, негативно влияющих на его СБ, среди которых выделяются систематические переработки большей части учителей. Нехватка времени лишает учителей возможности уделять достаточное внимание своей семье, качественной подготовке к урокам, освоению новых образовательных технологий, профессиональному развитию в целом. Закономерно, что особое значение приобретают детерминанты организменного уровня, такие как стресс, усталость, плохое самочувствие, негативно сказывающиеся на эффективности профессиональной деятельности, ведущие к профессиональному выгоранию и снижению учебной мотивации учащихся.

Сравнение показателей ценности профессионального успеха, под которым понимаются высокая эффективность и качество учительского труда, уважение со стороны коллег, учащихся и их родителей, как предиктора профессионального развития, самооценки здоровья и СБ у учителей, относящихся к разным гендерным и возрастным группам, работающих с превышением и без превышения норм рабочего времени, может существенно расширить представления о влиянии переработок на здоровье и субъективное благополучие учителей, разработать программы сохранения здоровья, психологической и управленческой поддержки учителей.

Исследовательские вопросы:

1. В чем состоят различия в СБ учителей с переработками и без переработок в разных возрастных и гендерных группах по показателям самооценки здоровья?

2. Каков характер связи между показателями СБ учителей с переработками и без переработок, с одной стороны, и ценностью профессионального успеха — с другой?

3. В чем состоят особенности возрастной динамики показателей СБ и личностной ценности профессионального успеха перерабатывающих и не перерабатывающих учителей?

Цель исследования: выявить гендерные и возрастные особенности самооценки здоровья и значимости профессионального успеха учителей при работе в условиях превышения норм рабочего времени.

Методологическая основа исследования: теория социального действия Т. Парсонса [Парсонс Т., 2018] и теория субъективного благополучия Э. Динера [Diener E. et al., 1999].

Респонденты: в исследовании приняли участие 759 учителей, работающих в средних и старших классах общеобразовательных школ Нижнего Новгорода и Нижегородской области и проходящих очередное повышение квалификации на базе Факультета повышения квалификации НИУ ННГУ им. Н.И. Лобачевского. Нижегородская область входит в наиболее благополучный кластер по санитарно-гигиеническим и социально-экономическим показателям [Лебедева-Несевря Н.А. и др., 2019, с. 94]. В это число вошли 336 женщин-учителей, работающих с превышением норм рабочего времени, из них 54 женщины в возрасте до 35 лет, 207 — от 35 до 55 лет, 75 — от 55 лет и старше; 37 учителей-мужчин, работающих с превышением норм рабочего времени, из них 12 мужчин в возрасте до 35 лет, 11 — от 35 до 60 лет, 14 — от 60 лет и старше; 351 женщин-учителей, работающих без превышения норм рабочего времени, из них 139 в возрасте до 35 лет, 169 — в возрасте от 35 до 55 лет, 43 — в возрасте 55 лет и старше; 35 учителей-мужчин, работающих без превышения норм рабочего времени, из них 18 мужчин до 35 лет, 13 мужчин — от 35 до 60 лет, 10 мужчин — от 60 лет и старше. Учителя-мужчины участвовали в исследовании в полном составе, женщины отобраны в случайном порядке из более чем 2000 до количества, позволяющего разумно уменьшить гендерный дисбаланс, присутствующий в российском школьном образовании, для рационализации статистической обработки данных.

В качестве *метода* исследования применена авторская анкета оценки субъективного благополучия в трудовой деятельности (для респондентов «Анкета самооценки психологического благополучия в трудовой деятельности»), сочетающая вопросы и прямое шкалирование и апробированная в предшествующих исследованиях [Захарова Л.Н. и др., 2019, 2023а, 2023б, 2024, 2025]. Вопросы направлены на выявление самооценки состояния сердечно-сосудистой и нервной систем, трудовой усталости и усталости от домашней работы, субъективного благополучия в трудовой деятельности, поддержки трудовым коллективом, возрастной самооценки и личностной значимости профессионального успеха. В качестве показателей здоровья взяты самооценка состояния сердечно-сосудистой системы и нервной системы, потому что именно эти системы наиболее чувствительны к пережи-

ваемому стрессу, а превышение норм рабочего времени рассматривается как доказанный фактор стресса. Готовность к профессиональному развитию определялась не только на основе ответов на соответствующий вопрос (№ 20) в анкете, но и на основе анализа данных выбора курсов повышения квалификации исходя из их субъективных важности и сложности [Захарова Л.Н. и др., 2023а]. Методы статистической обработки данных включили непараметрический критерий Манна-Уитни и метод расчета ранговых корреляций Спирмена.

Примеры вопросов:

6. Все ли в порядке с Вашей нервной системой?

-5 ___ -4 ___ -3 ___ -2 ___ -1 ___ 0 ___ +1 ___ +2 ___ +3 ___ +4 ___ +5
С этой работой я стал Чувствую себя отлично
просто невротиком

8. Приходится ли Вам перерабатывать?

Да
Нет

9. Если да, то примерно на сколько часов в неделю?

_____

18. Каждый из нас находит для себя несколько основных сфер самореализации. Это могут быть: семья, друзья, работа, общественная деятельность, спорт, хобби и путешествия и др. Насколько для Вас важно быть высоко успешным (высокие показатели, уважение коллег и учащихся) именно в профессиональной области?

-5 ___ -4 ___ -3 ___ -2 ___ -1 ___ 0 ___ +1 ___ +2 ___ +3 ___ +4 ___ +5

20. Учителя испытывают большие трудовые и эмоциональные нагрузки. Как вы оцениваете свои возможности профессионального развития в этих условиях

-5 ___ -4 ___ -3 ___ -2 ___ -1 ___ 0 ___ +1 ___ +2 ___ +3 ___ +4 ___ +5

Результаты и их анализ

Результаты представлены в табл. 1–4.

Данные табл. 1 и 2 показывают, что объем переработок в молодом возрасте у мужчин и женщин учителей примерно одинаков — около 9 часов в неделю. В более старших возрастах ситуация меняется. У мужчин объем переработок уменьшаются, у женщин возрастает, и разница с мужчинами составляет в среднем возрасте 3.3 часа в неделю, в старшем 2.6 часа в неделю.

Таблица 1. Самооценка состояния здоровья и значимости профессионального успеха мужчин-учителей разных возрастных групп с переработками и без переработок (средние значения)

Table 1. Self-assessment of health status and the significance of professional success for male teachers who work long hours (overwork) and who work standard hours (mean values for different age groups)

№	Показатели	Возраст									
		Молодой возраст			Средний возраст			Старший возраст			
		СП	БП	U	СП	БП	U	СП	БП	U	
1	Переработка (час в неделю)	9.3	–		7.2	–		6.6	–		
2	Разница между хронологическим возрастом и возрастной самооценкой	На свой возраст %	18.2	51.4		38.0	30.4		50.0	23.5	
		Старше %	27.3	20		31.0	11.6		–	5.9	
		На сколько лет	11.6	-1.14		9.0	3.4		–	4.0	
		Моложе %	54.5	28.6		31	58		50	70.6	
		На сколько лет	-4.67	-7.1		-8.3	-8.1		-8.75	-12.25	
3	Самооценка состояния сердечно-сосудистой системы	3.82	3.23	–	1.9	3.6	**	0.5	3.06	**	
4	Самооценка состояния нервной системы	3.0	3.63	*	1.24	3.86	**	1.5	3.12	**	
5	Самочувствие в трудовом коллективе	4.0	3.74	–	2.08	4.12	**	2.75	3.59	*	
6	Усталость от труда	7.36	4.8	**	6.72	5.63	*	5.5	4.71	–	
7	Усталость от домашней работы	4.64	4.23	–	4.41	5.95	*	2.63	2.82	–	
8	Важность профессионального успеха	3.13	3.91	*	2.97	3.65	*	2.75	3.35	*	
9	Психологическое благополучие в труде	3.82	3.86	–	2.38	3.74	**	3.0	4.0	*	

Таблица 2. Самооценка состояния здоровья и значимости профессионального успеха женщин-учителей разных возрастных групп с переработками и без переработок (средние значения)

Table 2. Self-assessment of health status and the significance of professional success for female teachers who work long hours (overwork) and who work standard hours (mean values for different age groups)

№	Показатели	Возраст									
		Молодой возраст			Средний возраст			Старший возраст			
		СП	БП	U	СП	БП	U	СП	БП	U	
1	Переработка (час в неделю)	8.8	–		10.5	–		9.2	–		
2	Разница между хронологическим возрастом и возрастной самооценкой	На свой возраст %	37	45.2		33.5	33.9		16.6	20.8	
		Старше %	41	28.7		19.5	11.6		6.0	1.4	
		На сколько лет	7.9	7.5		10.37	8.5		7.0	6.7	
		Моложе %	22	26.1		47	54.5		72.0	77.8	
		На сколько лет	-5.9	-5.7		-10.03	9.7		-12.5	12.5	
3	Самооценка состояния сердечно-сосудистой системы	3.08	3.7	*	1.94	2.92	*	1.61	3.01	**	
4	Самооценка состояния нервной системы	1.55	2.99	**	1.38	2.91	*	1.9	3.2	**	
5	Самочувствие в трудовом коллективе	3.05	3.67	*	2.78	3.7	*	3.08	3.89	*	
6	Усталость от труда	7.05	6.01	*	7.07	5.73	**	6.51	5.14	*	
7	Усталость от домашней работы	4.68	4.7	–	4.2	4.46	–	4.09	4.0	–	
8	Важность профессионального успеха	3.68	3.75	–	3.29	3.73	T	3.26	3.68	T	
9	Психологическое благополучие в труде	2.81	3.47	*	2.89	3.57		3.26	3.77	T	

Примечание (табл. 1 и 2): СП — переработки, БП — отсутствие переработок, U — статистическая значимость различий по критерию Манна–Уитни: * — $p \leq 0.05$, ** — $p \leq 0.01$, T — различия проявляются в виде тенденции, — — статистически значимые различия отсутствуют; — диапазон показателей состояния сердечно-сосудистой системы, нервной системы, значимости профессионального успеха от -5 до +5 баллов, трудовой усталости и усталости от работы по дому — от 0 до +10 баллов.

Note (tables 1 and 2): СП — overworking, БП — no overworking, U — statistical significance of differences by Mann–Whitney test: * — $p \leq 0.05$, ** — $p \leq 0.01$, T — differences appear as a trend, — — statistically significant differences are absent; — range of indicators of the state of the cardiovascular system, nervous system, significance of professional success from -5 to +5 points, labor fatigue and fatigue from housework — from 0 to +10 points.

Самооценка здоровья и общего психологического благополучия мужчин и женщин в труде существенно различается уже в молодом возрасте. Молодой *учитель-мужчина* психологически благополучен в той же достаточно высокой степени, как и учителя-мужчины без переработок (3.82 и 3.86 баллов соответственно), хотя существенно больше устает от труда: 7.36 балла против 4.8 баллов, $p \leq 0.01$, более половины молодых мужчин-учителей (54.5 %) чувствуют себя моложе своего хронологического возраста, они хорошо чувствуют себя в трудовом коллективе, имеют высокий уровень самооценки состояния сердечно-сосудистой системы. Но стресс они уже чувствуют, и их самооценка состояния нервной системы существенно хуже, чем у тех молодых мужчин-учителей, которые не перерабатывают.

С возрастом у мужчин показатели самооценки здоровья существенно падают. Самооценка состояния сердечно-сосудистой системы в среднем возрасте опускается до 1.9 балла и до 0.5 балла в старшем возрасте. Самооценка состояния нервной системы падает до 1.24 баллов в среднем возрасте и несколько повышается в старшем до 1.5 баллов. Важно отметить, что самооценка состояния и сердечно-сосудистой системы, и нервной системы у мужчин-учителей без переработок сохраняются почти неизменными. Все различия между показателями возрастных групп мужчин-учителей с переработками и между собой, и в сравнении с показателями групп мужчин-учителей без переработок статистически высоко значимы ($p \leq 0.01$), в то время как показатели между возрастными группами мужчин-учителей без переработок статистически значимы только между группами среднего и старшего возраста ($p \leq 0.05$).

Вместе с показателями самооценки здоровья у мужчин снижается уровень психологического благополучия в трудовой деятельности, различия статистически значимы с группами учителей без переработок, снижается значимость профессионального успеха: во всех возрастных группах она ниже, чем в группах без переработок. И это на фоне снижения трудовой усталости, а также принципиального снижения усталости от домашней работы в старшем возрасте. Таким образом, можно видеть, что мужчины-учителя с возрастом находят способы снижения трудовой усталости и в некоторой степени даже

стресса, но ухудшение самочувствия они не могут преодолеть. В группе среднего возраста уже только 31 % определяют свое возрастное самочувствие как более молодых людей. Все большая часть определяет свое возрастное самочувствие как соответствующее хронологическому возрасту. Тем не менее, работа со школьниками, очень юными людьми, способствует тому, что учителя даже старшего возраста, несмотря на проблемы самочувствия, оценивают свое возрастное самочувствие как более молодых людей, но все же учителя без переработок в существенно большем количестве чувствуют себя моложе своего хронологического возраста, что является косвенным подтверждением более высокого уровня состояния здоровья и психологического благополучия.

Отдельного внимания заслуживают показатели личностной значимости профессионального успеха. Ценность профессионального успеха, являясь предиктором профессионального поведения, лежит в основе эффективности, желания профессионального признания, профессионального развития, является личностным барьером профессионального выгорания. Можно видеть, что этот показатель во всех случаях сравнения существенно выше у мужчин-учителей, чья деятельность осуществляется без превышения норм рабочего времени. Можно сделать вывод, что переработки мужчин-учителей негативно сказываются на их самооценке состояния здоровья, психологического благополучия в труде и способствуют снижению значимости профессионального успеха. В молодом возрасте мужчины-учителя не замечают этих негативных влияний переработок, но уже в среднем возрасте падение важных показателей настолько значимо, что даже приобретенный опыт, позитивно сказывающийся на уровне усталости, минимальная загруженность домашней работой не являются предикторами здоровья. К старшему возрасту состояние здоровья подорвано, и оценка половиной старших мужчин-учителей своего психологического возраста как более молодого можно интерпретировать как проявление общей тенденции выглядеть моложе, тем более в женском коллективе и взаимодействуя с учениками. Вторая половина старших учителей-мужчин оценивает свой возраст как соответствующий хронологическому. Это максимальный показатель среди

всех групп респондентов, что тоже в контексте возрастной самооценки интерпретируется скорее как негативный показатель самочувствия.

У женщин своя возрастная специфика в самооценке своего состояния здоровья, психологического благополучия в труде и в уровне личностной значимости профессионального успеха. Можно видеть, что уже в молодом возрасте женщины острее, чем мужчины, реагируют на профессиональный стресс. У женщин-учителей с переработками самооценка состояния сердечно-сосудистой системы и нервной системы статистически значимо хуже, чем у коллег-мужчин: 3.08 баллов у женщин против 3.82 баллов у мужчин и 1.55 баллов против 3.0 баллов соответственно ($p \leq 0.05$). Эти показатели зафиксированы при одинаковой усталости от труда и домашней работы. Женщины с переработками имеют меньшую поддержку в коллективе, чем мужчины, 3.03 балла у женщин против 4 баллов у мужчин, $p \leq 0.05$. Но они имеют существенно более высокую личностную значимость профессионального успеха: 3.68 балла против 3.13 баллов у мужчин, $p \leq 0.05$, при статистически значимо более низком уровне психологического благополучия в труде: 2.81 балла против 3.82 балла, $p \leq 0.05$. Это позволяет обоснованно предполагать, что большая ценность профессионального успеха у женщин в условиях переработок требует от них больших усилий. И не только в сравнении с мужчинами, но и с коллегами женщинами без переработок в своей возрастной группе. У последних ценность профессионального успеха примерно такая же, как женщин и мужчин без переработок. Косвенное подтверждение можно видеть в показателях возрастной самооценки: 41 % молодых женщин-учителей с переработками чувствуют себя старше своего хронологического возраста почти на 8 лет, еще 37 % чувствуют себя на свой хронологический возраст, и только 22 % чувствуют себя моложе. Эти показатели принципиально отличаются от показателей мужчин с переработками.

Молодые учителя-женщины без переработок тратят больше сил в профессиональной деятельности, чем мужчины: они значимо меньше устают, чем женщин с переработками, но существенно больше, чем мужчины без переработок: 6.1 балла против 4.8 балла у мужчин без переработок, $p \leq 0.05$. Тем не менее, их показате-

ли возрастной самооценки близки показателям мужчин без переработок. Следовательно, трудовая усталость и профессиональный стресс — разные факторы.

К старшему возрасту у женщин с переработками существенно ухудшаются показатели самооценки состояния сердечно-сосудистой системы, но нет так сильно, как у мужчин (1.61 балла против 0.5 балла, $p \leq 0.01$). Общая характеристика самооценки состояния сердечно-сосудистой системы у мужчин и женщин без переработок сохраняется вне зависимости от возрастной группы и без существенных гендерных различий. Самооценка нервной системы у женщин с переработками во всех возрастах хуже, чем у мужчин и коллег женщин без переработок в своих возрастных группах.

Женщины сохраняют высокую личностную значимость профессионального успеха вне зависимости от наличия переработок, усталости, меньшей поддержки в трудовом коллективе, более низком уровне психологического благополучия в труде. Различия по этим показателям в сравнении с женщинами-коллегами без переработок есть, но они проявляются как тенденция, не достигая уровня статистической значимости.

Необходимо учесть еще один важный фактор — продолжительность переработок. Они максимальны у женщин-учителей среднего возраста. Переработки составляют в среднем 10.5 часов в неделю, у мужчин — только 7.2 часа. Усталость мужчин, тем не менее, не достигает уровня статистически значимых различий. Мужчины с переработками в среднем и старшем возрасте в сравнении с женщинами существенно теряют в поддержке трудовым коллективом, возможно, из-за проблем со здоровьем и снижением ценности профессионального успеха. Для женщин-учителей важность профессионального успеха сохраняется в любом возрасте и практически не зависит от наличия или отсутствия переработок. Эти факты свидетельствуют о том, что женщины с переработками более профессионально надежны, чем мужчины. У них выше уровень саморегуляции в условиях трудовых и стрессовых нагрузок. Это подтверждается и возрастной самооценкой, в которой проявляется их профессиональный оптимизм: значительно большее количество женщин-учителей с переработками в сравнении с мужчинами оценивают свой возраст как более

молодой в среднем хронологическом возрасте: 47 % против 31 % у мужчин, в старшем возрасте 72 % против 50 % у мужчин. Без переработок эти показатели у мужчин и женщин практически не различаются во всех возрастных группах.

Расчет корреляций позволяет увидеть существенные связи между ценностью профессионального успеха и СБ, самооценкой здоровья, переработками в женских и мужских группах учителей (табл. 3 и 4).

Первое, что наиболее важно, — ни у женщин, ни у мужчин нет статистически значимых связей хронологического возраста и личностной значимости профессионального успеха. Данные табл. 1 и 2 показывают, что во всех возрастах значимость профессионального успеха выше у учителей без переработок, особенно у учителей-мужчин, но с возрастом это никак не связано. Таким образом, учителя старшего возраста сохраняют личностную значимость профессионального успеха. Этот факт особенно важен, он отражает, что самооценка таких важных показателей здоровья, как состояние сердечно-сосудистой и нервной систем,

значительно снижается с возрастом у перерабатывающих учителей, но, несмотря на это, они сохраняют приверженность своей профессии.

Второе важное обстоятельство — наличие высоко значимых связей между прямой оценкой психологического благополучия в трудовой деятельности и личной значимостью профессионального успеха вне зависимости от наличия переработок в мужской и женской выборках: у мужчин без переработок $r = .52$, с переработками $r = .45$, у женщин $r = .62$, с переработками $r = .53$ соответственно ($p \leq 0.01$). Во всех случаях эти корреляции можно интерпретировать как взаимосвязь. Чем лучше чувствует себя учитель в трудовой деятельности, тем выше для него значимость профессионального успеха. Чем выше сохраняется уровень значимости профессионального успеха, тем выше уровень СБ, вне зависимости от самочувствия здоровья. Первый показатель означает необходимость поддержания СБ учителя, а второй, и это гораздо серьезнее, что учитель может пренебречь своим состоянием здоровья, пусть даже на уровне самооценки, достигая важные для него образовательные цели.

Таблица 3. Корреляции показателей субъективного благополучия, самооценки здоровья и личностной значимости профессионального успеха мужчин-учителей, работающих с превышением и без превышения норм рабочего времени

Table 3. Correlations of the indicators of subjective well-being, self-assessment of health, and personal significance of professional success for male teachers working beyond and within the working time standards

Мужчины-учителя с переработками, СП (N= 50)																	
Мужчины-учителя без переработок, БП (N=95)																	
№	Показатели	1		2		3		4		5		6		7		8	
		БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП
1	Возраст																
2	Переработки в неделю		-.19														
3	Сердечно-сосудистая система	-.19*	-.47**		-.18												
4	Нервная система	-.76**	-.27**		-.20	.76**	.64**										
5	Трудовой коллектив	-.13	-.09		-.07	.68**	.36**	.84**	.60*								
6	Усталость от труда	.03	-.13		.14	-.22*	-.03	-.26*	-.11	-.34	-.02						
7	Усталость от домашней работы	-.06	-.25		-.07	-.13	.18	-.13	.03	-.21	.02	.73**	.42**				
8	Важность проф. успеха	-.13	-.13		.11	.44**	.16	.43**	.37**	.40	.45**	-.09	-.26	-.06	.04		
9	Субъективное благополучие	-.01	-.08		.05	.64**	.42**	.65**	.69**	.65	.75*	-.30**	-.06	-.22*	-.04	.62**	.53**

Примечание/Note: * — $p \leq .05$; ** — $p \leq .01$.

Таблица 4. Корреляции показателей субъективного благополучия, самооценки здоровья и личностной значимости профессионального успеха женщин-учителей, работающих с превышением и без превышения норм рабочего времени

Table 4. Correlations of the indicators of subjective well-being, self-assessment of health, and personal significance of professional success for female teachers working beyond and within the working time standards

Женщины-учителя с переработками СП, (N=600)																	
Женщины-учителя без переработок, БП (N=600)																	
№ Показатели	1		2		3		4		5		6		7		8		
	БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП	БП	СП	
1 Возраст																	
2 Переработки в неделю		.01															
3 Сердечно-сосудистая система		-.17**	-.12*		-.09*												
4 Нервная система		.09*	.14**		-.13**	.61**	.66**										
5 Трудовой коллектив		.12**	.15**		-.06	.51**	.54**	.65**	.61**								
6 Усталость от труда		-.17**	-.09*		.15**	-.1*	-.16**	-.27**	-.27**	-.18**	-.2**						
7 Усталость от домашней работы		-.12*	-.01		-.03	-.01	.07	-.06	.04	-.02	.05	.50**	.23**				
8 Важность проф. успеха		.06	.04		-.02	.36**	.26**	.41**	.27**	.44**	.32**	-.06	.00	.002	.11*		
9 Субъективное благополучие		.14**	.19**		-.10*	.47**	.44**	.62**	.63**	.62**	.55**	-.22*	-.20**	-.05	.05	.52**	.45*

Примечание/Note: * — $p \leq .05$; ** — $p \leq .01$.

Анализ корреляций показывает, что у женщин-учителей, как с переработками, так и без них, между СБ, трудовой усталостью и самооценкой состояния сердечно-сосудистой и нервной систем есть высоко значимые связи ($p \leq 0.01$), но они реализуются, в соответствии с данными табл. 2, на разных уровнях: у женщин-учителей с переработками их самооценка существенно хуже, т.е. связь есть в любом случае, но при переработках она приобретает, казалось бы, драматический характер, но без потери значимости профессионального успеха.

У женщин с переработками и без переработок выявлена отрицательная связь как трудовой, так и домашней усталости с СБ, но связь усталости и важности профессионального успеха отсутствует. Однако выявлена высоко значимая связь между трудовой усталостью и самооценкой состояния сердечно-сосудистой и нервной систем ($p \leq 0.01$). Это свидетельствует о том, что женщины-учителя не воспринимают трудовую усталость как негативный фактор трудовой деятельности, но она воздействует на их СБ через состояние сердечно-сосудистой и нервной систем. При этом личностная значи-

мость профессионального успеха прямо зависит от самооценки состояния сердечно-сосудистой и нервной систем у женщин с переработками и без переработок. Не менее интересный факт психологической природы состоит в том, что женщины, в большей степени без переработок ($r = -.17$, $p \leq 0.01$) и в меньшей степени с переработками $r = -.10$, $p \leq 0.05$), отрицают связь между трудовой усталостью и возрастом. Наоборот, чем старше возраст, тем меньше усталость, чем старше возраст, тем лучше состояние нервной системы. Но они признают, что с возрастом растут проблемы с сердечно-сосудистой системой. Эти факты можно интерпретировать следующим образом: вместе с возрастом, а у учителей это означает, что и с опытом, женщины-учителя приобретают умения контролировать усталость и стресс, но не состояние сердечно-сосудистой системы.

У мужчин ситуация несколько отличается от женщин, еще более полно демонстрируя особое отношение учителей с переработками к значимости профессионального успеха. Выявленные корреляционные связи между СБ и самооценкой состояния сердечно-сосудистой и нервной

систем присутствуют у мужчин без переработок и с переработками, практически не отличаясь от связей, выявленных у женщин. Отличия есть в отношении усталости. Статистическая связь обнаружена у мужчин без переработок между СБ и трудовой усталостью и усталостью от домашней работы ($p \leq 0.01$), но без влияния на значимость профессионального успеха. А у мужчин с переработками усталость не связана с СБ, т.е. перерабатывающие мужчины не связывают СБ с усталостью, по-видимому, считая усталость естественным атрибутом напряженной трудовой деятельности.

Специфика мужской возрастной ситуации состоит в том, что, в отличие от женщин, мужчины с возрастом и опытом не приобретают умений контролировать стресс: у них выявлены высоко значимые отрицательные корреляции между показателями возраста и не только состоянием сердечно-сосудистой системы, как у женщин, но и нервной системы. Таким образом, у мужчин с возрастом ухудшается самооценка состояния обеих систем. Связи трудовой усталости и возраста нет.

И еще одно важное наблюдение: общим мощным фактором поддержания СБ для мужчин и женщин является поддержка трудового коллектива. Для женщин поддержка трудового коллектива смягчает чувство усталости ($r = -.18$ у женщин без переработок, $r = -.20$ — с переработками), позитивно влияет на СБ ($r = .62$ и $r = .55$ соответственно), повышает важность профессионального успеха ($r = .44$ и $r = .32$), все связи высоко значимы: $p \leq 0.01$.

У мужчин ситуация аналогичная: высоко значимые положительные связи между поддержкой коллективом и состоянием сердечно-сосудистой и нервной системы, СБ и значимостью профессионального успеха. Но есть и некоторая специфика. Мужчины в меньшей мере зависят от поддержки коллектива, чем женщины: у перерабатывающих мужчин поддержка коллектива не смягчает чувство усталости. Этот факт еще раз подчеркивает, что учителя-мужчины менее адаптивны и более сильно, чем женщины, переживают трудности профессиональной деятельности.

Выводы

1) Превышение норм рабочего времени (переработки) негативно сказываются на субъек-

тивном благополучии в трудовой деятельности, самооценке состояния сердечно-сосудистой и нервной систем и личностной значимости профессионального успеха, повышают чувство усталости. Эти факты свидетельствуют, что переработки являются стрессовым фактором как для учителей вне зависимости от пола.

- 2) Выявлены общие характеристики СБ учителей вне зависимости от возраста, гендерной принадлежности, наличия или отсутствия переработок: его обусловленностью поддержкой учителя трудовым коллективом, самооценкой состояния сердечно-сосудистой и нервной систем, позитивным влиянием на личностную значимость профессионального успеха.
- 3) С возрастом учителя с переработками и без них не утрачивают личностную значимость профессионального успеха.
- 4) К специфическим гендерным характеристикам СБ учителей относится большая способность женщин-учителей к контролю усталости и стресса. Мужчины менее адаптивны.
- 5) Личностная важность профессионального успеха способствует тому, что учителя склонны не придавать значения усталости при переработках, видимо, считая ее естественным следствием напряженной работы. Это может способствовать ухудшению состояния здоровья, поскольку усталость негативно влияет на самооценку состояния сердечно-сосудистой и нервной систем, являющейся сигналом угрозы здоровью.
- 6) Подготовлен, но еще не вступил в действие Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 4 апреля 2025 г. N 269, регулирующий продолжительность рабочего времени педагогических работников. Он свидетельствует о том, что проблема переработок учителей назрела, и понимается необходимость ее смягчения. Вместе с тем понятно, что проблема не снимется в полной мере, поскольку существует сильная нехватка учителей. Низкая оплата их труда побуждает учителей не только работать с превышением норм рабочего времени в школах, но и подрабатывать. Поэтому на основе проведенных исследований разработана теоретическая модель управле-

ния субъективным благополучием учителей в школах [Захарова Л.Н. и др., 2025]. В настоящее время ведется ее содержательная доработка и апробация, готовятся методические рекомендации для администрации школ и самих учителей, желающих более эффективно справляться с трудовыми и эмоциональными нагрузками, находить личностные ресурсы для профессионального развития, повышения качества жизни.

Список литературы

Аймалетдинов Т.А., Баймуратова Л.Р., Зайцева О.А., Имаева Г.Р., Спиридонова Л.В. Цифровая грамотность российских педагогов. Готовность к использованию цифровых технологий в учебном процессе. М.: Изд-во НАФИ, 2019. 84 с.

Бодров В.А. Развитие учения о профессиональном утомлении человека. Часть 1. Категория «Утомление» в системе представлений о функциональном состоянии и деятельности человека // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 3. С. 46–57. EDN: MANDGF

Брызгалин Е.А. Ключевые положения о личностных ценностях и смыслах (по Материалам отечественных и зарубежных научных источников) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2022. Т. 15, № 2. С. 46–66. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-2-46-66>. EDN: KСIEBD

Горелова Л.И., Уварина Н.В. Развитие профессиональных компетенций в цифровых образовательных сообществах // Педагогическое образование. 2024. Т. 5, № 1. С. 293–301. EDN: DУMPKC

Захарова Л.Н., Заладина А.С., Махалин А.И., Лангман И.А. Субъективное благополучие учителей как эмоциональный регулятор профессионального роста: возрастной и гендерный аспекты // Теоретическая и экспериментальная психология. 2023. Т. 16, № 4. С. 197–218. DOI: <https://doi.org/10.11621/TEP-23-36>. EDN: ZZNWQQ

Захарова Л.Н., Исидори Э., Леонова И.С., Маньянини А., Бадулина Ж.В. Субъективное благополучие и психологическая жизнеспособность женщин-учителей России и Италии в условиях переработок // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии / отв. ред. А.А. Грачев, А.Л. Журавлев, А.В. Махнач, А.Н. Занковский, Ю.В. Бессонова. М.: Ин-т психологии РАН, 2024. С. 713–731.

Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Лангман И.А. Субъективное благополучие и профессиональное развитие женщин-учителей в условиях переработок:

управленческая модель // Вестник Нижегородского университета. Серия: «Социальные науки». 2025. Т. 77, № 1. С. 93–105. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2025_1_93. EDN: HВOWQR

Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Лангман И.А., Сайгина Е.В. Субъективное благополучие и организационно-культурные предпочтения молодого женского персонала в условиях переработок // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.3.5>. EDN: NUXGIG

Захарова Л.Н., Саралиева З.Х., Леонова И.С., Заладина А.С. Усталость как показатель социально-психологического возраста персонала // Системная психология и социология. 2019. № 2. С. 36–52. DOI: <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.30.2.04>. EDN: UQPULN

Кальяр М., Ахмад Б., Кальяр Х. Влияет ли мотивация учителя на мотивацию учащегося. Опосредующая роль профессионального поведения педагога // Вопросы образования. 2018. Вып. 3. С. 91–119. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-91-119>. EDN: XZOERF

Катаманова Е.В., Тихонова И.В., Кодинец И.Н., Ковальчук Н.В., Павленко Н.А. Оценка состояния здоровья педагогов общеобразовательных школ // Гигиена и санитария. 2021. Т. 100, № 12. С. 1423–1429. DOI: <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2021-100-12-1423-1429>. EDN: FJZBGJ

Кергеруч С. Индустрия 4.0: новые вызовы и возможности для рынка труда // Форсайт. 2017. Т. 11, № 4. С. 6–8. DOI: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.4.6.8>. EDN: ZXMNRI

Китаев-Смык Л.А. Психология стресса. Психологическая антропология стресса. М.: Академ. проект, 2010. 944 с.

Комлева А.А. Отличия реагирования на стресс взрослых мужчин и женщин // Приложение международного научного журнала Вестник психофизиологии. 2018. № 1. С. 109–119. EDN: XPPJVR

Лебедева-Несевря Н.А., Барз А.О., Цинкер М.Ю., Костарев В.Г. Оценка связи разнородных факторов риска и заболеваемости работающего населения регионов России с различным фоном формирования здоровья // Анализ риска здоровью. 2019. № 2. С. 91–100. DOI: <https://doi.org/10.21668/health.risk/2019.2.10>

Лебедева-Несевря Н.А., Цинкер М.Ю. Различия в показателях здоровья работающих женщин и мужчин в России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. Т. 21, № 3. С. 7–25. DOI:

<https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.1>. EDN: YLJQNB

Ли Яцзюань. Профессиональное развитие учителей в цифровую эпоху // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева. 2023. Т. 63, № 1. С. 171–179.

Максимова М.Ю., Айрапетова А.С. Гендерные особенности отдельных факторов риска развития нарушений мозгового кровообращения // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. 2019. Т. 119, № 12. С. 58–64. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro201911912258>. EDN: KYYOZN

Минпросвещения: будет создано почти 570 кластеров «Профессионалитета» // ТАСС. 2024. 13 нояб. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22394503> (дата обращения: 25.01.2025).

Мусаелян Л.А. Тревожные мысли философа по поводу особенностей современной общественной жизни и некоторых проблем образования в эпоху тотальной цифровизации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 3. С. 349–364. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>. EDN: RHQHLQ

Национальные проекты России. URL: <https://xn--80aаратремсчfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/> (дата обращения: 21.01.2025).

Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академ. проект, 2018. 435 с.

Патутина Н.А., Ревина М.А. Организационная культура школы: реальное состояние и перспективы // Сибирский педагогический журнал. 2020. № 4. С. 7–17. DOI: <https://doi.org/10.15293/1813-4718.2004.01>. EDN: OHSSNH

Першина К.В. Нейрофизиологические механизмы стресса и депрессивных состояний и методы борьбы с ними // European Science. 2019. Т. 43, № 1. С. 78–83.

Салухов В.В., Харитонов М.А., Варавин Н.А., Красовская А.С., Сантаков А.А. Влияние стресса на гемостаз // Consilium Medicum. 2023. Т. 25, № 2. С. 91–94. DOI: <https://doi.org/10.26442/20751753.2023.2.202183>. EDN: UMERGA

Сидорина Т.Ю., Ищенко Н.И. Трудоцентризм как образ жизни. Пределы трудовых возможностей человека // Terra Economicus. 2015. Т. 13, № 3. С. 136–146. EDN: VATK TZ

Синиченкова Е.П., Видревич М.Б. Современные тренды и стратегические подходы в обучении педагогов для непрерывного профессионального образования // Столыпинский Вестник. 2024. Т. 6, № 2. С. 794–806. EDN: PUWNVJ

Сорокин Г.А., Чистяков Н.Д., Суслов В.Л. Влияние усталости и переутомления на общую заболеваемость работников // Медицина труда и промышленная экология. 2019. Т. 59, № 8. С. 494–500. DOI: <http://dx.doi.org/10.31089/1026-9428-2019-59-8-494-500>. EDN: AIBYVN

Andreassen C.S., Ursin H., Eriksen H.R. The relationship between strong motivation to work, “workaholicism”, and health // Psychology & Health. 2007. Vol. 22, iss. 5. P. 615–629. DOI: <https://doi.org/10.1080/14768320600941814>

Campbell L., Gra S., Dey D., Holt D., Mulholland R. ‘Their best interests at heart’: exploring influences on student teachers’ learning to promote health and wellbeing in the classroom // Teacher Development. 2024. Vol. 29, iss. 4. P. 649–667. DOI: <https://doi.org/10.1080/13664530.2024.2431574>

Casely-Hayford J., Björklund C., Bergström G., Lindqvist P., Kwak L. A longitudinal study of health-impairment and motivational processes in the psychosocial work environment and the subsequent influence on teachers’ intention to remain at their workplace // Scandinavian Journal of Educational Research. 2025. Vol. 69, iss. 7. P. 1430–1451. DOI: <https://doi.org/10.1080/00313831.2024.2419520>

Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L. Subjective well-being: three decades of progress // Psychological Bulletin. 1999. Vol. 125, iss. 2. P. 276–302. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>. EDN: GZSKZP

Dudenhöffer S., Claus M., Schöne K., Letzel S., Rose D.M. Sickness presenteeism of German teachers: prevalence and influencing factors // Teachers and Teaching. 2016. Vol. 23, iss. 2. P. 141–152. DOI: <https://doi.org/10.1080/13540602.2016.1204284>

Fleuren B.P.I., Nübold A., Uitdewilligen S., Verdun P., Hülsheger U.R. Troubles on troubled minds: an intensive longitudinal diary study on the role of burnout in the resilience process following acute stressor exposure // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2023. Vol. 32, iss. 3. P. 373–388. DOI: <https://doi.org/10.1080/1359432x.2022.2161369>. EDN: ONYTVY

Fossen F., Sorgner A. Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs // Foresight and STI. 2019. Vol. 13, iss. 2. P. 10–18. DOI: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.10.18>

Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship / ed. by S. Dutta, B. Lanvin, L.R. Leon, S. Wunsch-Vincent; World Intellectual Property Organization. 2024. Available at: <https://tind.wipo.int/record/50062/files/wipo-pub->

2000-2024-en-global-innovation-index-2024-17th-edition.pdf (accessed 24.01.2025). DOI: <https://doi.org/10.34667/tind.50062>

Howard J.T., Howard K.J. The effect of perceived stress on absenteeism and presenteeism in public school teachers // *Journal of Workplace Behavioral Health*. 2020. Vol. 35, iss. 2. P. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.1080/15555240.2020.1724794>. EDN: IVSSPU

Nalepa I.F., Nielsen V., Wolf T.E., Touma C., Grupe M., Asuni A.A., Ratner C. Sex differences in the murine HPA axis after acute and repeated restraint stress // *Stress*. 2024. Vol. 28, iss. 1. Art. 2447079. DOI: <https://doi.org/10.1080/10253890.2024.2447079>. EDN: QDNCKM

Perryman J., Calvert G. What motivates people to teach, and why do they leave? Accountability, performativity and teacher retention // *British Journal of Educational Studies*. 2020. Vol. 68, iss. 1. P. 3–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/00071005.2019.1589417>

Räsänen K., Pietarinen J., Soini T., Väisänen P., Pyhältö K. Experienced risk of burnout among teachers with persistent turnover intentions // *Teacher Development*. 2022. Vol. 26, iss. 3. P. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.1080/13664530.2022.2055629>. EDN: OQXQUE

Rauterkus H., Hennemann T., Hagen T., Krull J., Nitz J., Eiben K., Hanisch C. Teachers' ability to regulate their emotions predicts their levels of stress in primary schools in Germany // *Journal of Curriculum Studies*. 2024. Vol. 56, iss. 4. P. 468–479. DOI: <https://doi.org/10.1080/00220272.2024.2312391>

Richard K.A.R., Hemphill M.A., Templin T.J. Personal and contextual factors related to teachers' experience with stress and burnout // *Teachers and Teaching*. 2018. Vol. 24, iss. 7. P. 768–787. DOI: <https://doi.org/10.1080/13540602.2018.1476337>

Winchester L.J., Hooper A.L., Kerch C.J. Ease of restroom access influences fluid consumption habits and health in classroom teachers // *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*. 2022. Vol. 29, iss. 1. P. 386–391. DOI: <https://doi.org/10.1080/10803548.2022.2053346>. EDN: EUHASZ.

References

Andreassen, C.S., Ursin, H. and Eriksen, H.R. (2007). The relationship between strong motivation to work, “workaholism”, and health. *Psychology & Health*. Vol. 22, iss. 5, pp. 615–629. DOI: <https://doi.org/10.1080/14768320600941814>

Aymaletdinov, T.A., Baymuratova, L.R., Zaytseva, O.A., Imaeva, G.R. and Spiridonova, L.V. (2019). *Tsifrovaya gramotnost' rossiyskikh pedagogov. Gotovnost' k ispolzovaniyu tsifrovyykh tekhnologiy v uchebnom protsesse* [Digital literacy of Russian teachers. Readiness to use digital technologies in the educational process]. Moscow: NAFI Publ., 84 p.

Bodrov, V.A. (2010). [Development of theory of professional fatigue. Part I. "Fatigue" category in the system of notions about man's functional state and activity]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal]. Vol. 31, no. 3, pp. 46–57.

Bryzgalin, E.A. (2022). [Fundamentals about personal values and meanings (based on materials from Russian and foreign scientific sources)]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and Experimental Psychology]. Vol. 15, no. 2, pp. 46–66. DOI: <https://doi.org/10.24412/2073-0861-2022-2-46-66>

Campbell, L., Gra, S., Dey, D., Holt, D. and Muhlolland, R. (2024). Their best interests at heart': exploring influences on student teachers' learning to promote health and wellbeing in the classroom. *Teacher Development*. Vol. 29, iss. 4, pp. 649–667. DOI: <https://doi.org/10.1080/13664530.2024.2431574>

Casely-Hayford, J., Björklund, C., Bergström, G., Lindqvist, P. and Kwak, L. (2024). A longitudinal study of health-impairment and motivational processes in the psychosocial work environment and the subsequent influence on teachers' intention to remain at their workplace. *Scandinavian Journal of Educational Research*. Vol. 69, iss. 7, pp. 1430–1451. DOI: <https://doi.org/10.1080/00313831.2024.2419520>

Diener, E., Suh, E.M., Lucas, R.E. and Smith, H.L. (1999). Subjective well-being: three decades of progress. *Psychological Bulletin*. Vol. 125, no. 2, pp. 276–302. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.125.2.276>

Dudenhöffer, S., Claus, M., Schöne, K., Letzel, S. and Rose, D.M. (2016). Sickness presenteeism of German teachers: prevalence and influencing factors. *Teachers and Teaching*. Vol. 23, no. 2, pp. 141–152. DOI: <https://doi.org/10.1080/13540602.2016.1204284>

Dutta, S., Lanvin, B., Leon, L.R. and Wunsch-Vincent, S. (eds.) (2024). *Global Innovation Index 2024: Unlocking the Promise of Social Entrepreneurship*. World Intellectual Property Organization (WIPO). Available at: <https://tind.wipo.int/record/50062/files/wipo-pub-2000-2024-en-global-innovation-index-2024-17th-edition.pdf> (accessed 24.01.2025). DOI: <https://doi.org/10.34667/tind.50062>

Fleuren, B.P.I., Nübold, A., Uitdewilligen, S., Verduyn, P. and Hülsheger, U.R. (2023). Troubles on

troubled minds: an intensive longitudinal diary study on the role of burnout in the resilience process following acute stressor exposure. *European Journal of Work and Organizational Psychology*. Vol. 32, no. 3, pp. 373–388. DOI: <https://doi.org/10.1080/1359432x.2022.2161369>

Fossen, F. and Sorgner, A. (2019). Mapping the future of occupations: transformative and destructive effects of new digital technologies on jobs. *Foresight and STI*. Vol. 13, no. 2, pp. 10–18. DOI: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2019.2.10.18>

Gorelova, L.I. and Uvarina, N.V. (2024). [Development of teachers' professional competences in digital learning communities]. *Pedagogicheskoe obrazovanie* [Pedagogical Education]. Vol. 5, no. 1, pp. 293–301.

Howard, J.T. and Howard, K.J. (2020). The effect of perceived stress on absenteeism and presenteeism in public school teachers. *Journal of Workplace Behavioral Health*. Vol. 35, no. 2, pp. 100–116. DOI: <https://doi.org/10.1080/15555240.2020.1724794>

Kalyar, M., Ahmad, B. and Kalyar, H. (2018). [Does teacher motivation lead to student motivation? The mediating role of teaching behavior]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies Moscow]. Iss. 3, pp. 91–119. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2018-3-91-119>

Katamanova, E.V., Tikhonova, I.V., Kordinets, I.N., Kovalchuk, N.V. and Pavlenko, N.A. (2021). [Assessment of the state of health of teachers of secondary schools]. *Gigiena i sanitariya* [Hygiene and Sanitation]. Vol. 100, no. 12, pp. 1423–1429. DOI: <https://doi.org/10.47470/0016-9900-2021-100-12-1423-1429>

Kergroach, S. (2017). *Industriya 4.0: novye vyzovy i vozmozhnosti dlya rynka truda* [Industry 4.0: New challenges and opportunities for the labour market]. *Forsayt* [Foresight and STI Governance]. Vol. 11, no. 4, pp. 6–8. DOI: <https://doi.org/10.17323/2500-2597.2017.4.6.8>

Kitaev-Smyk, L.A. (2010). *Psikhologiya stressa. Psikhologicheskaya antropologiya stressa* [Psychology of stress. Psychological anthropology of stress]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 944 p.

Komleva, A.A. (2018). [Differences between adult men's and women's responses to stress]. *Prilozhenie mezhdunarodnogo nauchnogo zhurnala Vestnik psihofiziologii* [Supplement to the International Scientific Journal Bulletin of Psychophysiology]. No. 1, pp. 109–119.

Lebedeva-Nesevrya, N.A. and Tsinker, M.Yu. (2018). [Sex differences in health of working population in Russia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy an-*

tropologii [The Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 21, no. 3, pp. 7–25. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2018.21.3.1>

Lebedeva-Nesevrya, N.A., Barg, A.O., Tsinker, M.Yu. and Kostarev, V.G. (2019). [Assessment of correlation between heterogeneous risk factors and morbidity among working population in Russian regions with different background of health formation]. *Analiz riska zdorov'yu* [Health Risk Analysis]. No. 2, pp. 91–100. DOI: <https://doi.org/10.21668/health.risk/2019.2.10>

Li, YaJuan (2023). [Professional development of teachers in digital era] *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva* [Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev]. Vol. 63, no. 1, pp. 171–179.

Maksimova, M.Yu. and Ayrapetova, A.S. (2019). [Gender differences in stroke risk factors]. *Zhurnal neurologii i psikiatrii im. S.S. Korsakova* [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry]. Vol. 119, no. 12, pp. 58–64. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro201911912258>

Minprosvesheniya: budet sozdano pochti 570 klasterov "Professionaliteta" [Ministry of Education: almost 570 clusters of "Professionalism" will be created]. TASS. 2024, Nov. 13. URL: <https://tass.ru/obschestvo/22394503> (accessed: 10.01.2025).

Musayelyan, L.A. (2023). [A philosopher's anxious reflections on modern social life and some problems of education in the era of total digitalization]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology]. Iss. 3, pp. 349–364. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2023-3-349-364>

Nalepa, I.F., Nielsen, V., Wolf, T.E., Touma, C., Grupe, M., Asuni, A.A. and Ratner, C. (2024). Sex differences in the murine HPA axis after acute and repeated restraint stress. *Stress*. Vol. 28, no. 1. DOI: <https://doi.org/10.1080/10253890.2024.2447079>

Natsional'nye proekty Rossii [National Projects of Russia]. Available at: <https://xn--80aapampemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/new-projects/> (accessed 10.01.2025).

Parsons, T. (2018). *O strukture sotsial'nogo deystviya* [On the structure of social action]. Moscow: Akademicheskii proekt Publ., 435 p.

Patutina, N.A. and Revina, M.A. (2020). [School organizational culture: real state and perspective]. *Sibirskiy pedagogicheskii zhurnal* [Siberian Pedagogical Journal]. No. 4, pp. 7–17. DOI: <http://dx.doi.org/10.15293/1813-4718.2004.01>

- Perryman, J. and Calvert, G. (2020). What motivates people to teach, and why do they leave? Accountability, performativity and teacher retention. *British Journal of Educational Studies*. Vol. 68, no. 1, pp. 3–23. DOI: <https://doi.org/10.1080/00071005.2019.1589417>
- Pershina, K.V. (2019). [Neurophysiological mechanisms of stress and depressive states and methods of struggle against them]. *European Science*. No. 1, pp. 78–83.
- Räsänen, K., Pietarinen, J., Soini, T., Väisänen, P. and Pyhältö, K. (2022). Experienced risk of burnout among teachers with persistent turnover intentions. *Teacher Development*. Vol. 26, no. 3, pp. 317–337. DOI: <https://doi.org/10.1080/13664530.2022.2055629>
- Rauterkus, H., Hennemann, T., Hagen, T., Krull, J., Nitz, J., Eiben, K. and Hanisch, C. (2024). Teachers' ability to regulate their emotions predicts their levels of stress in primary schools in Germany. *Journal of Curriculum Studies*. Vol. 56, iss. 4, pp. 468–479. DOI: <https://doi.org/10.1080/00220272.2024.2312391>
- Richard, K.A.R., Hemphill, M.A. and Templin, T.J. (2018). Personal and contextual factors related to teachers' experience with stress and burnout. *Teachers and Teaching*. Vol. 24, no. 7, pp. 768–787. DOI: <https://doi.org/10.1080/13540602.2018.1476337>
- Saluhov, V.V., Kharitonov, M.A., Varavin, N.A., Krasovskaya, A.S. and Santakov, A.A. (2023). [Impact of stress on hemostasis: A review]. *Consilium Medicum*. Vol. 25, no. 2, pp. 91–94. DOI: <https://doi.org/10.26442/20751753.2023.2.202183>
- Sidorina, T.Yu. and Ischenko, N.I. (2015). [Labor centrism as a lifestyle: limits of the labor's possibilities of people]. *Terra Economicus*. Vol. 13, no. 3, pp. 136–146.
- Sinichenkova, E.P. and Vidrevich, M.B. (2024). [Modern trends and strategic approaches in teacher training for continuous professional development]. *Stolypinskiy Vestnik* [Stolypin Bulletin]. Vol. 6, no. 2, pp. 794–806.
- Sorokin, G.A., Chistyakov, N.D. and Suslov, V.L. (2019). [Influence of fatigue and overwork on the General morbidity of workers]. *Meditsina truda i promyshlennaya ekologiya* [Russian Journal of Occupational Health and Industrial Ecology]. Vol. 59, no. 8, pp. 494–500. DOI: <http://dx.doi.org/10.31089/1026-9428-2019-59-8-494-500>
- Winchester, L.J., Hooper, A.L. and Kerch, C.J. (2022). Ease of restroom access influences fluid consumption habits and health in classroom teachers. *International Journal of Occupational Safety and Ergonomics*. Vol. 29, no. 1, pp. 386–391. DOI: <https://doi.org/10.1080/10803548.2022.2053346>
- Zaharova, L.N., Isidori, E., Leonova, I.S., Manyanini, A. and Badulina, Zh.V. (2024). [Subjective well-being and psychological resiliency of female teachers in Russia and Italy under overwork conditions]. *Sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya psikhologii truda i organizatsionnoy psikhologii*, red. A.A. Grachev, A.L. Zhuravlev, A.V. Makhnach, A.N. Zankovskii, Yu.V. Bessonova [A.A. Grachev, A.L. Zhuravlev, A.V. Makhnach, A.N. Zankovskii, Yu.V. Bessonova (eds.) Current state and prospects of development of work psychology and organizational psychology]. Moscow: IP RAS Publ., pp. 713–731.
- Zakharova, L.N., Saraliev, Z.Kh. and Langman, I.A. (2025). [Subjective well-being of women teachers and professional development in conditions of excessive working hours: a management model]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta. Seriya: «Sotsial'nye nauki»* [Vestnik of Lobachevsky University of the Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences]. Vol. 77, no. 1, pp. 93–105. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2025_1_93
- Zakharova, L.N., Saraliev, Z.Kh., Leonova, I.S. and Zaladina, A.S. (2019). [Fatigue as an indicator of socio-psychological age of personnel]. *Sistemnaya psikhologiya i sotsiologiya* [Systems Psychology and Sociology]. No. 2, pp. 36–52. DOI: <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2019.30.2.04>
- Zakharova, L.N., Saraliev, Z.Kh., Langman, I.A. and Saygina, E.V. (2023). [Subjective well-being and organizational and cultural preferences of overworked young women]. *Zhenschina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society]. No. 3, pp. 59–73. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2023.3.5>
- Zakharova, L.N., Zaladina, A.S., Machalin, A.I., Langman, I.A. (2023). [Subjective well-being of teachers as an emotional regulator of professional growth]. *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya* [Theoretical and experimental psychology]. Vol. 16, no. 4, pp. 197–218. DOI: <https://doi.org/10.11621/TEP-23-36>

Об авторах

Захарова Людмила Николаевна

доктор психологических наук, профессор,
заведующая кафедрой психологии управления

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603000, Нижний Новгород, Университетский пер., 7;
e-mail: zakharova@fsn.unn.ru
ResearcherID: T-2222-2017

Саралиева Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры общей социологии
и социальной работы

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603000, Нижний Новгород, Университетский пер., 7;
e-mail: zara@fsn.unn.ru
ResearcherID: ABE-7899-2021

Лангман Инна Александровна

аспирант кафедры социологии
и социальной работы

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603000, Нижний Новгород, Университетский пер., 7;
e-mail: innlan@mail.ru
ResearcherID: NRY-0646-2025

Бадулина Жанна Викторовна

кандидат психологических наук,
старший преподаватель кафедры
психологии управления

Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского,
603000, Нижний Новгород, Университетский пер., 7;
e-mail: jbad@mail.ru
ResearcherID: NRY-0622-2025

About the authors

Lyudmila N. Zakharova

Doctor of Psychology, Professor,
Head of the Department of Management Psychology

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
7, Universitetskiy In., Nizhny Novgorod,
603000, Russia;
e-mail: zakharova@fsn.unn.ru
ResearcherID: T-2222-2017

Zaretkhan H.-M. Saralieva

Doctor of History, Professor,
Professor of the Department of General Sociology
and Social Work

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
7, Universitetskiy In., Nizhny Novgorod,
603000, Russia;
e-mail: zara@fsn.unn.ru
ResearcherID: ABE-7899-2021

Inna A. Langman

Postgraduate Student of the Department
of Sociology and Social Work

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
7, Universitetskiy In., Nizhny Novgorod,
603000, Russia;
e-mail: innlan@mail.ru
ResearcherID: NRY-0646-2025

Zhanna V. Badulina

Candidate of Psychology, Senior Lecturer
of the Department of Management Psychology

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
7, Universitetskiy In., Nizhny Novgorod,
603000, Russia;
e-mail: jbad@mail.ru
ResearcherID: NRY-0622-2025

УДК 316.4

<https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-137-152><https://elibrary.ru/xlmglu>

Поступила: 28.10.2025

Принята: 22.02.2026

Опубликована: 02.04.2025

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА РЕГИОНА (КЕЙС МОЛОДЕЖНОЙ МИГРАЦИИ В СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ И ПЕРМСКОМ КРАЕ)

Бородкин Максим Александрович

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург),

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург)

Миграционные процессы в современной России оказывают существенное влияние на перераспределение человеческого капитала между регионами: происходит развитие человеческого капитала одних регионов или территорий и убыль соответствующего ресурса в других. Перемещения населения внутри страны — особенно между крупными городами и провинциальными территориями — формируют новые демографические, экономические и социальные конфигурации. Статья направлена на рассмотрение причин внутренней миграции, миграционные установки и мотивации среди молодежи на примере Екатеринбурга и Перми — административных центров двух крупных российских регионов: Свердловской области и Пермского края, а также оценить влияние миграции на развитие человеческого капитала регионов. Эмпирическую базу исследования составили данные официальной статистики по внутренней миграции, в том числе Пермьстата, Свердловскстата, а также результаты онлайн-опроса, проведенного в этих городах среди молодежи (N = 249). Исследование показало, что внутренние миграционные потоки детерминируют перераспределение человеческого капитала указанных регионов в пользу региональных центров. Среди субъективных факторов миграции большинство респондентов отмечали получение желаемого образования и/или работы, а также наличие перспектив по этим критериям. Одной из наиболее острых проблем внутренней миграции, по данным опроса, является высокая стоимость жизни в крупных городах. Несмотря на более высокий уровень заработных плат, реальные доходы мигрантов зачастую нивелируются значительными расходами на жилье, транспорт, питание и коммунальные услуги. Сложившаяся ситуация с внутренней мобильностью требует переосмысления региональной миграционной политики с учетом не только экономических, но и социальных факторов. Существует необходимость в развитии долгосрочной стратегии внутренней миграционной политики, направленной на снижение негативных последствий миграции человеческого капитала и обеспечение устойчивого социально-экономического развития территорий за пределами региональных центров, в том числе за счет мер социальной поддержки.

Ключевые слова: миграция, человеческий капитал, социальная мобильность, миграционные установки, Екатеринбург, Пермь, социальная поддержка.

Для цитирования:

Бородкин М.А. Влияние миграционных процессов на развитие человеческого капитала региона (кейс молодежной миграции в Свердловской области и Пермском крае) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2026. Вып. 1. С. 137–152. <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-137-152>. EDN: XLMGLU

THE IMPACT OF MIGRATION PROCESSES ON THE DEVELOPMENT OF HUMAN CAPITAL IN THE REGION (A CASE STUDY OF YOUTH MIGRATION IN SVERDLOVSK OBLAST AND PERM KRAI)

Maxim A. Borodkin

Saint Petersburg State University (Saint Petersburg),

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (Ekaterinburg)

Migration processes in modern Russia significantly influence the redistribution of human capital among regions: human capital develops in some regions or territories while it declines in others. Population movements within the country, especially between large cities and provincial territories, create new demographic, economic, and social configurations. The article deals with the causes of internal migration, migration attitudes and motivations among young people through the examples of Yekaterinburg and Perm — the administrative centers of two large Russian regions: Sverdlovsk Oblast and Perm Krai. The article also deals with the impact of migration on the development of regional human capital. The empirical basis of the study comprises official statistics on internal migration, including those from Permstat and Sverdlovskstat, as well as the results of an online survey conducted among young people in these cities (N = 249). The study has shown that internal migration flows determine the redistribution of human capital in these regions in favor of regional centers. Among the subjective factors driving migration, most respondents cited obtaining a desired education and/or job as well as the availability of the relevant prospects. According to the survey, one of the most pressing issues of internal migration is the high cost of living in large cities. Despite higher wages, migrants' real incomes are often offset by significant expenditures on housing, transportation, food, and utilities. The current situation with internal mobility requires a rethinking of regional migration policy with taking into account not only economic but also social factors. There is a need to develop a long-term internal migration strategy aimed at mitigating the negative consequences of human capital migration and ensuring sustainable socioeconomic development in areas outside regional centers, including through social support measures.

Keywords: migration, human capital, social mobility, migration attitudes, Yekaterinburg, Perm, social support.

To cite:

Borodkin M.A. [The impact of migration processes on the development of human capital in the region (a case study of youth migration in Sverdlovsk oblast and Perm krai)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology], 2026, issue 1, pp. 137–152 (in Russian), <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2026-1-137-152>. EDN: XLMGLU

Введение

Внутренняя миграция в России (внутристрановая миграция) — это явление, которое оказывает значительное влияние на социально-экономическое развитие регионов. Долгосрочное развитие регионов страны представляет собой сложный и многоаспектный процесс, который может рассматриваться с разных точек зрения, в нем могут быть выделены различные

составляющие — демографические, социальные, экономические. Понимание социально-демографической ситуации и тенденций относительно численности и структуры населения позволяет прогнозировать численность и потребности граждан, объемы социальных услуг, спрос на продукцию отдельных отраслей и сферу услуг. Это определяет актуальность исследования современных проблем сохранения и

воспроизводства человеческих ресурсов региона в контексте миграционных процессов.

Миграция внутри России — актуальная, но не столь частая тема социологических исследований в сравнении с международной миграцией. При этом воздействие внутренней (прежде всего межрегиональной) миграции на изменение человеческого капитала российских регионов вносит не меньший вклад, чем международной. Оно определяется не только объемом миграционных потоков, но и их возрастной и территориальной структурой. Исследование миграции, мобильности и человеческого капитала в различных регионах страны позволяет глубже понять динамику перемещения населения, а также выявить основные проблемы и перспективы, связанные с этим явлением. Миграция имеет ярко выраженный возрастной профиль, в этой связи выделяется так называемая молодежная миграция. Пик миграционной убыли приходится на период выбора места получения высшего образования и первые годы трудоустройства. В связи с этим представляются значимыми эмпирические данные, позволяющие провести качественный анализ структуры, факторов и тенденций внутренней мобильности в РФ в современный период, исходя из персонального опыта респондентов в некоторых крупнейших городах — тех региональных центрах, куда стремится молодежь.

Понимание причин и последствий миграционных процессов требует глубокого анализа, который включает в себя опыт проживания в различных регионах, проблемы, с которыми сталкиваются мигранты, а также их мотивацию и перспективы дальнейшей миграции. Молодежь, стремящаяся к лучшим условиям жизни и профессиональной реализации, активно переезжает из одного региона в другой, либо в региональный центр. Миграционное поведение включает не только фактически реализованные намерения, но также миграционные установки, которые пока не реализовались. Причем миграция — это не только приемлемая жизненная траектория, она может играть роль механизма роста отдачи на имеющийся человеческий капитал.

В то же время миграционные процессы выступают важнейшим каналом перераспределения человеческого капитала между регионами. Отток молодежи из периферийных территорий приводит к концентрации образовательных,

профессиональных и инновационных ресурсов в крупнейших городах, усиливая межрегиональную дифференциацию. Для принимающих регионов приток молодых и образованных мигрантов означает обновление кадрового потенциала, рост предпринимательской активности и повышение конкурентоспособности экономики. Напротив, для регионов-доноров систематическая утрата человеческого капитала может создавать риски демографического старения, дефицита квалифицированных специалистов и замедления социально-экономического развития. Таким образом, внутренняя миграция становится не только демографическим, но и стратегическим фактором формирования и воспроизводства человеческого капитала страны в целом.

Фокус данного исследования связан с двумя региональными центрами — Екатеринбург и Пермью, анализом миграционных процессов в этих городах, их восприятием молодыми жителями данных городов, большинство из которых сами являются мигрантами. Гипотеза настоящего исследования состоит в следующем: миграция молодежи зависит как от традиционных центр-периферийных отношений внутри регионов и между регионами, так и от специфических субъективных и объективных факторов, влияющих на принятие решений о выборе места получения образования, поиска работы и решения иных существенных вопросов, которые определяют миграционный выбор конкретного человека. В данной статье рассматривается миграционный опыт респондентов в широком контексте внутренней миграции, определяющий сохранение и развитие человеческого капитала регионов.

Теоретические основы и обзор литературы по теме исследования

В научной литературе, посвященной человеческому капиталу, внимание миграции уделяется не так много, как иным социальным аспектам и явлениям. В то же время справедливо будет отметить, что миграционные процессы и человеческий капитал все больше в фокусе внимания исследователей во всем мире, что указывает на высокую актуальность работ по данной проблематике.

Анализ связи миграции с благосостоянием, изменением заработной платы, материальными и нематериальными затратами на переезд явля-

ется предметом ряда научных исследований как в России, так и за рубежом [Böheim R., Taylor M.P., 2007; Моисеенко В.М., Чудиновских О.С., 2000]. В работах указанных авторов миграционный выбор согласуется с концепцией повышения отдачи от человеческого капитала, поскольку при переезде с одного места проживания на другое в первую очередь люди ориентируются на получение работы и, как следствие, повышение уровня жизни в целом.

Многие исследователи отмечают, что отдача от миграции и отдача от человеческого капитала характерны прежде всего для высокообразованных и мобильных профессиональных групп [Yankow J., 2003; Korpi M., Clark W.A.V., 2015]. Однако миграция может быть выгодна и другим профессиональным группам (слоям) благодаря активации человеческого капитала. В данном случае рассматриваются так называемые «сильные» и «слабые» подгруппы. Например, в среде «сильных» подгрупп (молодые, материально обеспеченные, из более крупных территориальных поселений, а также более образованные) целью миграции, скорее всего, является повышение отдачи от человеческого капитала, т.е. повышение экономической отдачи от имеющихся знаний и навыков и расширение возможностей профессиональной самореализации. С другой стороны, мигранты из «слабых» подгрупп, вероятно, чаще всего ориентируются на поддержание имеющегося у них положения. Молодежь с точки зрения отдачи от человеческого капитала как результата миграции — одна из наиболее «сильных» подгрупп. Высокая распространенность в среде именно этой подгруппы людей мотива поиска работы при переезде должна формировать эффективную мобильность.

Установка на переезд в совокупности с миграционными предпочтениями имеют ключевое значение в части выработки миграционного решения. Мотивационные установки определяются не только личным выбором и готовностью сменить место жительства, но и знанием о миграционном опыте других людей. Такой комплексный подход к изучению миграционных установок также закономерно рассматривается авторами (см., напр., [Кузнецова С.А., 2013]).

Таким образом, миграционная мотивация является транслируемой в социальной среде,

соответственно, личный миграционный выбор и опыт дополняется, либо даже определяется опытом окружающих людей: прежде всего друзей, родственников, знакомых, т.е. значимых для человека близких.

Для анализа внутренних миграционных процессов российскими исследователями используются данные официальной статистики, показывающие убыль и прибыль людей в те или иные регионы (напр., [Зайончковская Ж.А. и др., 2019, Мкртчян Н.В. и др., 2020]). Количественные данные, безусловно, важны для формирования объективной картины по исследуемой тематике. Однако, как справедливо отмечают авторы, официальная статистика неинформативна в части индивидуальных предпочтений и миграционных установок граждан [Мукомель В.И., 2018]. При этом воздействие внутренней миграции определяется не только объемом миграционных потоков, но и возрастной и территориальной структурой, а также многими субъективными факторами.

Методологические вопросы исследования молодежной миграции рассматриваются в работе И.С. Кашницкого, Н.В. Мкртчяна, О.В. Лешукова [Кашницкий И.С. и др., 2016]. Из наиболее значимых работ следует также отметить исследование М.А. Карцевой, Н.В. Мкртчяна, Ю.Ф. Флоринской [Карцева М.А. и др., 2021], в котором анализируются особенности и тенденции межрегиональной молодежной миграции в России, привлекательность отдельных регионов страны для молодежи. Исследование миграционной мобильности молодежи как части общества, обладающей наибольшей миграционной активностью, связано с проблемой перераспределения ресурсов на территории России [Зорин В.Ю., 2019].

Миграционные процессы и тенденции непосредственно влияют на развитие человеческого капитала одних регионов или территорий и убыли соответствующего ресурса в других. Поэтому важно отметить как саму дефиницию «человеческого капитала региона», так и его смысловую содержательную составляющую. Человеческий капитал региона — это способности, знания, компетенции и мотивации к производственному труду индивидов конкретной населенной территории, а также знания и компетенции внешних индивидов, реализуемые

на данной территории, обеспечивающие экономический рост и повышающие качество жизни населения [Гайнанов Д.А., Атаева А.Г., 2017]. Кроме того, конкуренция регионов по привлечению наиболее активной и умной молодежи является существенным фактором их развития [Findlay A.M., 2011]. В развитие теории человеческого капитала региона автором данного исследования представлена концепция цифрового социального капитала региона, который можно определить как накопление цифровых компетенций, информационных ресурсов и цифровых технологий людьми, проживающими в отдельном регионе [Бородкин М.А., 2024].

Вопрос сохранения человеческого капитала в отдельных регионах страны (в частности, на Дальнем Востоке, Северо-Западных регионах) находится в фокусе внимания отдельных авторов (см. [Омельченко Е.Л., 2023; Музыченко Н.П., 2021; Логинова В.А., Мурашова В.А., 2020; Костина Е.Ю., Орлова Н.А., 2022]). Эти исследования интересны предметным анализом процессов развития и накопления человеческого капитала в регионах, для которых характерен значительный миграционный отток населения. Поэтому авторы уделяют особое внимание рассмотрению факторов, способствующих или препятствующих сохранению человеческого капитала в этих регионах, таких как доступность образования, уровень здравоохранения, а также меры по привлечению и удержанию квалифицированных специалистов.

Ряд авторов рассматривают влияние миграции на человеческий капитал регионов в экономической плоскости с акцентом на социально-экономическое развитие российских регионов [Ганебных Е.В. и др., 2023; Тухтарова Е.Х., 2022]. Описываются изменения в демографической структуре населения, уровне занятости, доходах и качестве жизни в результате миграционных процессов. Результаты этих исследований показывают, что миграция может быть, как фактором роста, так и источником новых вызовов для регионов, требующих разработки соответствующей политики.

Еще одним важным направлением является исследование влияния миграционных установок и предпочтений российских специалистов на их профессиональное развитие и накопление

человеческого капитала [Махотаева М.Ю., Николаев М.А., 2023; Латова Н.В., 2021]. Авторами анализируются такие факторы, как карьерные перспективы, уровень заработной платы и доступ к образовательным ресурсам, которые влияют на решение относительно миграции. Результаты показывают, что миграция может быть стратегией повышения отдачи от ранее полученного человеческого капитала, особенно в условиях региональных дисбалансов. В то же время миграция специалистов способствует перераспределению человеческого капитала между регионами, что может влиять на экономическое развитие и инновационный потенциал страны.

Таким образом, как показано в работах вышеуказанных авторов, миграционное поведение является важным аспектом исследования человеческого капитала, т.к. перемещение населения связано с доступом к ресурсам, образованию, трудовой занятости и жизненному комфорту. Соответственно, теоретическая рамка настоящего исследования строится на концепциях устойчивой социальной мобильности, пространственного неравенства и потребности в релевантных региональных особенностях миграционных стратегиях.

Методы исследования

Основным методом исследования стал онлайн-опрос жителей Екатеринбурга и Перми, проведенный в марте – апреле 2025 г. (N = 249). В опросе принимала участие преимущественно молодежь в возрасте от 18 до 25 лет (80 % респондентов). Анкета содержала 21 вопрос открытого и закрытого типов, связанные с причинами переезда, миграционными установками, оценкой уровня жизни, профессиональной реализацией, семейными обстоятельствами и планами на будущее. Опрос был направлен на выявление социально-демографической тенденции мобильности населения в исследуемых регионах, на изучение особенностей личного миграционного опыта респондентов и их отношения к внутренней и международной миграции, а также на получение субъективных оценок региональных миграционных процессов — их текущих трендов и возможных сценариев миграционной политики. Следует отметить, что численность респондентов высту-

пает определенным ограничением исследования, однако даже в рамках такой выборки полученные данные позволяют зафиксировать и проанализировать основные тенденции молодежной миграции в исследуемых регионах.

Помимо опроса в исследовании также рассматривались данные о миграции, ежегодно публикуемые органами Федеральной службы государственной статистики, включая территориальные органы Росстата (Пермьстат, Свердловскстат). Анализ статистических данных позволит описать социально-демографический контекст в крупнейших российских регионах, в которых относятся Свердловская область с административным центром в г. Екатеринбурге и Пермский край, административный центр — г. Пермь.

Результаты исследования

Миграционная ситуация в Свердловской области

Для формирования более полной миграционной картины по Свердловской области и Пермскому краю представляется целесообразным оперировать данными территориальных органов Росстата за 2020–2024 гг. Данные по проживающему в Свердловской области населению представлены в табл. 1.

Таблица 1. Данные по населению (источник: Свердловскстат, <https://66.rosstat.gov.ru>)

Table 1. Population data (source: Sverdlovskstat, <https://66.rosstat.gov.ru>)

Год	Прибыло	Выбыло
2020	106 392	103 000
2021	102 670	94 327
2022	94 328	99 549
2023	89 490	88 337
2024	101 527	81 809

В 2020–2021 гг. наблюдался положительный миграционный баланс (въезд превышал выезд) (2021: +8,3 тыс.). В 2022 г. произошел заметный перелом: миграционная убыль составила $\approx -5,2$ тыс. (сократилось число прибывших и выросло число выбывших), что совпадает с общими миграционными трендами 2022 г. 2023 г. показал небольшой прирост ($\approx +1,2$ тыс.), а существенно ситуация измени-

лась в 2024 г., когда наблюдается резкий рост положительного баланса (+19,7 тыс.), однако основную часть прироста составила международная миграция (граждане стран СНГ и дальнего зарубежья). Основным населенным пунктом прибытия населения стал административный центр Свердловской области — город Екатеринбург. Наглядно миграционная ситуация в эти годы отражена на рис. 1 и 2.

Миграционная ситуация в Пермском крае

Официальные данные по численности населения в Пермском крае представлены в табл. 2.

В 2020–2023 гг. имеет место устойчивый отток населения (отрицательный баланс) — максимальная убыль в 2022–2023 гг. (порядка 5–5,5 тыс. человек в год по оценке). В 2024 г. наблюдается заметный спад общей интенсивности миграции, а по данным за ноябрь 2024 г. уже отмечается небольшой положительный баланс (прибыль $\sim +477$ чел.) (см. рис. 3, 4). Основным населенным пунктом прибытия населения стал административный центр Пермского края — г. Пермь.

Таблица 2. Данные по населению (источник: Пермьстат, <https://59.rosstat.gov.ru>)

Table 2. Population data (source: Permstat, <https://59.rosstat.gov.ru>)

Год	Прибыло	Выбыло
2020	60 413	64 429
2021	64 023	66 931
2022	63 647	68 780
2023	61 608	$\approx 67 000$
2024	51 025	50 548

На основе вышеприведенных данных по миграции в Свердловской области и Пермском крае можно сделать вывод о том, что в данных регионах в целом относительно стабильная миграционная ситуация с небольшими колебаниями в численности населения, когда число выбывающих граждан компенсируется прибывшими. Пространственная концентрация прибывающего населения в административные центры регионов — Екатеринбург и Пермь — свидетельствует о сохраняющейся центр-периферийной модели миграции и о высокой привлекательности крупнейших городов для молодежной мобильности.

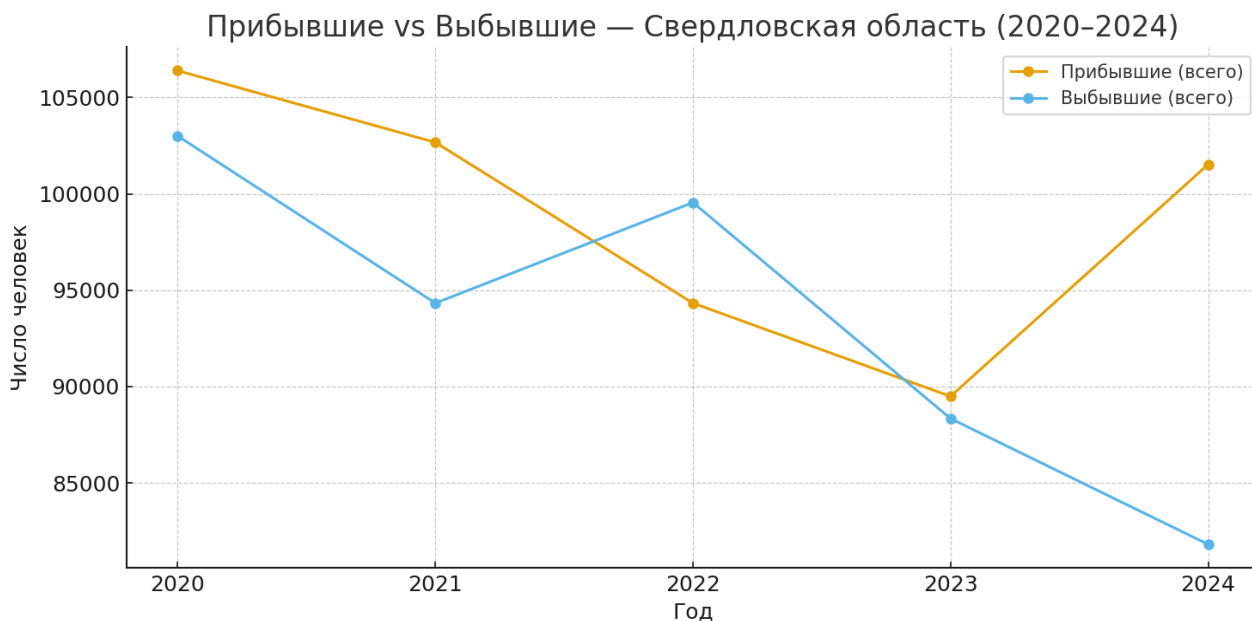

Рис. 1 Число прибывших и выбывших человек (данные по Свердловской обл. за 2020–2024 гг.)

Fig. 1. The number of people who have arrived and those who have left (data for Sverdlovsk Oblast for 2020–2024)

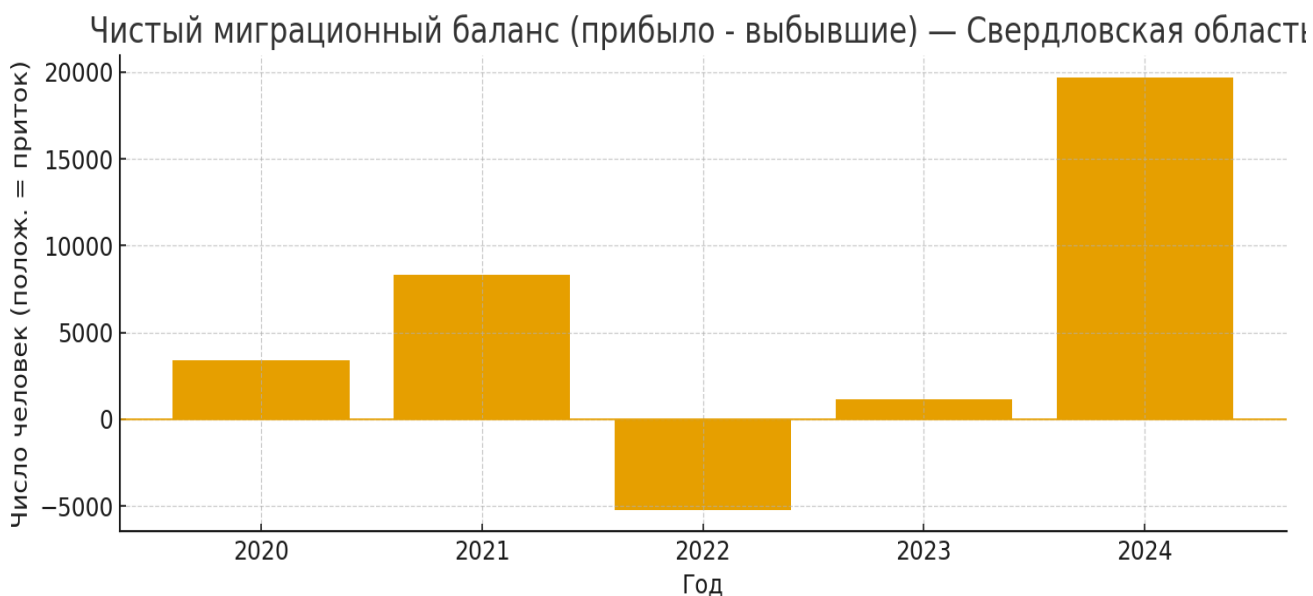

Рис. 2. Чистый миграционный баланс (прибывших и выбывших людей)
Данные по Свердловской обл. за 2020–2024 гг.

Fig. 2. Net migration balance (of those who have arrived and those who have left).
Data for Sverdlovsk Oblast for 2020–2024

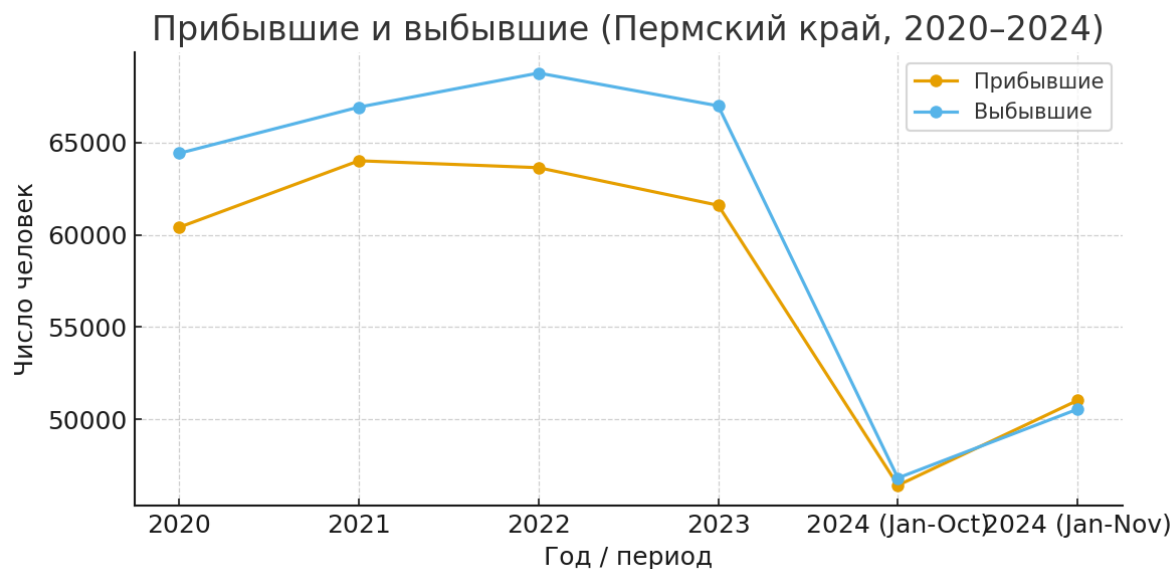

Рис. 3. Число прибывших и выбывших человек (данные по Пермскому краю за 2020–2024 гг.)

Fig. 3. The number of people who have arrived and those who have left (data for Perm Krai for 2020–2024)

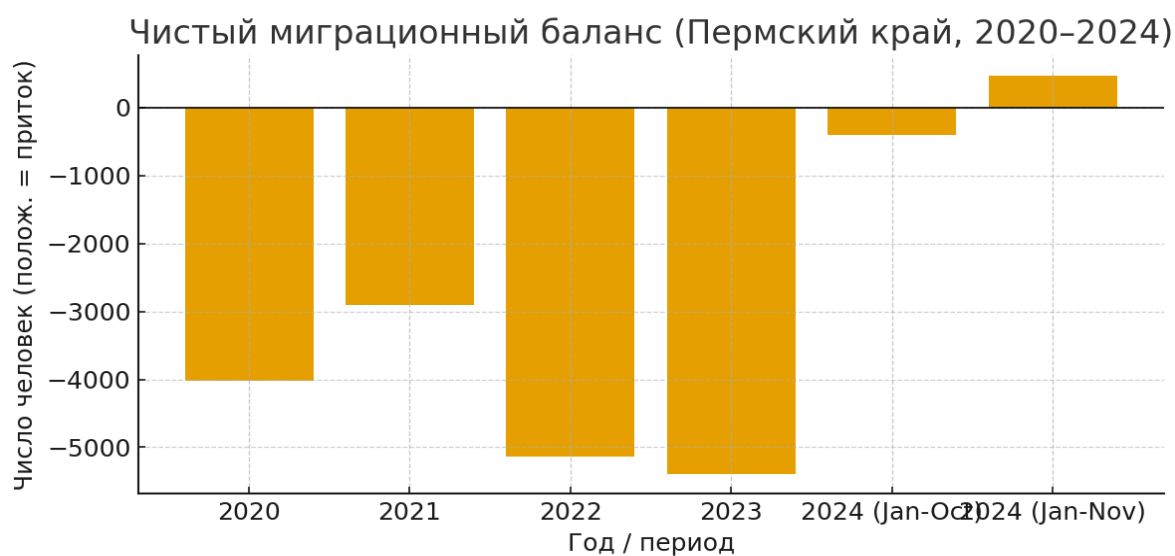

Рис. 4. Чистый миграционный баланс (прибывших и выбывших людей).

Данные по Пермскому краю за 2020–2024 гг.

Fig. 4. Net migration balance (of those who have arrived and those who have left).

Data for Perm Krai for 2020–2024

Результаты опроса

Социально-демографические характеристики респондентов

Всего в опросе приняли участие 249 чел., из которых 139 чел. проживали в Екатеринбурге и 110 в Перми. Поскольку данные города обла-

дают относительно схожими социально-демографическими, социально-экономическими и даже территориальными характеристиками, анализ полученных данных проводился по совокупности двух городов. Опрос проводился с использованием онлайн-анкеты, размещенной в социальных сетях, а также в соци-

альных группах студентов вузов. Этот факт определил в значительной мере возрастные характеристики респондентов, большинство из которых (80 %) были в возрасте от 18 до 25 лет; а также другие социально-демографические характеристики.

Примерно 2/3 респондентов — женского пола, что может быть объяснено более активным участием девушек в социальных сетях; большинство респондентов (84 %) — лица с неполным высшим либо с высшим образованием; абсолютное большинство респондентов (более 90 %) не состоят в браке; абсолютное большинство респондентов (более 93 %) в настоящее время не имеют детей.

Большинство респондентов указали, что в настоящее время не работают (40 %), что, прежде всего, связано с получением образования. Среди работающих респондентов занятость отмечена либо в сфере науки/образования (19 %), либо в сфере услуг (21 %). Только менее половины респондентов не планируют менять сферу занятости. Такой процент может быть связан с возрастом респондентов (большинство — до 25 лет), временным характером трудоустройства ввиду получения образования или иных причин.

Учитывая, что молодежь является наиболее мобильной группой и в значительной степени формирует человеческий капитал региона, особенности выборки в данном случае рассматриваются как обоснованные задачами проекта.

Опыт проживания в указанном регионе/городе

Вопрос о продолжительности проживания в том или ином городе позволяет дифференцировать респондентов исходя из их опыта мобильности и миграции. По полученным данным, немногим более трети респондентов проживали в городе где родились, остальные — имеют опыт жизни в другом регионе в течение более или менее продолжительного срока.

Основными причинами смены места жительства, согласно результатам опроса, являются (респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа):

- учеба (получение образования) (69 %);
- работа (возможности трудоустройства) (14 %);
- переезд к семье/родственникам (13 %);

– возможность улучшить жилищные условия (4 %).

Поскольку драйвером социальной мобильности выступает стремление молодых людей получить интересное образование и/или трудоустроиться в новом регионе (региональном центре), наличие соответствующих инфраструктурных ресурсов (количество и качество вузов) определяет привлекательность тех или иных городов для молодых людей и, соответственно, миграционную конкурентоспособность этих городов.

Исходя из полученных ответов, смена места жительства рассматривается как позитивное решение близкими респондентов (84 % отметили такую поддержку), и эта поддержка также может стимулировать мобильность граждан. Причем такая поддержка может быть как вторичной, так и первичной, когда человек исходит из мнения близких о целесообразности переезда.

Абсолютное большинство респондентов (97 %) рассматривают переезд как правильное, оправданное (в той или иной степени) решение, что может свидетельствовать об устойчивом позитивном тренде на социальную мобильность (предположительно, одностороннюю), а также на благоприятные условия (по определенным параметрам) в регионах, выбранных для переезда.

Респонденты прежде всего в качестве личностной реализации отмечают получение желаемого образования (81 %) и работы (21 %), либо наличие перспектив по этим критериям. Эти показатели можно отнести к фундаментальным параметрам, определяющим удовлетворенность текущим и будущим социальным положением. Таким образом, миграция воспринимается респондентами как способ достижения устойчивой социальной мобильности и формирования благоприятных условий для реализации человеческого потенциала.

Проблемы внутренней миграции

Как показал опрос, одной из наиболее острых проблем внутренней миграции является высокая стоимость жизни в крупных городах (35 % опрошенных отметили этот факт). Несмотря на более высокий уровень заработных плат, реальные доходы мигрантов зачастую нивелируются значительными расходами на жилье, транспорт, питание и коммунальные услуги.

Таким образом, материальные ожидания переселенцев не всегда соответствуют действительности, что может вызывать чувство социальной незащищенности и экономической нестабильности.

Серьезным препятствием для успешной адаптации выступает и проблема поиска жилья (33 %). На фоне дефицита доступных вариантов аренды мигранты вынуждены соглашаться на временные, зачастую неудовлетворительные жилищные условия.

Не менее значимой проблемой остается поиск работы (17 %). Конкуренция на рынке труда крупных городов чрезвычайно высока, вследствие чего прибывшие часто вынуждены соглашаться на трудоустройство, не соответствующее их ожиданиям, либо находиться в статусе безработного. Это приводит к снижению уровня удовлетворенности условиями жизни.

Следует отметить в числе основных проблем отсутствие привычного круга общения (22 %), т.е. коммуникация и наличие близких связей не менее важны, чем остальные факторы. Отсутствие близких, друзей и устоявшихся социальных связей усиливает чувство одиночества и затрудняет адаптацию к новой среде. В результате мигрант сталкивается не только с материальными, но и с эмоциональными трудностями, требующими времени и внутренних (а иногда и финансовых) ресурсов для преодоления. В то же время можно предположить, что коммуникативный фактор имеет временный характер, поскольку люди, как правило, адаптируются, заводят новые знакомства, тем самым «привычный круг» со временем замещается «приобретенным кругом общения».

Абсолютное большинство имеют «устойчивую социальную мобильность» и стремятся реализовать на новом месте, несмотря на трудности (70 %). Миграционные процессы способствуют укреплению социальной мобильности, создавая предпосылки для личностного и профессионального роста. Освоение новых социальных пространств, повышение образовательного уровня, расширение профессиональных компетенций — все это приводит к формированию устойчивых стратегий самореализации. Следовательно, внутренняя миграция выступает не только источником проблем, но и важным механизмом социального обновления.

Несмотря на перечисленные трудности, у большинства мигрантов формируется нежелание возвращаться в прежний регион проживания — только 5 % респондентов имеют намерение вернуться. Это объясняется тем, что в крупных городах сосредоточены основные ресурсы социального и культурного развития, отсутствующие в провинциальных территориях. Таким образом, даже при наличии адаптационных сложностей мегаполис воспринимается молодежью как пространство возможностей и перспектив.

Представляется, что привлекательность крупных городов остается главным фактором внутренней молодежной миграции. Высокий уровень инфраструктурного развития, разнообразие образовательных учреждений, наличие карьерных перспектив и широкий спектр культурных практик формируют устойчивый миграционный поток в сторону урбанизированных центров.

Перспективы дальнейшей миграции

Одной из ключевых особенностей современной миграционной ситуации является высокая миграционная активность молодежи. Молодые люди чаще других рассматривают переезд как средство достижения жизненных целей. Это объясняется их готовностью к переменам, стремлением к освоению новых социальных пространств и поиску возможностей для карьерного роста. Кроме того, гибкость и адаптивность молодежи позволяют им быстрее интегрироваться в новые культурные и профессиональные среды, что делает их основной движущей силой внутренней миграции.

Примерно треть респондентов не планируют переезд в другой регион РФ (35 %), остальные либо рассматривают/допускают такую возможность (25 %), либо затрудняются с ответом (40 %). Этот показатель свидетельствует о довольно высокой мобильности населения, высокой миграционной активности.

Особую роль в процессах перемещения населения играют центры миграционного притяжения, к которым традиционно относятся крупнейшие города страны — Москва, Санкт-Петербург, Казань, Екатеринбург, Пермь и другие региональные центры. Эти города обладают развитой инфраструктурой, высоким уровнем жизни, широким выбором образовательных про-

грамм и перспективами трудоустройства. Именно здесь сосредоточены ключевые экономические, научные и культурные ресурсы, что делает их наиболее привлекательными для молодежи и квалифицированных специалистов.

Важнейшим стимулом к переезду выступает получение высокооплачиваемой работы (69 %). Возможность трудоустройства в стабильных и перспективных компаниях, получение конкурентоспособной заработной платы и социального пакета являются определяющими факторами при принятии решения о миграции. Молодые специалисты стремятся реализовать свой потенциал в динамичной среде, где их знания и навыки могут быть востребованы. В то же время неравномерное распределение рабочих мест по регионам способствует концентрации трудовых ресурсов в крупных городах, усиливая миграционные потоки.

Значимым мотивом переезда выступает семья (14 %). Для одних мигрантов семья становится фактором, сдерживающим переезд, особенно если имеются устойчивые социальные связи и обязательства. Для других, напротив, семейные обстоятельства становятся стимулом к миграции — например, в целях улучшения жилищных условий, обеспечения лучшего образования для детей или воссоединения с родственниками. Таким образом, семья играет двойственную роль: с одной стороны, она может ограничивать мобильность, с другой — стимулировать ее.

Заслуживает внимания и климатический фактор, на который также указывают многие респонденты (9 %) и который нередко оказывается решающим при выборе региона для переезда. Благоприятные климатические условия воспринимаются как важный компонент комфортной жизни, особенно в условиях растущего внимания общества к вопросам здоровья и экологической устойчивости.

Таким образом, перспективы и планы переезда в другой регион России определяются совокупностью экономических, социальных и природных факторов. Молодежь, обладая высокой мобильностью и стремлением к развитию, остается главным субъектом миграционных процессов. Наличие высокооплачиваемой работы, развитой инфраструктуры, благоприятного климата и семейной поддержки формируют основу для принятия решения о переезде. В перспективе подобные перемещения могут способствовать

более равномерному распределению человеческого капитала по территории страны, укреплению региональных экономик и повышению общего уровня жизни населения.

Отношение молодежи к миграции

Одной из задач опроса было выяснить отношение молодежи к миграционным процессам внутри России. Для этого респондентам предлагалось оценить ряд распространенных утверждений относительно миграции по 4-бальной шкале (см. рис. 5):

– переезд молодежи в крупный город — естественный процесс, который всегда будет существовать;

– мобильность внутри страны создает неравные условия для различных регионов: люди стремятся в крупные города, поскольку там уровень жизни выше, чем в небольших населенных пунктах;

– государство должно стимулировать обратный процесс: переезд трудоспособного населения из крупных городов в провинцию;

– каждый регион страны должен создавать конкурентные преимущества в целях привлечения трудоспособных граждан (прежде всего молодежь) для жизни в этом регионе.

Большинство респондентов считают, что переезд молодежи в крупный город — это естественный процесс, который всегда будет существовать. В условиях урбанизации и концентрации основных ресурсов в мегаполисах перемещение населения в крупные города воспринимается не как вынужденная мера, а как логичный шаг в процессе личной и карьерной самореализации. Городские центры предоставляют более широкие возможности для трудоустройства, культурного досуга, медицинского обслуживания и социальной мобильности, что делает миграцию в такие регионы социально оправданным и рациональным выбором.

В то же время респонденты признают, что мобильность внутри страны создает неравные условия для различных регионов (потеря трудовых ресурсов и т.п.), и что каждый регион страны должен создавать условия для того, чтобы оставаться конкурентоспособным в плане сохранения/привлечения людей. Различия в уровне экономического развития, инфраструктуры, доступности образования и качества социальной среды создают дисбаланс, стимулирующий отток населения из периферийных террито-

рий. Респонденты часто подчеркивают, что миграция является следствием не столько личных амбиций, сколько объективных различий между регионами. Таким образом, внутренние переме-

щения отражают структурные проблемы территориального развития и указывают на необходимость государственной политики, направленной на выравнивание возможностей.

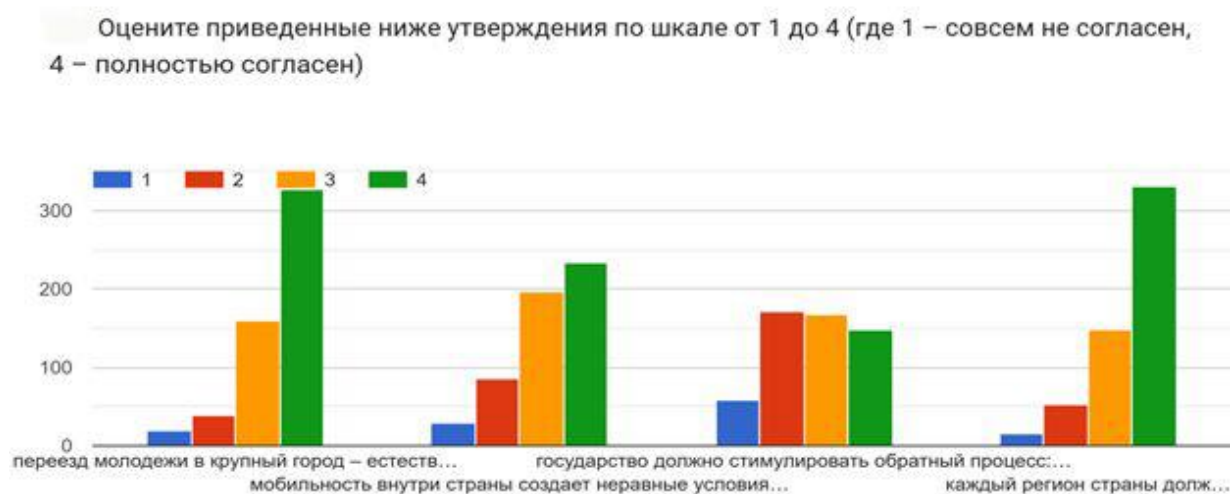

Рис. 5. Оценка респондентами предложенных утверждений по шкале от 1 до 4

Fig. 5. Respondents' assessment of the proposed statements on a scale from 1 to 4

При этом респонденты не согласны с тем, что государство должно стимулировать обратный процесс — переезд в провинцию. Таким образом, личные интересы, свобода миграционного выбора доминируют при оценке миграционных направлений. Большинство опрошенных положительно оценивают возможность самостоятельно определять место жительства, рассматривать альтернативные регионы для жизни и работы. Для многих миграция ассоциируется не только с экономической рациональностью, но и с личной автономией, возможностью реализовать свои жизненные планы без ограничений со стороны государства или социальных обстоятельств. Этот факт следует учитывать, например, при разработке социальных программ по привлечению молодежи в села и малые города — необходим набор «мотиваторов» для переезда туда людей, поскольку существуют устойчивые обратные тренды.

В целом отношение к миграции у большинства респондентов является позитивным. Переезд в другой регион рассматривается как шанс на улучшение качества жизни, получение новых знаний, профессиональных навыков и социального опыта. Вместе с тем в общественном восприятии сохраняется понимание того, что

успешная миграция требует определенной готовности к адаптации и преодолению трудностей, связанных с изменением привычного социального окружения. Таким образом, позитивное отношение к миграции основано не на идеализации, а на признании ее как естественного и необходимого элемента современного общества.

Что касается отношения молодежи к международной миграции, то в какой-то степени негативное восприятие этого процесса наблюдается только у четверти респондентов, остальные либо в той или иной степени поддерживают это явление, либо относятся нейтрально. Менее 20 % респондентов относятся к отъезду молодых людей из страны в той или иной степени отрицательно, подавляющее большинство не видит в этом негативного явления. Это, с одной стороны, можно оценить как голоса за свободу выбора и жизненного пути, с другой стороны, как неудовлетворенность жизнью и перспективами, однако какие-либо более конкретные и точные выводы возможны при более глубоком изучении этого явления.

Подводя итоги опроса, можно отметить, что заявленная гипотеза исследования подтвердилась. Отношение респондентов к миграции фор-

мируется под воздействием комплекса факторов: урбанизационных тенденций, региональных диспропорций, индивидуальных ценностных ориентаций и социальных ожиданий. Переезд в крупный город воспринимается как закономерный этап в жизненном пути, а свобода миграционного выбора — как неотъемлемое право современного гражданина. В условиях позитивного общественного восприятия миграции особую актуальность приобретает задача создания равных возможностей для развития регионов, что позволит не только снизить вынужденную миграцию, но и будет способствовать развитию человеческого капитала регионов страны.

Заключение

Миграционные процессы в России оказывают системное влияние на формирование, распределение и качество человеческого капитала регионов. Крупные города, такие как Екатеринбург и Пермь, выступают центрами притяжения, аккумулирующими наиболее активные, образованные и мобильные трудовые ресурсы. Таким образом, миграция становится одним из ключевых механизмов перераспределения человеческого капитала между территориями. Каждый регион обладает собственными социально-экономическими характеристиками, которые определяют миграционные установки населения и влияют на решения о переезде.

Внутренняя миграция в значительной степени обусловлена стремлением к повышению качества жизни и расширению возможностей для развития человеческого потенциала. Переезды в более развитые регионы, как правило, связаны с доступом к качественному образованию, более емкому рынку труда и развитой инфраструктуре. Особенно выражена эта тенденция среди молодежи, для которой крупные города становятся пространством накопления человеческого капитала за счет получения образования, профессионального опыта и социальных связей. Более широкий спектр возможностей для трудоустройства и карьерного роста усиливает миграционную привлекательность таких территорий. Вместе с тем мигранты сталкиваются с рядом ограничений, включая сложности адаптации, поиска жилья и интеграции в новые социальные условия, что также влияет на траекторию развития их человеческого капитала.

Несмотря на определенные ограничения проведенного опроса, связанные с количеством

вопросов и охватом регионов, полученные результаты отражают миграционные установки молодежи и позволяют делать обоснованные выводы о роли миграции в трансформации человеческого капитала.

Миграция представляет собой естественный и неизбежный социальный процесс, основными мотивами которого являются получение образования, трудоустройство и семейные обстоятельства. Хотя переезд сопряжен с рядом социальных и экономических трудностей, большинство мигрантов предпочитают закрепляться в новом месте проживания, демонстрируя высокий уровень устойчивой социальной мобильности. Это свидетельствует о том, что миграция выступает не только как форма территориального перемещения, но и как инструмент индивидуального накопления и реализации человеческого капитала.

Отношение к внутренней и международной миграции среди молодежи преимущественно позитивное. Положительное отношение молодежи к этому процессу свидетельствует о том, что внутреннее перемещение населения продолжит оставаться важной частью социальной динамики в стране. Важно учитывать наличие устойчивой социальной мобильности населения, прежде всего молодежи, чтобы не только отслеживать те или иные актуальные тренды, но и создавать с участием различных акторов определенные регулятивные механизмы в целях сохранения и развития человеческого капитала отдельных регионов. Один из самых значимых социальных вопросов с точки зрения потенциала государственного регулирования, требующий дальнейшего более глубокого изучения и анализа, — ограниченная обратная миграция, нежелание людей переезжать в малые города и населенные пункты, из-за чего происходит убыль населения в ряде регионов.

Миграционные оттоки формируют устойчивые негативные тренды: сокращение численности молодежи, дефицит специалистов и деградацию качества человеческого капитала на региональном уровне. В этой связи возрастает необходимость переосмысления миграционной политики, ориентированной не только на экономические показатели, но и на социальные условия воспроизводства человеческого капитала. Эффективная миграционная политика должна сочетать отсутствие рестриктивных барьеров для мобильности населения с мерами по

повышению привлекательности жизни и труда за пределами региональных центров, включая поддержку молодых специалистов, развитие инфраструктуры и формирование гибкой, адаптивной и конкурентоспособной социальной политики.

Выражение признательности

Исследование выполнено в Санкт-Петербургском государственном университете при финансовой поддержке РФФ, проект № 24-18-00542.

Acknowledgements

The research was conducted at St. Petersburg State University with financial support from the Russian Science Foundation, project No. 24-18-00542.

Список литературы

- Бородкин М.А.* Цифровой социальный капитал российских регионов: теоретические подходы и практические аспекты // *Society and Security Insights*. 2024. Т. 7, № 1. С. 87–102. DOI: [https://doi.org/10.14258/SSI\(2024\)1-06](https://doi.org/10.14258/SSI(2024)1-06). EDN: OSAADL
- Гайнанов Д.А., Атаева А.Г.* Человеческий капитал территориальной социально-экономической системы: проблема идентификации в условиях экономики знаний // *Региональные проблемы преобразования экономики*. 2017. № 10(84). С. 80–86. EDN: ZWQMQD
- Ганебных Е.В., Савельева Н.К., Созинова А.А., Федяева Ю.С.* Влияние миграции на социально-экономическое развитие регионов Приволжского федерального округа // *Креативная экономика*. 2023. Т. 17. № 5. С. 1841–1858. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.17.5.118225>
- Зайончковская Ж.А., Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Абылкаликов С.И., Середкина Е.А.* Миграционные процессы в России // *Население России 2017: двадцать пятый ежегодный демографический доклад / отв. ред. С.В. Захаров*. М.: НИУ ВШЭ, 2019. С. 382–458.
- Зорин В.Ю.* Миграционная обстановка в Российской Федерации: проблемы и решения // *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019. Т. 9, № 3. С. 40–50. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50>. EDN: MNIZWI
- Карцева М.А., Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф.* Межрегиональная миграция молодежи в России и выстраивание жизненных стратегий // *Журнал новой экономической ассоциации*. 2021. № 4(52). С. 162–180. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-7>. EDN: OTYELE
- Кашицкий И.С., Мкртчян Н.В., Лешуков О.В.* Межрегиональная миграция молодежи в России: комплексный анализ демографической статистики // *Вопросы образования*. 2016. № 3. С. 169–203. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203>. EDN: WKXHRP
- Костина Е.Ю., Орлова Н.А.* Стратегия развития человеческого капитала Дальнего Востока России // *Власть и управление на Востоке России*. 2022. № 3(100). С. 184–193. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-184-193>
- Кузнецова С.А.* Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // *Социальная психология и общество*. 2013. Т. 4, № 4. С. 34–45. EDN: RSQGGV
- Латова Н.В.* Миграционные установки и предпочтения российских специалистов в контексте концепции человеческого капитала // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021. № 4. С. 429–450. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1692>. EDN: PBPPPG
- Логина В.А., Мурашова В.А.* Внутренняя миграция: проблемы Дальнего Востока России // *Вестник Тихоокеанского государственного университета*. 2020. № 1(56). С. 109–120. EDN: ASGFBR
- Махотаева М.Ю., Николаев М.А.* Миграция специалистов с высшим образованием в России: оценка факторов и моделирование процессов // *Journal of Applied Economic Research*. 2023. Т. 22, № 1. С. 120–141. DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.1.006>. EDN: DUNKIN
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф., Казенин К.И.* Внутренняя миграция как ресурс развития России: социально-экономические эффекты, издержки и ограничения. М.: Дело, 2020. 76 с.
- Моисеенко В.М., Чудиновских О.С.* Теория человеческого капитала и исследования миграционных процессов в России // *Проблемы прогнозирования*. 2000. № 4. С. 124–137. EDN: HRTEJN
- Музыченко Н.П.* Накопление и развитие человеческого капитала на Дальнем Востоке России // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 1(103). С. 99–103. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.072>. EDN: FAUKHO
- Мукомель В.И.* Миграционные исследования: социологическое измерение // *Научные исследования в области этничности, межнациональных отношений и истории национальной политики: мат. сессии Научного совета РАН по комплексным*

проблемам этничности и межнациональных отношений, 19 декабря 2017 г., Москва / под ред. В.А. Тишкова; сост. Б.А. Синанов. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 200–210. EDN: XRSBMT

Омельченко Е.Л. Воображаемые горизонты будущего. Жизненные ориентиры и миграционные планы молодежи Северо-Западного региона России // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250029342-9>. EDN: IRAEPH

Тухтарова Е.Х. Влияние трудовой миграции на человеческий капитал и ВПП регионов России // Народонаселение. 2022. Т. 25, № 4. С. 163–177. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.14>. EDN: BDGTBB

Böheim R., Taylor M.P. From the Dark End of the Street to the Bright Side of the Road? The Wage Returns to Migration in Britain // Labour Economics. 2007. Vol. 14, iss. 1. P. 99–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2005.04.004>

Findlay A.M. An Assessment of Supply and Demand-Side Theorizations of International Student Mobility // International Migration. 2011. Vol. 49, iss. 2. P. 162–190. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2010.00643.x>

Korpi M., Clark W.A.V. Internal Migration and Human Capital Theory: To What Extent is it Selective? // Economics Letters. 2015. Vol. 136, iss. 4. P. 31–34. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2015.08.016>

Yankow J.J. Migration, Job Change and Wage Growth: a New Perspective on the Pecuniary Return to Geographic Mobility // Journal of Regional Science. 2003. Vol. 43, iss. 3. P. 483–516. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9787.00308>. EDN: ETPDBZ

References

Böheim, R. and Taylor, M.P. (2007). From the dark end of the street to the bright side of the road? The wage returns to migration in Britain. *Labour Economics*. Vol. 14, iss. 1, pp. 99–117. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2005.04.004>

Borodkin, M.A. (2024). [Digital social capital in Russian regions: theoretical approaches and practical aspects]. *Society and Security Insights*. Vol. 7, no. 1, pp. 87–102. DOI: [https://doi.org/10.14258/SSI\(2024\)1-06](https://doi.org/10.14258/SSI(2024)1-06)

Findlay, A.M. (2011). An assessment of supply and demand-side theorizations of international student mobility. *International Migration*. Vol. 49, iss. 2, pp. 162–190. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1468-2435.2010.00643.x>

Gaynanov, D.A. and Ataeva, A.G. (2017). [Human capital of the territorial socio-economic system: a problem of identification in the conditions of economics of knowledge]. *Regional'nye problemy preobrazovaniya ekonomiki* [Regional Problems of Economic Transformation]. No. 10(84), pp. 80–86.

Ganebnyh, E.V., Savel'eva, N.K., Sozinova, A.A. and Fedyeva, Yu.S. (2023). [The Impact of Migration on the Socio-economic Development of Regions of the Volga Federal District]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economy]. Vol. 17, no. 5, pp. 1841–1858. DOI: <https://doi.org/10.18334/ce.17.5.118225>

Kartseva, M.A., Mkrtychyan, N.V. and Florinskaya, Yu.F. (2021). [Interregional migration and life strategies of the Russian youth]. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association]. No. 4(52), pp. 162–180. DOI: <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2021-52-4-7>

Kashnickiy, I.S., Mkrtychyan, N.V. and Leshukov, O.V. (2016). [Interregional youth migration in Russia: a comprehensive analysis of demographic statistical data]. *Voprosy obrazovaniya* [Educational Studies]. No. 3, pp. 169–203. DOI: <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2016-3-169-203>

Korpi, M. and Clark, W.A.V. (2015). Internal migration and human capital theory: to what extent is it selective? *Economics Letters*. Vol. 136, iss. 4, pp. 31–34. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econlet.2015.08.016>

Kostina, E.Yu. and Orlova, N.A. (2022). [Strategy for the development of human capital of the Russian Far East]. *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii* [Power and administration in the East of Russia]. No. 3(100), pp. 184–193. DOI: <https://doi.org/10.22394/1818-4049-2022-100-3-184-193>

Kuznetsova, S.A. (2013). [Migration attitudes as a subject of social and psychological research]. *Sotsial'naya psikhologiya i obschestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 4, no. 4, pp. 34–45.

Latova, N.V. (2021). [Migration attitudes and preferences of Russian specialists in the context of the human capital concept]. *Monitoring obschestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremenny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 4, pp. 429–450. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1692>

Loginova, V.A. and Myrashova, V.A. (2020). [Internal migration: the issues of the Far East of Russia]. *Vestnik Tikhookeanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Pacific National University]. No. 1(56), pp. 109–120.

Makhotaeva, M.Yu. and Nikolaev, M.A. (2023). [Migration of higher-educated professionals in Rus-

sia: Assessment of factors and process modeling]. *Journal of Applied Economic Research*. Vol. 22, no. 1, pp. 120–141. DOI: <https://doi.org/10.15826/vestnik.2023.22.1.006>

Mkrtchyan, N.V., Florinskaya, Yu.F. and Kazenin, K.I. (2020). *Vnutrennyaya migratsiya kak resurs razvitiya Rossii: sotsial'no-ekonomicheskie efekty, izderzhki i ogranicheniya* [Internal migration as a resource for Russia's development: socio-economic effects, costs and limitations]. Moscow: Delo Publ., 76 p.

Moiseenko, V.M. and Chudinovskikh, O.S. (2000). [Human capital theory and migration research in Russia]. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecast]. No. 4, pp. 124–137.

Mukomel', V.I. (2018). [Migration studies: sociological dimension]. *Nauchnye issledovaniya v oblasti etnichnosti, mezhnatsional'nykh otnosheniy i istorii natsional'noy politiki. Mat. sessii Nauchnogo soveta RAN po kompleksnym problemam etnichnosti i mezhnatsional'nykh otnosheniy, 19 dekabrya 2017 g., Moskva* [Scientific Research in the Field of Ethnicity, Interethnic Relations, and the History of National Policy: Proceedings of the session of the Scientific Council of the Russian Academy of Sciences on complex issues of ethnicity and interethnic relations, December 19, 2017, Moscow]. Moscow: IEA RAS Publ., pp. 200–210.

Muzychenko, N.P. (2021). [Accumulation and development of human capital in the Russian Far East]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal]. No. 1(103),

pp. 99–103. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.103.1.072>

Omel'chenko, E.L. (2023). [Imaginary horizons of the future: Life goals and migration plans of young people in Russia's Northwest region]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12, pp. 121–135. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250029342-9>

Tukhtarova, E.Kh. (2022). [The impact of labor migration on human capital and GRP of Russian regions]. *Narodonaselenie* [Population]. Vol. 25, no. 4, pp. 163–177. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.4.14>

Yankow, J.J. (2003). Migration, job change and wage growth: a new perspective on the pecuniary return to geographic mobility. *Journal of Regional Science*. Vol. 43, iss. 3, pp. 483–516. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9787.00308>

Zayonchkovskaya, Zh.A., Karachurina, L.B., Mkrtchyan, N.V., Florinskaya, Yu.F., Abylikov, S.I. and Seredkina, E.A. (2019). [Migration processes in Russia]. *Naselenie Rossii 2017: dvadtsat' pyatyy ezhegodnyy demograficheskiy doklad, pod red. S.V. Zakharova* [S.V. Zaharov (ed.) Population of Russia 2017: 25th annual demographic report]. Moscow: HSE Publ., pp. 382–458.

Zorin, V.Yu. (2019). [Migration situation in the Russian Federation: problems and solutions]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University]. Vol. 9, no. 3, pp. 40–50. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-40-50>

Об авторе

Бородкин Максим Александрович

исследователь факультета социологии

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9;

Аспирант

Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;

e-mail: maksim.a.borodkin@gmail.com

ResearcherID: IUO-4657-2023

About the author

Maksim A. Borodkin

Researcher, Faculty of Sociology

Saint Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg,
199034, Russia;

Postgraduate Student

Ural Federal University named after
the first President of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russia;

e-mail: maksim.a.borodkin@gmail.com

ResearcherID: IUO-4657-2023

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России, а также в «белый список» научных журналов.**

Редакционная коллегия принимает к рассмотрению оригинальные статьи на русском и английском языке по следующим отраслям науки и соответствующим научным специальностям:

- 5.7.1 Онтология и теория познания
- 5.7.2 История философии
- 5.7.7 Социальная и политическая философия
- 5.7.8 Философская антропология, философия культуры
- 5.3.1 Общая психология, психология личности, история психологии
- 5.4.1 Теория, методология и история социологии
- 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы
- 5.4.7 Социология управления

Издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Рукопт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается строчными буквами жирным шрифтом и форматруется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

В журнал не принимаются материалы в формате эссе. Рекомендуется разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование);
- результаты/обсуждение;
- заключение /выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится. Русская версия заголовка, названия таблицы и примечания (при наличии) к таблице должна сопровождаться ее переводом на английский язык.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится. Подписи и примечания (при наличии) к рисункам должны приводиться как на русском, так и на английском языках. Рисунки, графики, диаграммы должны быть четкими, легко читаемыми.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографические ссылки в тексте оформляются на языке источников согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiskaliteratury-v-latinitse-references>) с указанием страниц источника цитирования (в случае прямого цитирования на конкретных страницах или обращения к конкретному фрагменту источника без прямого цитирования). При этом ссылки на использованную литературу даются в самом тексте статьи в квадратных скобках. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу *не допускаются*. После завершения основного текста статьи автор может добавить раздел *Выражение признательности* на русском и английском языках, в которых указывается ссылка на *программу*, в рамках которой выполнена работа, или *фонд поддержки*.

Ссылки в тексте оформляются в следующем виде:

- один автор: [Новиков А.М., 2002, с. 52], [Vernaleken A., 2006, p. 7];
- два автора: [Обухов, Иванова, 1999, с. 130];
- несколько авторов: указывается имя первого автора с последующим «и др.» [Иванова и др., 2002], но в списке литературы издание должно включать все имена авторов;
- несколько ссылок в алфавитном порядке разделяются точкой с запятой: [Орлов, Васильева, 2006; Рябухин, 2009], [Социология города..., 2010, с. 71; Петров, 2010, с. 55];
- две или более работ одного автора: [Береснева, 2014, 2016], [Внутских, 2017а, 2017б];
- книги под редакцией, материалы конференций, энциклопедии, словари, иные публикации: [Психолого-педагогическая..., 2014, с. 198], [Sociology and the end..., 2011].

Список литературы в соответствии с практикой международных научных журналов, рекомендуется составлять как минимум из **15–20 источников**; рекомендуется включать в него ссылки на современные журналы и монографии на иностранных языках.

Список литературы в конце статьи оформляется *автором (авторами)* в двух вариантах: в русском, согласно ГОСТ 7.07-2021 (<http://www.internet-law.ru/gosts/gost/1560/>), но без нумерации источников, и в *английском*, согласно принципам **Гарвардского стиля оформления** (<http://www.psu.ru/nauka/nauchnye-zhurnaly/metodicheskie-materialy/oformlenie-spiska-literatury-v-latinitse-references>) также без нумерации источников.

Русский вариант списка литературы должен содержать все источники, оформленные по ГОСТ 7.07-2021 в *алфавитном (русско-го языка) порядке без нумерации*. Обязательно указывается: для книг — фамилия и инициалы автора (выделенные курсивом), название, город, издательство, год издания, том, количество страниц; для журнальных статей, сборников трудов — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, страницы; для материалов конференций — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, страницы.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет **идентификатор DOI**, то его указание в разделе Библиографический список в виде активной гиперссылки является обязательным! DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом. Информацию о DOI источников можно найти по адресу: <https://www.crossref.org/>.

Пример:

Внутских А.Ю. Глобальные катастрофические риски в свете концепции единого закономерного мирового процесса // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2017. Вып. 4. С. 528–536. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2017-4-528-536>.

Bard, P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники**, список литературы делается **только один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления** и содержать все источники в *алфавитном (английского языка) порядке без нумерации*.

Необходимо указывать всех авторов цитируемой работы, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Используйте союз and для связи имен последних двух авторов. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «<», «<», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Правила транслитерации для оформления References:

а б в г д е ё ж з и й к л м н о п р с т у ф х ц ч ш щ ь ы ь э ю я

a b v g d e e zh z i y k l m n o p r s t u f kh ts ch sh sch y e yu ya

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом <https://translitoline.com/nastrojki/> настроив транслитерацию в соответствии с указанными выше правилами (следует особо проверить транслитерированное отображение буквы щ).

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatsti»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для оформления книг:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие. Сведения об издании (информация о переиздании, номер издания, серия)*, Место издания, Издательство. Объем — количество страниц.

Название русскоязычной книги приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных книг приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Panina, T.S. and Vavilova, L.N. (2008). *Sovremennnye sposoby aktivizacii obucheniya* [Modern ways of activating learning]. Moscow: Akademiya Publ., 176 p.

Black, B., Kraakman, R. and Tarasova A. (1999). *Kommentariy Federal'nogo zakona «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Commentary to the Federal Law «On Joint-Stock Companies»]. Moscow: COLPI Labirint, 720 p.

Porter, M. (2008). *Konkurentnaya strategiya: metodika analiza otraslei i konkurentov. Per. s angl. 3-e izd.* [Competitive strategy: methodology for analyzing industries and competitors. Trans. from Eng. 3rd ed.]. Moscow, Al'pina Biznes Buks Publ., 453 p.

Turner, A. (2006). *Introduction to Neogeography*. London, O'Reilly Media, 56 p.

Шаблон для оформления статей или отдельных глав с указанием разных авторов из книги или сборника:

Автор/ы, редакторы, переводчики и др. (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи: сведения, относящиеся к заглавию. *Заглавие книги: сведения, сведения, относящиеся к заглавию*. Место издания, Издательство, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в переводе на английский язык (для переводных изданий приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Gonobolin, F.N. (1962) *Psihologicheskij analiz pedagogicheskikh sposobnostey* [Psychological analysis of pedagogical abilities]. *Sposobnosti i interesy* [Abilities and interests]. Moscow, APN RSFSR Publ., pp. 63–72.

Шаблон для оформления диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Ph.D. Thesis/D.Sc. Thesis*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Voskresenskaya, E.V. (2003). *Pravovoe regulirovanie otsenочноi deyatel'nosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Legal regulation of valuation activities: dissertation]. St. Petersburg, 187 p.

Meadows, K. (2017). *Aristotle on ontological priority: Ph.D. Thesis*. Stanford: Stanford University, 185 p.

Шаблон для оформления авторефератов диссертаций:

Автор (фамилия запятая инициалы) Год издания. *Заглавие: Abstract of Ph.D./D.Sc. dissertation*. Место написания, Издательство (если указано). Объем — количество страниц.

Примеры:

Bezrodnaya, V.F. (2004). *Osobennosti formirovaniya grazhdanskogo obshchestva v protsesse politicheskoi modernizatsii Ukrainy: avtoref. dis. ... kand. polit. nauk* [Features of civil society development in the process of political modernization of Ukraine: Abstract of Ph.D. dissertation]. Odessa, 16 p.

Шаблон для оформления статей из газет или журналов:

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год издания. Заглавие статьи в переводе на английский язык в квадратных скобках: сведения, относящиеся к заглавию. *Название журнала*. Номер выпуска, Местоположение статьи — интервал страниц.

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Примеры:

Nazarchuk, A.V. (2011). [Network research in the social sciences]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 1, pp. 39–51.

Fedosiuk, O. (2005). Trafficking in human beings in criminal law and practice of courts. *Law*. No. 54, pp. 72–73.

Шаблон для оформления источников электронного ресурса удаленного доступа:

Название русскоязычного источника приводят в транслитерации, а затем в квадратных скобках переводят на английский язык (для переводных изданий в скобках приводят оригинальное английское название). Для англоязычных источников приводят оригинальное английское название.

Автор/ы (фамилия запятая инициалы) Год. Заглавие. Available at: URL (без знаков препинания в конце) (accessed — дата обращения).

Примеры:

Bauman, Z. (2011). *Tekuchaya modernost: vzglyad iz 2011 goda* [Flowing Modernity: view from 2011]. Available at: <http://polit.ru/article/2011/05/06/bauman/> (accessed 21.07.2017).

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только один, в соответствии с принципами **Гарвардского стиля оформления**.

Для источников **на других языках** (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz, F. (1892). *Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns* [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Допускается указание в формате постраничной сноски на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименование **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** на русском и английском языках состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках (ключевые слова просим разделять запятыми) с заголовком *Ключевые слова/Keywords*;
- **информацией об авторе** в отдельном файле (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **информацией об идентификаторе автора в виде активной гиперссылки: ResearcherID** (в обязательном порядке, регистрация возможна на сайте <https://publons.com/account/login/>);
- **скан-копией справки об обучении в аспирантуре**, заверенной руководителем учреждения (только для аспирантов).

Текст аннотации не следует разбивать на абзацы. В аннотации следует избегать лишних вводных фраз (например, «В статье рассматриваются...» или «Автором рассматривается...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию:

- предмет, тема, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском языке следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта О.В. Кирилловой (<https://rassep.ru/academy/biblioteka/106584/>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес** fsf-vestnik@yandex.ru и дублируются на платформе <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>. Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ.

В связи с формированием Министерством юстиции РФ единого реестра организаций, физических лиц и СМИ, выполняющих функции иностранного агента, убедительно просим авторов проверять текст предоставляемых статей и ссылок в них на предмет включения соответствующих субъектов в объединенный реестр: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-inostryannykh-agentov/>.

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанного реестра, необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в реестр иностранных агентов Министерством юстиции РФ и дату включения:

При наличии указаний/ссылок на физических лиц, организации и СМИ, из указанных реестров необходимо после ФИО, наименования организации или СМИ ставить знак сноски * (звездочку) и на этой же странице под текстом указывать Включен в Реестр такой-то Министерством юстиции РФ и дату включения.

Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

Предоставление авторами сторонних рецензий не требуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре двойного «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайших выпусках.

Публикации для авторов **бесплатные**.

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2026 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1 — до 1 февраля	2 апреля
в № 2 — до 1 мая	2 июля
в № 3 — до 1 августа	1 октября
в № 4 — до 1 октября	25 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-305

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898, ISSN online 2686-7532) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published, and also on Russian «white list» of scientific journals.

The Editorial Board of the journal receipts original papers in Russian and in English accordingly study fields as follows:

5.7.1 Ontology and theory of knowledge

5.7.2 History of philosophy

5.7.7 Social and Political philosophy

5.7.8 Philosophical anthropology, philosophy of culture

5.3.1 General psychology, personality psychology, history of psychology

5.4.1 Theory, methodology and history of sociology

5.4.4. Social structure, social institutions and processes

5.4.7 Sociology of management

The journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks*, *electronic library system «The University Library On-line»*, *open access scientific library «CyberLeninka»*, *national digital resource «RUCONT»* and *national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)»*.

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in lowercase letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italic*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that there observed distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—). Centuries should be represented by with Roman numerals (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

The materials in the essay format are not accepted in the journal. We urge to divide the text of your article into the following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your paper should be in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists should be done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions should be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures. Pictures, graphs, diagrams should be clear, easy to read.

Formulas should be written in Microsoft Word Equation, version 3.0 or earlier.

References should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>) If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned in square brackets, e.g.: [Vernaleken A., 2006, p. 7].

We recommend including from 15 to 20 citations in Reference list as minimum. These citations should be presented accordingly Harvard style of referencing (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>). Generally, Harvard Reference List citations follow this format: Last name, First Initial. (Year published). *Title*. City: Publisher, Page(s), e.g.: Turner, A. (2006), *Introduction to Neogeography*, London, O'Reilly Media, 56 p.

Citations are listed in alphabetical order by the author's last name without numbering. If there are multiple sources by the same author, then citations are listed in the order of the date of publication.

Each resource should be mentioned in the list of references just once. The list of references should contain only those resources, which were cited in the text. All the resources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If cited source has DOI, then DOI name should be given in References as active hyperlink. DOI name should be placed at the end of the item, and it should be divided from the previous text by dot and void interval.

For example:

Bard, P. (1934). On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. Vol. 41, p. 309. DOI: <https://doi.org/10.1037%2Fh0070765>.

For **resources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head, H. and Holmes, G. (1911–1912). Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*. Vol. 34, p. 102.

For **resources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the resource language

For example:

Goltz, F. (1892). Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns [The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. Bd. 51, no. 11–12, pp. 570–614.

Please do not use footnotes. The author can add a section Acknowledgements after the main text of the article to indicate a **project, scholarship or foundation** supporting his or her research.

Your contribution should be accompanied by:

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author (in separate file): surname and first name; place of work and position; academic degree; academic title; information about author's ID as active hyperlink (Researcher ID); mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- scanned copy of verified certificate of study (for PhD students only).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board will not return to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Authors have to send their materials into e-mail address of the Herald (fsf-vestnik@yandex.ru). In addition, submissions need to be made via our online submission system (<https://press.psu.ru/index.php/philsoc>). The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>).

All articles are exposed to double «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issues.

The publication of manuscript is **free**.

Submission deadlines in 2026

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1 February 1	April 2
No 2 May 1	July 2
No 3 August 1	October 1
No 4 October 1	December 25

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* may be found here: <https://press.psu.ru/index.php/philsoc>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-305

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета
ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2026
Выпуск 1

Редактор *А.С. Беляева*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 30.03.2026
Дата выхода в свет 03.04.2026
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 18,6
Тираж 40 экз. Заказ 41

Адрес учредителя, издателя и редакции:

614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Пермский государственный национальный исследовательский университет.
(Философско-социологический факультет)

Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Управление издательской деятельности.
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36
Отпечатано в типографии ПГНИУ. Тел. +7 (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

Подписка на журнал осуществляется онлайн на сайте «Урал-Пресс»
<https://www.ural-press.ru/catalog/98131/9020596/>

Подписной индекс — 41011